

ISSN 2075 - 9851

**РЕГИОНАЛЬНЫЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ**

Научный журнал по экономике

**№ 1-2 (25-26)
2019**

Региональный экономический журнал
Научный журнал по экономике
№ 1-2 (25-26)
2019
Издается с 2011 года
Выходит 1 раз в квартал

Главный редактор – *А.Н. Макаров*, д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории и экономической политики Набережночелнинского института Казанского (Приволжского) федерального университета.

Зам. главного редактора – *Э.Ф. Назмиев*, канд. экон. наук, доцент Набережночелнинского института Казанского (Приволжского) федерального университета, ведущий научный сотрудник Республиканского научно-исследовательского института интеллектуальной собственности (РНИИС).

Редакционная коллегия:

Бикмуллин А.Л., д-р экон. наук, профессор, президент Академии информатизации РТ;

Газизуллин Н.Ф., д-р экон. наук, профессор, главный редактор журнала «Проблемы современной экономики»;

Губанов С.С., д-р экон. наук, профессор, главный редактор журнала «Экономист»;

Жунусов Б.А., канд. экон. наук, профессор, проректор по научной работе Актюбинского регионального государственного университета имени К. Жубанова, Казахстан;

Клейнер Г.Б., д-р экон. наук, профессор, член-корреспондент РАН, зам. директора по научной работе ЦЭМИ РАН;

Косторниченко В.Н., д-р экон. наук, профессор, главный редактор журнала «Управление собственностью: теория и практика»;

Лопатин В.Н., д-р юрид. наук, профессор, директор Республиканского научно-исследовательского института интеллектуальной собственности (РНИИС);

Пороховский А.А., д-р экон. наук, профессор, зав. кафедрой политической экономии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова;

Сильвестров С.Н., д-р экон. наук, профессор, заслуженный экономист России, действительный государственный советник второго класса, директор Института экономической политики и проблем экономической безопасности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации;

Тодосийчук А.В., д-р экон. наук, профессор, зам. руководителя аппарата комитета ГД РФ по науке и наукоемким технологиям;

Хубиев К.А., д-р экон. наук, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова;

Чекмарев В.В., д-р экон. наук, профессор кафедры экономики Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова;

Шайхелисламов Р.Ф., д-р экон. наук, профессор, директор Приволжского межрегионального центра повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования КФУ;

Юсупов К.Н., д-р экон. наук, профессор Института экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета;

Хоменко В.В., д-р экон. наук, профессор, вице-президент АН РТ.

Зарегистрирован в РИНЦ

Учредитель: Казанский (Приволжский) федеральный университет;
свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-33445 от 08.10.2008.

Адрес редакции:
483812, Республика Татарстан, г. Набережные Челны,
пр. Сююмбике, д. 10а,
Набережночелнинский институт Казанского (Приволжского) федерального университета.
Тел/факс (8552) 36-66-12.
E-mail:regioneconom@yandex.ru.

СОДЕРЖАНИЕ

ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ТРЕНДОВ.....	5
Макаров А. О рефлексии концептуальных особенностей, эволюции институциональных основ и вызовов цифровой экономики в контексте глобальных трендов и источников экономического роста.....	5
Хубиев К., Текеева А. Субституциональные и комплементарные перспективы школ экономической теории в исследовании новых тенденций современности.....	29
Лемещенко П. Институциональное измерение инвестиционного процесса: введение в анализ.....	36
КЛЮЧЕВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА И ЭКОНОМИКИ	45
Ваславская И. О роли и функциях государства в национальной экономической системе.....	45
Благих И., Аверьянова О. Гуманизация социальной политики в современной России - веление времени.....	54
Хубиев К., Айдинов Х., Текеева А. Экономика России под воздействием и вызовами внешней турбулентности.....	61
ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ И ОТРАСЛЕЙ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА.....	79
Назмиев Э., Нагимов А. Теоретические подходы к построению информационных технологий в качестве местных институтов развития городов.....	79
Гурнович Т., Батчаева Ф. Формирование региональной системы информационно-консультационного обеспечения АПК (на примере отрасли коневодства).....	87
Аннотации.....	93

CONTENT

THE SYATS EKIONITY IN CONTEXT GLOBAL AND REGIONAL TRENDING	5
Makarov A. On the digital economy in the context of global trends and the sources of economic growth (reflection of the conceptual features of the evolution of the institutional framework and challenges).....	5
Khubiev K., Tekeeva A. Substitutional and complete perspectives of schools of economic theory in research of new trends of modernity.....	29
Lemeshchenko P. Institutional measurement of the investment process: introduction to analysis.....	36
KEY TRENDS IN STATE ENGAGEMENT AND THE ECONOMY	45
Vaslavskaya I. The state and organization of the national economy.....	45
Blagikh I., Averyanova O. Humanization of social policy in modern Russia - the best time.....	54
Khubiev K., Aidinov Kh., Tekeeva A. Russian economy under the influence and challenges of external turbulence.....	61
INFORMATION TECHNOLOGY FOR DEVELOPMENT TERRITORIES AND BRANCHES OF NATIONAL ECONOMY	79
Nazmiev E., Nagimov A. Theoretical approaches to building information technology as local urban development institutions.....	79
Gurnovich T., Batchaeva F. Formation of the regional system of information and consulting support of aic (on the example of the horse breeding industry).....	87
Annotations	93

**ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ В КОНТЕКСТЕ
ГЛОБАЛЬНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ТРЕНДОВ**

A. Makarov,
Doctor of Economic Sciences, professor,
branch of Kazan (Volga region) Federal
University in Naberezhnye Chelny

A. Макаров, УДК 330.113.4
доктор экономических наук, профессор
Набережночелнинского института
Казанского федерального университета

**О РЕФЛЕКСИИ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ,
ЭВОЛЮЦИИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ОСНОВ И ВЫЗОВОВ
ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРЕНДОВ
И ИСТОЧНИКОВ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА**

***Аннотация:** статья посвящена анализу особенностей информационной экономики, трансформации сетевого рынка под действием цифровизации. Приведены рассуждения о принципиально новой конфигурации сетевой рыночной структуры, концептуальных основах и мифах цифровой экономики, о ее рисках и возможностях. Сделана попытка использования исторического и эволюционного методов в исследовании истории (предыстории) институтов цифровой экономики на основе рассмотрения вопросов о крахе доткомов как фиаско адекватного восприятия сетевого рынка в условиях действия законов Меткалфа, Мура, а также числа Данбара.*

***Ключевые слова:** информационная экономика, цифровизация, сетевой эффект, конфигурация сетевого сектора, отрицательные последствия, риски, возможности, закон Меткалфа, закон Мура, «пузырь» доткомов, число Данбара.*

(Продолжение)¹

Часть 2

10. О последствиях. В течение года после того, как разразился кризис доткомов [1, с.25-32], большинство венчурных предприятий, поддерживавших интернет-стартапы, потеряли все свои деньги и обанкротились, когда новое финансирование иссякло. Некоторые

инвесторы начали называть некогда звездные компании «дот-бомбами», так как за очень короткое время им удалось уничтожить миллиарды долларов. Были признаны банкротами и ликвидированы тысячи компаний по всему миру (преимущественно в США). Начались судебные разбирательства. Банкротство таких стартапов, как Go.com, Webvan, Pets.com, E-toys.com и Kozmo.com, обошлось инвесторам в 2,4 млрд долларов [2]. Последовала волна увольнений, к тому же многие временно уволенные эксперты в технологиях, например, программисты, столкнулись с пресыщенным рынком труда. Вдобавок к тому, что многие специалисты были выброшены на улицу, в это время в США начал развиваться международный аутсорсинг,

¹Начало статьи см.: [1, с.5-36]. Макаров А.Н. О цифровой экономике в контексте глобальных трендов и источников экономического роста (рефлексия концептуальных особенностей, эволюции институциональных основ и вызовов)// Региональный экономический журнал. – 2018. – №3-4 (23 – 24). – С.5-36.

который вместе с увеличенным накануне количеством квалифицированных иностранных рабочих (участвующих в визовой программе США H-1B) значительно усугубил ситуацию. Университетские программы по подготовке специалистов в компьютерной сфере столкнулись с уменьшением количества новых студентов. Были популярны анекдоты о программистах, возвращающихся к учёбе на бухгалтера или адвоката. Было утрачено доверие к IT-сфере. Неконтролируемые спекуляции на ожиданиях многократно усилили падение доверия к ним.

Крах доткомов состоял в утере доверия к ценным бумагам высокотехнологических фирм, связанных с предоставлением услуг через Интернет, что было вызвано, с одной стороны, существенной переоценкой так называемых постиндустриальных технологий, которые на практике не оправдали приписываемых им ожиданий, с другой стороны – имелись неконтролируемые спекуляции на этих ожиданиях, которые многократно усилили негативный эффект от падения доверия. Фактически прекратил своё существование целый сектор услуг, востребованность и ценность которых оказались раздутыми, что сопровождалось разорением тысяч фирм и компаний разного уровня, по большей части новообразованных.

Некоторые компании в секторе связи также не смогли вынести финансового бремени и были вынуждены объявить о банкротстве. Один из крупнейших игроков WorldCom был уличён в ежегодных нелегальных банковских операциях для увеличения прибылей. Когда эта информация стала доступна широкой публике, рыночная стоимость WorldCom рухнула, что вызвало третье по размаху банкротство в истории США. У многих доткомов закончились средства, и они были куплены или ликвидированы; доменные имена были выкуплены

по остаточным ценам конкурентами или инвесторами. Некоторые компании и их правления были обвинены в мошенничестве за неправильное использование средств вкладчиков, а комиссия по ценным бумагам и биржам США оштрафовала крупнейшие инвесторские компании (например, Citigroup и Merrill Lynch) на миллионы долларов за введение в заблуждение инвесторов. Многие сопутствующие отрасли, например, реклама и логистика, сократили свою деятельность ввиду падения спроса на услуги². Крах фондовой биржи в 2000-2002 гг. вызвал падение рыночной стоимости компаний на 5 триллионов долларов США в период с марта 2000 по октябрь 2002.

В связи с тем, что одной из причин краха доткомов является неверная оценка активов и перспектив интернет-компаний (вследствие чего инвесторам были предоставлены завышенные оценки стоимости компаний), такая аналитическая деятельность инвестдомов привлекла внимание финансовых регуляторов, и были приняты законы о разделении комиссий (commissions haring agreement, client commission arrangements), согласно которым гарантированная часть брокерских отчислений, получаемых инвестдомами, идет на выплаты аналитикам. В итоге у инвесторов появилась возможность получать независимую аналитику, предоставляющую разносторонний взгляд на инвестиционную привлекательность интернет-компаний и дающую возможность избежать надувания новых экономических пузырей в будущем.

²Правда, ряду больших компаний-доткомов, таким как Amazon.com или eBay, удалось выжить в беспорядках, и ныне они кажутся уверенными в долгосрочном выживании, другие, как, например, Google, стали лидирующими корпорациями в отрасли и в данный момент процветают [3].

Не станут ли стартапы и социальные сети причиной очередной катастрофы? С 2004 г. возобновляется возрождение сетевого бизнеса, интернет-проекты начали снова набирать силу, но уже как более взвешенные и продуманные. Немалую положительную роль в этом сыграло наличие ряда сформировавшихся бизнес-площадок и технологий, продолжавших эффективно работать, несмотря на всеобщий спад индустрии, а также весьма впечатляющее первичное публичное предложение компании Google.

11. О новых временах интернет-бизнеса и цифровой экономике. На данный момент *интернет-бизнес переживает свой второй подъем*: новые времена – новые звезды, новые идеи и новые имена: успешные IPO и растущая капитализация компаний вывели на орбиту «новых» миллиардеров от Интернета – Марка Цукерберга, Эдуардо Саверина, Дастина Московица, Ларри Пейджа, Сергея Брига. При этом локомотивом развития сетевого бизнеса стали соцсети и поисковики; привычными инструментами рынка ценных бумаг IT-сектора стали акции Facebook, Twitter, Google, LinkedIn, MySpace, Groupon; на подъеме оказываются социальные сети (Facebook, V Kontakte, Twitter), процветающие уже несколько последних лет и превратившиеся в могущественные организации. Аудитория подобных сайтов просто огромна, что очень привлекает инвесторов со всего мира. Они пришли к гениальному решению – социальная сеть должна быть бесплатной, и обычный человек может заработать в социальной сети и вполне неплохо себя обеспечивать (работает монетизация).

Значительный прорыв совершил рынок стартапов, являющийся достаточно серьезной силой (при этом многие инвесторы проявляют осторожность и

вкладывают деньги в поздние этапы развития стартапов, желая удостовериться, что у их создателей есть бизнес-стратегия и они уже уверенно ее воплощают. Хотя при этом немало стартапов проваливается, инвесторы могут идти на эти риски, потому что достаточно прорыва хотя бы одной компании, чтобы покрыть все издержки и хорошо заработать на этом). В настоящее время исходя из того, что за 15 лет многое поменялось, следует отметить, что благодаря накопленному опыту и отлаженным системам, сетевой бизнес ничуть не уступает другим более «материальным» отраслям. Существенно меняются и подходы к инвестированию: помимо вывода на биржи публичных компаний, к которым принадлежат такие гиганты как Facebook и Google, широкое развитие получили внебиржевые инвестиции в частные непубличные стартапы. Выделились два варианта работы небольших частных инвесторов с начинающими интернет-проектами – бизнес-инкубаторы, краудфандинг и ангел-инвестирование. На начало 2015 года число бизнес-ангелов в Америке насчитывало уже 225 тыс. человек. Если в 2000-м запуск нового стартапа стоил \$5 млн, то сейчас требуется на порядок меньше денег, т.е. процесс вложения средств стал более демократичным и поистине народным [4]. Вопрос только в том, как она будет меняться со временем и к чему это приведет, никто не знает, пузырь это или новая эра. Возможно, в этом кроется новая угроза для рынка? Эксперты отмечают, что рост внебиржевого рынка непубличных интернет-компаний может привести к надуванию очередного пузыря, и некоторые аналитики подозревают новую опасность именно там. Роль Интернета во второй половине 2010-х несравнима с 1996-2000 гг., и предполагается, что если это и

правда пузырь и он лопнет, то последствия могут быть гораздо более разрушительными.

Термин «цифровая экономика», будучи введенным в употребление в 1995-м году американским информатиком Николасом Негропonte (Массачусетский университет) (который, рассуждая о недостатках товаров и услуг в физическом воплощении и преимуществах электронной торговли, использовал метафору о переходе от обработки атомов к обработке битов, сформулировав тем самым концепцию цифровой экономики) [5], сейчас используется в обиходе экономистов, политиков, предпринимателей, журналистов во всем мире, в самом широком смысле слова она может быть определена, как «виртуальная среда, дополняющая нашу реальность»[6]³. Действительно, если раньше

³ Не вдаваясь в дискуссию относительно первенства, заметим, что в том же 1995 г. термин «цифровая экономика» (digital economy), призванный охарактеризовать тенденции, происходящие в мировой экономике, был предложен также и канадским специалистом в сфере бизнеса и консалтинга *Дональдом Тапскоттом*, который в своих работах описывает, как уклад жизни людей может и должен измениться под влиянием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), и делает акцент на связях между пользователями – в первую очередь на возможностях сетевого взаимодействия людей из разных географических локаций, сфер деятельности и т.п., и именно лавинообразный рост информационных связей является основой новой экономики [6]. Перечисляя десять технологических сдвигов, которые будут сопутствовать развитию новой экономики и сделают мировое хозяйство эффективнее, Тапскотт, в частности, указывает на необходимость внедрения широкополосного доступа в Интернет, объединения различных данных (аудио, видео, текст) в мультимедиа, перехода от проприетарного к открытому ПО, а также появления различных аспектов виртуальной реальности и искусственного интеллекта. В 2019 г. можно заключить, что все эти сдвиги уже произошли, и ИКТ оказали грандиозное влияние на многие отрасли экономики, хотя глубина того влияния и скорость происходящих

виртуальная часть мира, располагавшаяся в мыслительной реальности человека, не была производительной силой, не была той средой, где создаются новые идеи и продукты, то теперь виртуальная часть совмещена с реальной: можно создать «основанный на реальных событиях» мир, который сам же будет «экономикой в экономике». Достоинство этого мира в том, что он обогнал «аналоговый» (который вынужден каждый раз проводить краш-тест, ломая машины в реальности) и позволяет в виртуальной среде делать невозможное не только в онлайн-играх (где можно прыгать вверх на высоту многоэтажного дома, путешествовать по космосу без скафандра и многократно умирать и т.д.), но и для испытания, совершенствования, апробирования новых продуктов, новых условий, новых технологий и т.д. Другими словами, цифровая экономика – это деятельность, непосредственно связанная с развитием цифровых компьютерных технологий, в которую входят и сервисы по предоставлению онлайн-услуг, и электронные платежи, и интернет-торговля, и краудфандинг, и прочее. Обычно главными элементами цифровой экономики называют электронную коммерцию, интернет-банкинг, электронные платежи, интернет-рекламу, а также интернет-игры. Цифровая экономика *влияет на всех контрагентов рынка*: как на потребителей, так и на производителей: для потребителя получает дальнейшее развитие рационализация его поведения, поскольку в условиях усложнения

в каждой отрасли изменений различны. Соответственно, цифровой называется экономика, основанная на ИКТ. ОЭСР причисляет к ней предприятия, которые создают или обеспечивают процессы электронного обмена информацией, ее обработки и прочие, и к «цифровой занятости» можно отнести любые рабочие места в цифровом секторе и цифровые рабочие места в нецифровом секторе [7].

поведенческой функции в связи с ростом избытка информации резко возрастает проблема выбора. Для рационального потребителя повышается роль рыночных сигналов, при этом большее значение имеет не пространство, а время, т.е. оперативность принятия решения в первую очередь зависит от того, насколько быстро была получена необходимая информация, независимо от того, в какой точке земного шара она возникла; значение временного фактора возрастает также и для производителя. Транснациональные корпорации, функционирующие по всему миру, становятся более открытыми и прозрачными, что приводит к резкому сокращению внутрифирменных транзакций, а продажа товаров означает не единовременную акцию, а начало обслуживания клиента, поскольку в условиях цифровой экономики резко повышается значение послепродажного обслуживания. К тому же, в условиях сокращения жизненного цикла товаров, в структуре рыночной деятельности возрастает значение снабжения клиента новой информацией и новыми программами, в противном случае этот товар быстро устаревает. Все это вызывает рост значения сетевых моделей рынка [8].

12. О глобальных трендах и основных драйверах. Вступление в информационную стадию развития цивилизации прежде всего подтверждается макроэкономическими показателями промышленно развитых стран – увеличением доли информационного сектора в валовом национальном продукте (ВНП), повышением доли работников, занятых обработкой и передачей информации в общей численности занятых. Если в 1958 г. впервые был поставлен вопрос о количественной оценке вклада информационного производства в национальное богатство и выделены тридцать отраслей,

производящих знания (объем информационного сектора в экономике США был оценен в 28,6%) [9], то в настоящее время существует классификация государств по уровню их развития с учетом уровня насыщенности производимого совокупного продукта. Проанализировав нынешнее состояние и темпы роста цифровой экономики в каждом государстве, исследователи разделили страны на 4 группы: 1. Лидеры: Сингапур, Великобритания, Новая Зеландия, ОАЭ, Эстония, Гонконг, Япония и Израиль, демонстрирующие высокие темпы цифрового развития, сохраняющие его и продолжающие лидировать в распространении инноваций. 2. Замедляющие темпы роста: Южная Корея, Австралия, а также страны в Западной Европе и Скандинавии, демонстрировавшие в течение долгого времени устойчивый рост, но сейчас заметно снизившие темпы развития (без внедрения инноваций эти государства рискуют отстать от лидеров цифровизации). 3. Перспективные: несмотря на относительно низкий общий уровень дигитализации, эти государства находятся на пике цифрового развития и демонстрируют устойчивые темпы роста, что привлекает инвесторов: Китай, Кения, Россия, Индия, Малайзия, Филиппины, Индонезия, Бразилия, Колумбия, Чили, Мексика, имеющие потенциал, который может позволить им занять лидирующие позиции. 4. Проблемные: такие страны, как ЮАР, Перу, Египет, Греция, Пакистан, сталкивающиеся с серьезными вызовами, которые связаны с низким уровнем цифрового развития и медленными темпами роста. В ТОП-10 стран с наиболее развитой цифровой экономикой сегодня входят Норвегия, Швеция, Швейцария, Дания, Финляндия, Сингапур, Южная Корея, Великобритания, Гонконг, США. Открытость к инновациям и стимулирование их внед-

рения, возможно, помогут этим государствам создать потенциал для дальнейшего роста [10]. Северная, Западная и Южная Европа, а также Северная Америка могут похвастаться самым высоким уровнем проникновения Интернета – 74% – 94% всего населения пользуются всемирной сетью. В России Интернетом пользуются 110 млн человек – 76% всего населения. Прирост глобальной аудитории соцсетей с января 2017 года составил 13%. Самый быстрый рост количества пользователей отмечается в Саудовской Аравии. С января 2017 года их число увеличилось на 32%, средний общемировой показатель – 17%. Среди других стран с самыми высокими показателями прироста отличаются Индия, Индонезия и Гана. Причиной скачка стало развитие технологий, что упростило населению доступ к социальным площадкам. Медленнее всего соцсети росли в ОАЭ, Южной Корее и Великобритании – <5%. В России пользователей соцсетей стало на 8 826 000 человек больше (+15% к прошлогоднему значению) [11].

Постепенно в мире формируется *два глобальных лидера*, «восточный» и «западный». Их принципы и подходы в развитии различны, как различны и результаты построения целостной цифровой экономической экосистемы. Их достижения и проблемы достойны изучения. Но Российская Федерация может остаться увлеченным наблюдателем без самостоятельной активной работы по выстраиванию цифрового экономического пространства совместно с историческими и культурными партнерами в рамках Евразийского экономического союза. Цифровая повестка ЕАЭС в настоящее время является исключительно актуальной и полезной для совместного уверенного развития его государств-членов, как приоритетная возможность создания глобально конкурентной цифровой экосистемы с дополнительной ценностью для всех её потенциальных участников с учетом того, что технологии цифровых данных проникают всюду и подчиняют себе все большее количество объектов и процессов во времени и кратности эффекта (рис. 1) [12].

Рис. 1 Объекты и процессы цифровизации

По мнению исследователей, масштабный переход на «цифру» остано-

вить невозможно просто потому, что это ценно для потребителя, выгодно бизне-

су, значимо для регулятора; ценность цифровых решений растет, а цена на их получение снижается; оцифровка постепенно разворачивается с самого «низа» – с отдельных объектов, и до самого «верха» – до цифровой экосистемы и до цифрового двойника человека в экосистеме [12]. В ближайшие десятилетия все отрасли, рынки, направления деятельности будут переориентированы в соответствии с требованиями новых цифровых экономических моделей. Технологии больших данных, машинного обучения, распределенных реестров, роботизации, умных вещей, виртуальной и дополненной реальности, беспроводной связи и многие другие, в том числе и те, о которых пока только рассуждают визионеры, основанные на безусловном и масштабном применении цифровых наборов данных, определяют наше ближайшее и отдаленное будущее уже сегодня.

Основными драйверами цифровой трансформации сегодня являются новые продукты и сервисы, новые информационные и управленческие технологии, инновационные бизнес-модели. Ключевой драйвер цифровой трансформации – отраслевые цифровые платформы [12]. Естественными ускоряющимися трендами развития глобальной экономики являются «Uber-изация» всех секторов, мультиязычность и трансграничность, позволяющие быстро вовлекать пользователей со всего мира, сохраняя компании-оператору цифровой платформы принцип экстерриториальности. Высказываются прогнозы о том, что в ближайшие десять лет большинство индустрий переживут существенные преобразования (смена бизнес-моделей, смена лидеров, disruptive innovation), а через 30 лет 80% бизнеса будет в Интернете (Джек Ма, основатель и председатель совет директоров компании Alibaba

Group (Taobao, Alipay, AliMama) [13].

Актуальность цифровой трансформации как на уровне отдельного бизнеса, так и на уровне целых отраслей экономики всех стран в мире формирует нарастающий интерес к проблемам и возможностям, рискам и выгодам, которые становятся возможными в рамках цифровой экономики. Поэтому потребители и бизнес, государство и общество ожидают грандиозных результатов от цифровизации экономики, социальные, экономические и геополитические последствия которой, как и в предыдущих промышленных революциях, будут колоссальными. Отсюда важно то, как же страны могут использовать результаты для развития цифровой экономики, и немаловажно определить наиболее *значимые особенности* развития цифровой экономики. В этой связи особым фактором, который непросто понять и измерить, выделяется уровень *цифрового доверия*, и именно он остается ключевым условием развития глобальной цифровой экономики, определяющим конкурентоспособность цифровой экономики страны. Более того, без него дальнейшее развитие невозможно. В исследовании Mastercard предложен способ изучить и измерить уровень «цифрового доверия», а также оценить состояние и скорость цифрового развития. Впервые в отчете 2017 года авторы исследования школы им. Флетчера измерили уровень доверия к инновациям: 42 из 60 стран проанализировали по четырем критериям – потребительское поведение и отношение к новым технологиям, опыт их использования и инновационный климат, и в числе сформулированных выводов значится необходимость повышения уровня цифрового доверия [10]. Не случайно представители бизнеса, власти и общественности объединяют усилия, чтобы предоставить

каждому доступ в Интернет и обеспечить безопасность пользователей в цифровом пространстве.

13. О плюсах, мифах и минусах. *Американский писатель и футуролог Джон Нейсбитт*, который еще в 1982 году предложил в своей одноименной книге понятие «мегатренд», выделив в ней 10 мегатрендов (в числе которых: «1. Мы перешли от индустриального общества к обществу, в основе которого лежит производство и распределение информации») и рекомендовав запомнить пять главных пунктов, характеризующих переход от индустриального общества к информационному: 1. Информационное общество есть экономическая реальность, а не мысленная абстракция. 2. Инновации в области связи и вычислительной техники ускорят темп изменения благодаря сведению к нулю времени передачи информации (informational float). 3. Новые информационные технологии сперва будут использоваться для решения старых задач промышленности, а затем постепенно породят новые виды деятельности, процессов и продуктов. 4. В обществе с высокой грамотностью, где нам, как никогда, нужны основные навыки чтения и письма, наша система образования выпускает все более низкокачественный продукт. 5. Технология новой информационной эры – не абсолютная гарантия успеха. Ее ждет успех или провал согласно принципу «технический прогресс – душевный комфорт» [14].

Цифровая платформа является *катализатором* экономики. Появление цифровой платформы в любой индустрии (Uber, Airbnb, Amazon, Cainiao, SmartCAT и т.д.) приводит к существенному сокращению транзакционных издержек и ускорению операционных циклов ее участников. Цифровые платформы задают новые профессиональные стандарты, развивают конкуренцию и

формируют динамические рейтинги участников индустрий. Структурирование огромных потоков данных и процессов в индустрии позволяет применять алгоритмическое регулирование и значительно упрощает задачи анализа и синтеза цепочек добавленной стоимости. Цифровые платформы как новые «глобальные клеточки индустрий» в текущей промышленной революции уже доказали эффективность своей «юнит-экономики». Мультиязычность и трансграничность позволяют быстро вовлекать пользователей со всего мира, сохраняя компании-оператору цифровой платформы принцип экстерриториальности. Uber-изация всех секторов – это естественный ускоряющийся тренд развития глобальной экономики. «Через 30 лет 80% бизнеса будет в Интернете... У вас может не быть нужного решения для завтрашнего дня, но оно будет у кого-нибудь другого» (Джек Ма, основатель и председатель совета директоров компании Alibaba Group (Taobao, Alipay, AliMama)).

В число *плюсов развития цифровой экономики* в обзоре 2016 года «Цифровые дивиденды» Всемирный банк относит: рост производительности труда; повышение конкурентоспособности компаний; снижение издержек производства; создание новых рабочих мест; преодоление бедности и социального неравенства. В числе новых возможностей цифровой экономики, безусловно, позитивным образом отражающихся в жизни каждого отдельного человека, также следует отметить следующее благодаря развитию цифровых технологий потребитель может быстрее получать необходимые ему услуги, экономить, покупая продукты в интернет-магазинах по более низким ценам (так, электронная версия книги обойдется потребителю существенно дешевле, чем ее печатный аналог, на оптовой закупке в

интернете, договорившись с другими потребителями, он сможет сэкономить больше, чем делая покупки в оффлайн-вых торговых точках; к тому же потребитель даже может начать свое дело онлайн, стать предпринимателем, не выходя из дома).

Благодаря развитию и внедрению информационных технологий в нашу жизнь сегодня во многих случаях мы можем обходиться без посредника. Например, если мы хотим есть, но не желаем готовить, то можем оформить в интернете доставку еды на дом, если нужно перевести другу деньги, нам не зачем идти в отделение кредитной организации – мы можем сделать перевод через мобильный банк, если нам нужно зарегистрировать транспортное средство, мы тоже можем сделать это онлайн – через портал Госуслуг. Это и многое другое мы можем делать только благодаря тому, что у нас есть компьютер и выход в Интернет. Цифровизация коснулась также и сфер искусства, в частности, музыки (тем самым стремительным потоком за считанные годы заполняя оцифрованной музыкой Интернет), а также самого эфемерного направления из искусств – поэзии [См. об этом: 15, с.18-25]. Это, разумеется, не исчерпывающий перечень, а всего лишь несколько примеров того, как цифровая экономика положительно влияет на нашу жизнь, давая множество возможностей рядовому пользователю и тем самым расширяя возможности самого рынка.

Утвержденная 28 июля 2017 года правительством РФ программа «Цифровая экономика Российской Федерации» направлена на создание условий для развития общества знаний в России, повышение благосостояния и качества жизни граждан страны путем повышения доступности и качества товаров и

услуг, произведенных в цифровой экономике с использованием современных цифровых технологий, повышения степени информированности и цифровой грамотности, улучшения доступности и качества государственных услуг для граждан, а также безопасности как внутри страны, так и за ее пределами [13].

Правительство РФ планирует активно развивать цифровые технологии и внедрять их во все стороны жизни: и в экономику, и в медицину, и в образование, и в государственное управление, и в хозяйство. Программу планируют реализовать к 2024 году с учетом таких плюсов новой экономики, как реализация дистанционной работы; упрощение платежей, свободный рынок, доступность для всех отраслей, высокий уровень производительности, электронный документооборот, сокращение бумажной «волокуты», снижение себестоимости производства (см. подробнее: [16]). В рамках программы Госкорпорацией Ростех планируется формирование технологических заделов по пяти сквозным цифровым технологиям: 1) нейротехнология и искусственный интеллект, 2) системы распределенного реестра, 3) промышленный Интернет, 4) робототехника и сенсорика, 5) технология беспроводной связи. Одним из инструментов реализации своей стратегии Ростех называет комплексные, или экосистемные, продукты, примерами которых являются «Умный город», «Безопасный город», «Единая государственная информационная система здравоохранения» и другие. Экосистемные продукты формируют целые платформы, позволяющие переводить на них отдельные сферы госуправления. Каждый экосистемный проект предполагает максимально широкую номенклатуру и синтез множества компетенций, таким образом захватывая одновременно значительное

число отдельных производителей. При этом продажи экосистемных продуктов, в отличие от продаж отдельных продуктов или компонентов, имеют очевидный мультипликативный эффект. Пилотный проект «Умного города» будет реализован в Ярославской области, где на базе единой интеграционной цифровой платформы будут реализованы проекты: 1) Безопасность: создание рубежей видеонаблюдения; 2) ЖКХ (проект «Светлый города»): замена светильников на светодиодные, более 20 000 из них – с интеллектуальным управлением; обеспечение архитектурной подсветки; создание центра управления освещением; 3) ИТС (интеллектуальная транспортная система); 4) развитие туризма; 5) Программно-аппаратный комплекс поддержки инфраструктуры «Умного города» в сфере образования: система контроля управления доступом для средних общеобразовательных учреждений и здравоохранения; комплекс мониторинга и ведения беременности. Следует заметить, что в концепцию «Умного города» входит как задача создание единой цифровой среды доверия [13].

В то же время понятие «цифровая экономика», уже превзойдя термины «блокчейн» и Big Data по числу противоречивых интерпретаций, успел обрести также и иллюзиями, множеством мифов, в числе которых отметим *такие мифы*, как : 1) информационные технологии – это и есть цифровая экономика, т.е. понятия «информационные технологии» и «цифровая экономика» рассматриваются почти как синонимы; 2) цифровая экономика = виртуальная реальность + машинное обучение; 3) цифровизация позволит смягчить эффект от нехватки квалифицированной рабочей силы; 4) цифровая экономика – это красивые, но пустые слова; традиционная

экономика не изменится принципиально за следующие полвека [17]⁴.

Кроме того, внедрение в жизнь «цифры» и электронной коммерции тем не менее несет для человечества *и ряд минусов*. В этой связи в одинаковой мере важно знать также и о возможных угрозах и рисках, связанных с цифровой экономикой, а также о рисках (угрозах) цифровой экономики: 1) риск киберугроз, связанный с проблемой защиты персональных данных (частично проблема мошенничества может решаться внедрением так называемой цифровой грамотности); в Интернете информационные материалы о хакерских атаках на банки или рассылки с предупреждением руководителей кредитных организаций о готовящихся либо уже совершившихся взломах банкоматов являются не редкостью, их подзаголовки говорят сами за себя (см., напр.: «Хакеры готовят масштабную атаку на банкоматы по всему миру» [19]; «Какие банки атаковали хакеры за последние дни» [20]; «Около 85% банкоматов оказались уязвимы к атакам, направленным непосредственно на хищение средств» [21]; «Хакерские атаки на банкоматы движутся к автоматизации» [22] и др.); 2) «цифровое рабство» (использование данных о миллионах людей для управления их поведением); 3) рост безработицы на рынке

⁴В современной общественной науке на смену интеллектуальной моде на «постиндустриальное» и «информационное» общество пришло новое увлечение – так называемая «цифровая экономика». Ее адепты, также как ранее их предшественники, часто утверждают, что речь идет о настоящей революции, новом общественном строе, представляющем собой альтернативу и капитализму, и социализму. Они убеждены, что «цифровая экономика» обеспечит такой рост производительности труда, который практически решит материальные проблемы человечества, по крайней мере, в той форме, в которой они стоят сейчас [18].

труда, поскольку будет возрастать риск исчезновения некоторых профессий и даже отраслей (например, многие эксперты всерьез полагают, что банковская система в течение ближайших десяти лет исчезнет). Это станет возможным вследствие дальнейшего распространения информационных технологий и ее продуктов: магазинов с электронными кассами, ботов, обслуживающих клиентов, беспилотных автомобилей и прочего); 4) последствия искусственного интеллекта; 5) «цифровой разрыв» (разрыв в цифровом образовании, в условиях доступа к цифровым услугам и продуктам, и, как следствие, разрыв в уровне благосостояния людей, находящихся в одной стране или в разных странах).

Характеристикой той сложившейся сегодня *поляризации стран* (связанной с тем, что если примерно 15–20% человечества в начале XXI в. начинает жить в постиндустриальном обществе, а 60–70% остаются в обществе индустриальном, то 15–20% не удастся пройти даже первичную индустриализацию) становится «глобальный цифровой разрыв». Существовавшая раньше социальная противоположность владельцев средств производства и наемных рабочих сменяется, по М. Кастельсу, делением на интернет-имущих и интернет-неимущих. Результаты кардинального изменения лица современной цивилизации стремительным развитием интернета в начале XXI в. свидетельствуют, что сделать Интернет доступным, недорогим, открытым и безопасным оказалось не всем под силу⁵ [23]; [24].

При том, что плотность информационных потоков резко возросла и об-

щество становится сетевым (в 2015 году отправлялось 207 млрд электронных писем, просматривалось более 8,8 млрд видео на сайте Youtube), совершенно очевидно и то, что это характерно не для всех стран: при численности населения 7,6 млрд человек, доступности в той или иной мере мобильной связи почти 7 млрд пользователей (большая часть из которых, 5,2 млрд) приходится на владельцев мобильных телефонов), согласно представленному в декабре 2018 года отчету Международного союза электросвязи (ITU), в Интернет выходят 3,9 млрд человек, или 51,2% населения планеты, почти четверть миллиарда новых пользователей в 2017 году впервые присоединилась к Интернету [25].

Естественно, что рост дохода повышает качество интернет-технологий, позволяет воспользоваться все новыми благами, открывающими современный Интернет, возникающими все новыми дополнительными приложениями, создающими на наших глазах новое качество жизни.

14. Проблемы и препятствия для мировой экономики. Формирование глобальной информационной системы, связанное с динамической трансформацией экономики сетевого рынка, сталкивается сегодня *с рядом проблем и препятствий*, а также приводит к ряду отрицательных последствий *для мировой экономики*:

1. *Технологические препятствия*, связанные с множественностью технологии построения систем передачи данных, вариантов архитектуры мультисервисных сетей, при этом принципиально новые технологические разработки, претендующие стать перспективной продукцией, не переводятся в практическую плоскость, оставаясь в «режиме ожидания» в течение неопределенного времени.

⁵Вопросы о причинах низких темпов распространения цифровых технологий и стратегии развития Интернета проанализированы в «Докладе о мировом развитии 2016» Всемирного банка.

2. *Проблема продолжающейся борьбы за стандарты*, в том числе между фирмами-старожилами и потенциальными конкурентами-новичками.

3. *Проблема интернет-безопасности (вирусы, дыры в безопасности программного обеспечения, спам и хаке-ры)* становится важным фактором рынка, поскольку цифровые услуги базируются на доступе к Интернету. Количество пользователей Интернета в 2018 году достигло 4,021 млрд человек, что на 7% больше по сравнению с аналогичным периодом прошлого года.

Аудитория социальных сетей в 2018 году насчитывает 3,196 млрд человек – это плюс 13% к прошлогоднему показателю.

Мобильными телефонами в 2018 году пользовались 5,135 млрд человек — на 4% больше, чем год назад [26]. По прогнозам, к 2020 году в мире будет 30–50 млрд подключенных к сети устройств – компьютеров, телефонов, автомобилей и утюгов [27, с.20].

Специалисты по компьютерной безопасности и хакеры уже достигли успехов во взломе «интернета вещей». К примеру, самой знаменитой кибератакой на физическую инфраструктуру остается выведение из строя в конце 2009 и начале 2010 года вирусом Stuxnet (разработанным предположительно американскими или израильскими спецслужбами) тысячи центрифуг для обогащения урана на заводе в Нетензе (Иран); получив сообщение от двух клиентов об обнаруженной дыре в безопасности джипа Cherokee, компания Chrysler выпустила обновление программы, не дошедшее, однако, до большей части машин – его требовалось устанавливать в автосервисе. В результате было отозвано 1,4 млн Jeep Cherokee; мишенью для хакеров стали также ружья, оборудованные электроникой: в августе 2015 года на конференции Black Hat в Лас-Вегасе была

представлена разработка двух исследователей, которые смогли дистанционно взломать самонаводящееся ружье Tracing Point стоимостью 13 тыс. долларов и сбить у него прицел; на той же конференции была представлена многообещающая технология: копирование сим-карты 3G/4G при помощи оборудования стоимостью в две тысячи долларов, т.е. сеть распознает клон сим-карты как законный идентификатор и дублирует на нее все сообщения; самым популярным объектом хакерских атак, разумеется, являются банкоматы. В числе громких историй 2014-2015 годов: кибератака мелкого ресторатора из штат Теннеси, заставлявшего городские банкоматы выдавать 20-долларовые купюры вместо долларовых; международная преступная группировка атаковала банкоматы нескольких банков, заставив их выдавать деньги без введения банковской карты, тем самым нанося ущерб, превысивший 500 млн фунтов стерлингов [28, с.26]. В конце 2014 года лишь расследование обстоятельств хакерской атаки стоило 15 млн долларов [29, с.18].

4. Определенную проблему в области производства и потребления контента составляет *пиратство (в значительной мере связанное с особенностями информационного продукта)*: продавая информацию, ее владелец сам не лишается этой информации, сохраняя её в собственности (свойство «неотчуждаемости» информации) [15, с.47-48], что, в свою очередь, приводит к кардинальному изменению сущности категорий «кража» или «порча» в отношении информации в условиях невозможности обеспечения вновь формирующимися институтами криптозащиты (от несанкционированного прочтения) и имитозащиты (от подмены) абсолютной защиты объектов интеллектуальной собственности вследствие их специфики) [30, с.45]. Государствами-лидерами по объему

продаж пиратского программного обеспечения являются США, Китай, Россия (табл. 1).

Таблица 1

Перечень государств-лидеров по объему пиратского программного обеспечения [31]

Государства	Объем продаж пиратской продукции (в млн долл. США)	Легальные продажи (в млн долл. США)	Показатель пиратства, %
США	9 773	41 664	19
Китай	8 902	2 659	77
Россия	3 227	1 895	63

Очевидно, что в рамках глобальных тенденций развития рыночной экономики как Интернет, так и аутсорсинг сегодня рассматриваются как проявления парадигмального прорыва – «революционных инноваций», имевших место во многих отраслях, от бухгалтерского дела, компьютеров и коммуникаций до музыки, поэзии и развлечений, рассмотренных нами (см. об этом: [15]). Исследователи описывают революционную инновацию как «процесс, при котором товары и услуги, бывшие прежде настолько сложными, дорогими, труднодоступными и «несподручными», что только малое количество людей получало к ним доступ, принимают более удобную и доступную форму, становясь, в конечном счете, еще и более дешевыми в производстве» [32, с.104]. Сегодня не являются исключением и отрасли, связанные с правом интеллектуальной собственности, которые не защищены от революционных инноваций, более того, в нашу цифровую эпоху они особенно подвержены им, ведь если интеллектуальная собственность представляет собой неосязаемую форму собственности – юридический конструкт, фикцию, зарегистрированную или одобренную государством монополию, то она может выжить в конкурентной борьбе только в

таких обществах, где дорого и трудно создавать копии или имитации; в противном случае товары и услуги, защищенные авторским правом, можно свободно копировать и фальсифицировать в любом типичном капиталистическом обществе.

Все изменил век цифровых технологий, с его компьютерными сетями и Интернетом: незаконное использование и копирование материалов, будь то скачанный фильм или книга (это вопрос нажатия на кнопку в телефоне, ноутбуке или компьютере), будучи нарушением авторских прав и предполагая минимальные затраты, стали неременной частью жизни для всех людей общества потребления.

Подобным же образом рынок насыщен подделками и копиями товаров, отличающимися очень низкой стоимостью и зачастую – высоким качеством. Причинами того, что ни один известный бренд или торговая марка не защищена от нарушения авторского права или подделки их продуктов, ни один приносящий финансовую выгоду патент, производственная модель или дизайн не гарантированы от имитаций, являются: 1) уровень развития технологии в западных странах и странах развивающихся, таких как, например, члены БРИКС

(Бразилия, Индия, Китай, Россия и Южная Африка) существенно выровнялся; 2) масса талантливых профессионалов из США, Европы и Японии с конца 1990-х гг. была привлечена для выполнения работы в развивающиеся страны: опытные управляющие, аналитики с Уолл-стрит, бухгалтеры, компьютерные инженеры, дизайнеры автомобилей, ученые из фармацевтической сферы, специалисты, работающие на переднем крае промышленных исследований и т.д. Из-за аутсорсинга разница в технологиях, менеджменте и маркетинговых ноу-хау существенно уменьшается, отсюда создание дешевых и даже качественных имитаций и производство дженериков становится возможным и экономически выгодным, привлекая тем самым международные инвестиции (так называемый «венчурный капитал»), обеспеченные высококлассными экспертами в сфере юридического сопровождения.

Нет никаких предпосылок к тому, что подобная деятельность в ближайшее время сбавит обороты. Это происходит не только в Китае и других странах с переходной экономикой, но и все чаще случается в США и других странах (см. табл. 1). При этом многие нарушители закона и фальсификаторы в Китае являются производителями товаров и услуг, привлеченными для выполнения этой работы компаниями из США, Европы и Японии или же их поставщиками и дочерними компаниями, которые просто действуют рационально, в век аутсорсинга перемещаясь в Китай, чтобы получить выгоду от существенно более низких затрат на авторские права. Все это дает основания полагать, что ситуация с интеллектуальной собственностью не является особенностью пути развития «китайской модели», но, по сути, охватывает весь международный капитализм [32, с.97-108].

5. Современные информационные

технологии послужили основой нарастания всеобщей взаимозависимости всех субъектов мировой экономики в условиях открытой системы экономических, общественно-политических и культурных связей, вызвавшей в конце XX – начале XXI в. формирование единого глобального рынка факторов производства, товаров и услуг, что, в свою очередь, приводит к ряду отрицательных последствий для мировой экономики, заметно снижая возможности контроля и регулирования международных экономических операций со стороны правительств разных стран, преодоления *негативных последствий глобализации*:

а) *ослабление регуливающей роли государства* в экономике сопровождается значительным усилением роли появившихся новых негосударственных субъектов мировой экономики, неподконтрольных государству, переходом части функций от государства к ТНК, ТНБ и другим межнациональным структурам, обладающим значительной экономической властью (так, ТНК обходят таможенные барьеры, уходят от налогов при помощи трансфертных цен, спекулируют валютными ресурсами, что негативно сказывается на производстве, курсах валют и инфляции в странах, а в итоге – на их бюджетах. В связи потерей части доходов от внешнеэкономической деятельности, от налогов, снижаются перераспределительные и социальные возможности государств, что проявляется как в развивающихся, так и в промышленно развитых странах [33, с.124–132]);

б) за последние двадцать лет в мире сформировался *качественно новый глобальный господствующий класс* (интернациональная олигархия, или «новые кочевники»), не привязанный прочно ни к одной стране или социальной группе, не имеющий никаких внешних для себя обязательств и враждебно противостоя-

ящий не только экономически и политически слабым обществам, разрушительно осваиваемым им, но и любой национально или культурно (и тем более территориально) самоидентифицирующейся общности как таковой. Таким образом, создавая глобальные сети и затем наделяя их важными полномочиями в сфере общественного управления, государства (даже исключительно сильные и эффективные) сами создают для себя субъект «внешнего управления», пренебрегающий их суверенитетом;

в) дополнительным свидетельством кризиса суверенизации является набирающая темпы *приватизация насилия* (уже в настоящее время в развитых странах численность частных силовых структур, как правило, имеющих статус частных охранных и детективных агентств, приближается к численности государственных армий, полиции и других официальных ведомств). В России частные силовые структуры используются при рейдерских захватах, взыскании кредиторской задолженности и т.п. Отдельный вид частных силовых структур представляют незаконные вооруженные формирования [34, с.152-153].

Колоссальный эффект «цифровой революции», с которой начинается четвертая эра в истории человечества, заключается в том, что впервые *все мы* оказались на *связи* друг с другом: сегодня 7,5 млрд человек, еще 10 лет назад не имевших возможности общаться друг с другом, могут мгновенно созвониться по мобильному телефону; смартфон превратился в еще более умное устройство – в аппарат для сделок: впервые все мы способны совершать транзакции и торговать друг с другом в режиме реального времени, один на один. Человечество постепенно оцифровывается, а следовательно, стираются границы между людьми. Цифровой экономикой мож-

но охватить все то, что поддается формализации, то есть превращению в логические схемы, а возможность вписать это «нечто» в систему реального производства, распределения, обмена и потребления найдет сама жизнь [6]. В то же время почти две трети человечества сегодня страдают от ограниченного доступа к финансовым сервисам, мало что можно сделать, не имея возможности отправить или получить деньги. Однако каждая революция приносит истине кардинальные перемены в сферу обмена деньгами и ценностями, нам важно мыслить в контексте, размышлять о прошлом, чтобы понять настоящее и спрогнозировать будущее [35, с.25-26].

15. Вместо заключения (об источниках экономического роста и об ответственности за интеллектуальное заблуждение). В оценке цифровых технологий среди исследователей в настоящее время существует две прямо противоположные позиции: 1) одни считают, что не столь существенные количественные изменения пока не позволяют говорить о четвертой промышленной революции; 2) другие, наоборот, считают, что мы уже стоим на пороге революционных изменений.

Ряд ученых (С. Глазьев, В.Д. Деметьев, В.М. Полтерович) считает, что в настоящее время еще не преодолен период инновационной паузы, когда старые технологии уже исчерпали себя, а новые еще не обладают достаточной эффективностью [24, с.72]. В то же время, связывая новый подъем экономики России в решающей степени с развитием «цифровой экономики», С.Ю.Глазьев в статье «Великая цифровая экономика» [36] пишет: «В настоящее время переходный процесс завершается – новый (шестой – А.М.) технологический уклад вступает в фазу роста. Составляющий его ядро комплекс тех же информацион-

но-коммуникационных, нано-, биоинженерных и аддитивных технологий растет с темпом около 30% в год, а его отдельные элементы расширяются с темпом от 20 до 70% в год», оптимистично анализируя вызовы, связанные с «цифровой экономикой», и пути их преодоления [37]. Перспективы для России «стать лидерами на глобальных рынках» в результате внедрения их в реальный сектор усматривают и другие авторы [38].

Анализ многочисленных современных публикаций, основанных на неоклассическом либо (и) институциональном подходе, показывают позиции, связывающие цифровизацию то с апокалипсисом, концом всему, то, наоборот, с дальнейшим прогрессом. Гордеев В.А. усматривает в этом широком разбросе лишь скольжение по поверхности, рассмотрение формы проявления без затрагивания сущностно-содержательного аспекта, не определяя сущность явления, однако воспринимая тенденцию цифровизации экономики как объективный процесс, в то же время фиксирует противоречивость этой тенденции: «Тут и прогресс, тут и угроза, может быть, смертельная, процессу очеловечения и самой жизни человека и человечества. А уж каким именно боком повернется данная объективная возможность цифровизации: гибелью или прогрессом – зависит в значительной степени от направленности макроэкономической политики государств» [39].

Уверенность в способности цифровой экономики повысить эффективность производства нашла отражение в определении, данном «Стратегией развития информационного общества России»⁶,

⁶«Цифровая экономика – хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют суще-

приоритетным названо направление развития цифровой экономики также и в «Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации»: «В ближайшие 10-15 лет приоритетами научно-технологического развития Российской Федерации следует считать те направления, которые ... обеспечат: а) переход к передовым цифровым технологиям, роботизированным системам, новым материалам и способам конструирования, создания систем обработки больших объемов данных, машинного обучения и искусственного интеллекта» [41]. Насколько экономически обоснованы надежды на повышение темпов экономического развития России на основе цифровой экономики⁷?

Если же обратиться к терминологии классической экономики, то цифровизация экономики – это один из новых аспектов производительных сил, требующий соответствующего обновления производственных отношений, в том числе и отношений собственности, и макроэкономической политики [40, с.68].

В то время как нередко к цифрови-

ственно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг» [40].

⁷Как пишет С.Ю. Глазьев: «Моментом начала информационно-цифровой революции следует считать появление электронно-вычислительных машин, которые без участия человека совершают операции с числами, получая, преобразовывая и передавая информацию» [36]. В этом определении материальное производство затрагивается, но лишь в той степени, в какой внедряется цифровая автоматизация, которая, разумеется, способна обеспечить высокие темпы роста производительности труда в сфере обработки и передачи информации. Но опыт начала 50-х годов по внедрению ЭВМ показывает, что цифровая автоматизация ведет также к быстрому наращиванию самих объемов перерабатываемой информации и к росту занятости в этой и смежных сферах (сфера переработки информации в значительной мере начинает работать как бы сама на себя), отсюда далеко не очевидна позитивного эффекта в смысле роста общественной производительности труда [42].

зации на новой технологической основе сводят современный организационно-технический подход к повышению результативности планетарной экономики и цифровую экономику, в которой киберфизическая система⁸ представлена не только в качестве производителя товаров/услуг, но и нового общественного строя, обеспечивающего жизнеустойчивость на качественно новом технологическом уровне. В качестве примера такого подхода приводится экономика Германии, определившей цифровизацию промышленности в 2013 г. программой перехода к цифровой экономике, главной целью которой является преодоление возможных экономических кризисов XXI века созданием производств исключительно на цифровой основе, цифровизацией как производства, так и непромышленной сферы (например, полностью роботизированы: производственная линия завода Porsche, склад интернет-торговли – компания Amazon, беспилотный мини-автобус, экзоскелеты, интернет-банкинг и т.д.). Хотя в США уже сейчас функционирует более 9 тыс. полностью автоматизированных производств, а в расчете на 10 тыс. рабочих мест насчитывается 870 промышленных роботов, в Японии – 400, в Южной Корее – 270, в Китае – 32, а в России этот

⁸Парадокс, но над концепцией киберфизической системы, обеспечивающей взаимодействие виртуальной и реальной частей производственных процессов (названных в программе ФРГ «Индустриализация 4.0» гибкими производствами), в Советском Союзе работали еще в 80-х годах прошлого века, т.е. к идее создания перенастраиваемых (гибких) автоматических линий (ПАЛов и ГАПов), а также модулей на базе оборудования типа «обрабатывающий центр», в Германии пришли вслед за СССР только через четверть века. Но сама эта идея в нашей стране была «забыта» на этапе «перестройки» и «реформирования» экономики России [43].

показатель равен всего 3, а доля цифровой в настоящее время ВВП составляет только 3,9 (что в 2-3 раза ниже показателей США, Европы, Китая), в то же время темпы роста доли цифровой экономики России значительно превышают темпы роста ВВП страны (при росте ВВП страны за период с 2011-2015 гг. на 7%, объем цифровой экономики за этот же период возрос на 59% [44]). Правда, страны различаются и использованными при этом методами: так, в Сингапуре в целях цифровизации экономической системы страны значительное число лиц либерального толка было посажено правительством в тюрьму [45].

Принятая стратегия развития в России цифровой экономики, Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. №203 «О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы» [40] корреспондируется с международными принципами создания информационного общества, определенными Окинавской хартией глобального информационного общества 2000 года [46], Декларацией принципов «Построения информационного общества – глобальная задача в новом тысячелетии» 2003 года [47] и Планом действий Тунисского обязательства 2005 года [48].

Объем инвестиций ведущих мировых экономик в цифровизацию насчитывает около одного триллиона долларов в год, а к 2020 г. достигнет почти 15 трлн долл., и это в первую очередь – в технологию создания микроэлектромеханических систем (MEMS), когнитивной робототехники, систем автоматизированного проектирования (САПР), мехатроники, высокоточных приборов, сверхчувствительных сенсоров, предварительной обработки сигналов, облачных данных, интернет-средств и т.п., т.е. именно в технологии, обеспечивающие материализацию цифровизации произ-

водственных процессов [43].

В модернизации промышленного сектора экономики России также важную роль призваны сыграть цифровизация основных систем и производственных комплексов, создание виртуальной среды конкурентоспособных товаров/услуг с их последующей материализацией в «оцифрованном» производстве. Однако реализация стратегии «Российской промышленности 4.0» невозможна без специального технологического оборудования, обеспечивающего создание микромашино- и приборостроения, наноэлектроники и нанофотоники вне цифровой основы. В то время как сегодня в отечественной промышленности вынуждены применять преимущественно старые, еще советские, производственные технологии, далекие от прецизионности⁹, способной создавать детали с точностью до 0,1 мм, в Германии, США и Японии цифровые технологии уже служат базой производства оборудования для обработки деталей с точностью 0,0001 мм и даже 0,000001 мм. Поскольку без таких технологий невозможен процесс прецизионной обработки поликристаллического кремния (основы микро-наноэлектроники и нанофотоники; к тому же следует заметить, что импорт в Россию высоких технологий ограничен введенными против нее санкциями), то для начала реализации программы «Промышленная революция 4.0» необходимо реальное воссоздание отечественного высокотехнологичного производства средств производства, одним из первых пострадавшего в процессе рыночного «реформирования» российской экономики. В противном случае российская экономика может столкнуться с реальной опасностью абсолютизации и фетишизации процесса цифрови-

зации [43].

Сегодня в очередной раз остро обнаруживается проблема поиска новых источников экономического роста, чем ограничивалась в силу известных идеологических мотивов более фундаментальная проблема выбора стратегии социально-экономического развития. Остро почувствовалась необходимость целостного, всестороннего, развивающегося и полного научного отражения противоречивой реальности, в котором бы нашлось место и внеэкономическим условиям, и факторам хозяйствования. Однако усиливавшаяся научная специализация и приверженность идеологическим канонам не позволяли это делать, что порождало дефект знания. «Ответственность за интеллектуальное заблуждение, – отмечал Дж. Бьюкенен, – отчасти ложится на раскол старой «политической экономии» на отдельные современные дисциплины. Экономисты в большинстве своем стремились остаться позитивными аналитиками» [49, с. 426]. Таким образом, существенные изменения, происходившие в реальных хозяйственных процессах, а также осмысление гносеологических противоречий, серьезные теоретические наработки в других отраслях знаний и междисциплинарные исследования подвели к необходимости формирования новой теории с ее адекватной метапарадигмой и категориальным наполнением *либо обращения к эвристическим традициям политической экономии и наполнения ее новым содержанием.*

Эвристические возможности неоклассической парадигмы Дж. Стиглицем оцениваются еще более конкретно: «Рыночная экономика, в которой исследования и инновации играют важную роль, недостаточно хорошо описывается стандартной моделью конкуренции» [50, с.391]. Одна из фундаментальных причин такого положения заключается в

⁹Каждый автомат Калашникова доводится вручную.

том, что теория рыночной экономики (неоклассика) есть не что иное, как учение об обмене, – каталлактика, по определению Л. Мизеса [51]. Воспроизводство же, как категория политической экономии, отражает широкий спектр фундаментальных оснований хозяйственной системы, включая динамические технико-экономические и политико-социальные изменения.

Важно отметить, что современная мировая экономика со своими характеристиками уже давно не вписывается в предмет мировой экономики. Мировое хозяйство при тенденции к глобализации обнаружило свой предел к потенциальному развитию. Это проявляется в разделении мировой экономики на части, которые иногда называют великими мировыми разломами. По сути, происходит новый передел мира. Противоречие между трудом и капиталом перемещается в плоскость более глубокого противоречия между логикой развития капиталов и культурными ценностями человеческого бытия, избранными в эпоху классицизма ценностями демократическими. Объектом жесткой конкуренции является распределение функций и ролей государств по участию в мировом управлении.

Однако в реальной хозяйственной практике в альянсе с экономической политикой в качестве приоритета навязывается именно денежный интерес, который всегда выигрывает по праву сильного в финансовых играх, называемых национальной финансовой политикой. К сожалению, реализуется этот интерес за счет бедных. Половина взрослого населения мира располагает лишь 1% глобального благосостояния. К 2018 г. за год число долларовых миллиардеров на планете выросло почти на полторы сотни человек, а их состояние увеличилось на \$762 млрд. Теперь на долю 1% насе-

ления планеты приходится 82% всех мировых богатств.

Добавим: результаты исследования говорят о том, что одновременно с падением благосостояния в России растет имущественное неравенство: «Самые богатые 10% россиян владеют 87% всего благосостояния России (против 85% в 2014 году). Это значительно выше ситуации во всех других крупных экономических державах, к примеру в США эта цифра составляет 76%, в Китае – 66%» [54]. По данным GlobalWealthReport, на долю самых богатых 1% россиян приходится 71% всех личных активов в России [52]. Самыми богатыми странами в 2018 г. были признаны Люксембург (110 864 долл. США на душу населения), Швейцария (80113 долл. США на душу населения); Норвегия (73775 долл. США), Катар (72961 долл. США), Исландия (63787 долл. США), США (61053 долл. США), Макао (60470 долл. США), Ирландия (59335 долл. США), Дания (57070 долл. США), Сингапур (55253 долл. США) [54]. Парадокс заключается в том, что названные страны получают доходы, занимаясь лишь трансакционными операциями, извлекая институциональную ренту в процессе обмена. Однако богатство создается в сфере производства, а чтобы получить доход, надо еще пройти стадию обмена, после чего пропорции этого дохода распределяются далеко не по канонам классической политэкономии.

Для социально-экономического развития страны наибольшее значение и силу имеют институты – эндогенные феномены, система которых определяет не только размер дохода и богатства, но и результаты хозяйствования в более широком смысле слова: отношения общества, благосостояние, рост доверия, культуры, накопление научных достижений, опыта, образование, продолжи-

тельность жизни и пр. Вместе с тем стоит признать, что международные институты сегодня являются доминирующими над институтами национальными, и здесь политэкономия институциональных изменений незаменима для верной селекции и отбора в процессе формирования национальной политэкономической стратегии. Принципы экономики (экономической теории) даже не закладывают эту проблему в свой предмет анализа. Из этого вытекает серьезный конфликт в различных сферах хозяйствования на практике, который целостно не анализируется. Обратимся к самой читаемой сегодня книге Т. Пикетти: «Я предпочитаю словосочетание «политическая экономия», которое, возможно, звучит несколько старомодно, но обладает тем достоинством, что отражает единственно приемлемую особенность экономики в рамках общественных наук, которая заключается в ее политическом, нормативном и нравственном измерении. С самого своего появления политическая экономия стремится научно или, по крайней мере, рационально, систематически и методически исследовать, какой должна быть идеальная роль государства в социальной и экономической организации страны, какие государственные институты и политические меры приближают нас к идеальному обществу» [55, с.587]. Название науки «политэкономия», по сути, было предложено основателем этой академической дисциплины А. Монкретьеном, написавшим «Трактат по политэкономии», 400-летие которого человечество отмечало в 2015г. Если обратиться к истории социально-экономического развития, то можно заметить, что старт современной цивилизации с ее довольно сложными и противоречивыми результатами дала именно политэкономия. И тем более странно, что это, пожалуй, единственная экономическая наука, которая сегодня

не осваивается и не развивается на новой, современной основе и даже исключена из научных классификаторов, учебных планов, программ учреждений высшего образования.

Выяснение направлений социально-экономического развития, поиск причин бедности стран и путей достижения благополучия являются стержневыми проблемами всей истории экономической науки. Классическая политэкономия стала первой относительно сформировавшейся дисциплиной не просто об экономическом росте, а о *хозяйственном развитии*. Это была упорная работа умов всесторонне образованных людей над поиском стратегии и форм эволюции человеческого сообщества.

Говоря о необходимых и достаточных условиях неоиндустриального развития и об альтернативе современному экстенсивному развитию экономики России, позволим себе обратиться к рассуждениям известного белорусского ученого, экономиста (политэконома) П.С.Лемещенко (с которым автору неоднократно посчастливилось беседовать и получать истинное удовольствие от общения во время московских и питерских научных форумов за 2012-2018 годы): 1. «Как показывает анализ экономической истории многих стран, имея примерно одинаковые ресурсы, далеко не всем удавалось обеспечить собственное благополучие. Обычно такого статуса достигали 6–10 стран за столетие. Остальные при всех кажущихся стараниях, реформах, разной глубины «системных трансформаций» находились, к сожалению, с большим отрывом во втором эшелоне общепринятых на определенный период параметров развития» [56, с.74]; 2. «Два десятка лет разного рода инновационных программ, но уже на совершенно другой платформе – института частной собственности и капитала – также не обеспечил индустриаль-

но-технического прорыва, о чем говорит отраслевая структура экономики, состав экспорта и импорта, уровень производительности труда, в конце концов, уровень благосостояния населения. И пока прогноз в этом направлении очень неопределенный... Скорее, пессимистический» [56, с.75]. 3. «Социальная апатия, отчуждение основной массы производителей не только от средств производства, произведенного продукта, но и от культуры в широком смысле слова – это далеко не полный перечень итогов современной рыночной реформы. Одинокий и униженный человек не способен на научный прорыв, эффективную и бесконфликтную экономическую и социальную кооперацию между собой, на равных с участниками хозяйственной деятельности других стран.

Таким образом, одной из необходимых предпосылок неоиндустриального развития является выработка именно политико-экономической модели, отвечающей современному сложившемуся разделению труда и геополитической обстановке, технико-технологическим

параметрам и содержанию производственных и социальных отношений, которые реально сложились и с которыми надо, несомненно, считаться» [56, с.75]. 4. «История подтверждает, что проблема оппортунистического поведения – главное звено противоречий, которое привело к банкротству миллионы фирм. Звено науки и инженерно-технических работников, их подготовка, мотивация, включение в воспроизводственную систему – это еще более тонкий и более сложный момент, без учета которого развитие на новой технико-социальной основе вряд ли получится. Поэтому наш заключительный тезис следующий: и власть имеет значение, и воля имеет значение, и «принципал» также важен, но проблема национального развития нуждается в целостном воспроизводственном подходе. Фактор труда обеспечивает более трех четвертей даже не развития, а простого экономического роста. Конечный же результат развития и исходное условие – это институт человеческих взаимоотношений и семьи» [56, с.76].

ЛИТЕРАТУРА

1. Макаров А.Н. О цифровой экономике в контексте глобальных трендов и источников экономического роста (рефлексия концептуальных особенностей, эволюции институциональных основ и вызовов) // Региональный экономический журнал. – 2018. – №3-4 (23-24). – С.5-36.
2. Кризис «доткомов» – описание, история и интересные факты [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fb.ru/article/348920/krizis-dotkomov---opisanie-istoriya-i-interesnyie-faktyi> Дата обращения 03.01.2019.
3. Пузырь доткомов: как это было [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://4brain.ru/blog/%D0%BF%D1%83%D0%B7%D1%8B%D1%80%D1%8C-%D0%B4%D0%BE%D1%82%D0%BA%>. Дата обращения 03.01.2019.
4. Пузырь доткомов – коррекция «новой экономики» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https:// utmagazine.ru/posts/17491-puzыр-dotkomov-korrekcija-novoy-ekonomiki](https://utmagazine.ru/posts/17491-puzыр-dotkomov-korrekcija-novoy-ekonomiki). Дата обращения 03.01.2019.
5. Табунищikov Ю.А. Цифровизация экономики – тенденция глобального масштаба [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gisee.ru/articles/analytics/67827/>. Дата обращения 24.11.2018.

6. Цифровая экономика: как специалисты понимают этот термин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/science/20170616/1496663946.html>.- Дата обращения 15.11.2018.
7. Цифровая экономика и пути ее развития [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wtcmoscow.ru/services/international-partnership/analytics/tsifrovaya-ekonomika-i-puti-ee-gazvitiya/>. Дата обращения 02.01.2019.
8. *Нуреев Р.М.* Цифровая экономика: на пороге четвертой промышленной революции? // Теоретическая экономика. – 2018. – №6(48). – С.71-72.
9. *Пещанская И.* Экономика информационного общества // Российский экономический журнал. – 1996. – № 5-6.
10. ТОП 10 стран с наиболее развитой цифровой экономикой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://web-payment.ru/article/250/top-10-cifrovaya/>. Дата обращения 22.11.2018.
11. *Сергеева Ю.* Социальные сети в 2018 году: глобальное исследование [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.web-canape.ru/business/socialnye-seti-v-2018-godu-globalnoe-issledovanie/>. Дата обращения 06.01.2019.
12. Цифровизация [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fidp.ru/research/digital>
13. Национальная цифровизация [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://Rostec.ru/analytics/natsionalnaya-tsifrovizatsia/>
14. *Табуницков Ю. А.* Цифровизация экономики – тенденция глобального масштаба [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gisee.ru/articles/analytics/67827/>. Дата обращения 24.11.2018.
15. *Макаров А.* Информационное предпринимательство в контексте национальной конкурентоспособности и глобализации (содержание, особенности, последствия) / А. Макаров, Э. Макаров // Региональный экономический журнал. – 2016. – №1-2 (13-14). – С.5-41.
16. Цифровая экономика в России. Что это? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://investfuture.ru/edu/articles/tsifrovaya-ekonomika-v-rossii> © Investfuture.ru
17. *Баланова С.* Иллюзорный мир: пять главных мифов цифровой экономики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.Forbes.ru/Kompanii/350323-illyuzornyy-mir-pyat-glavnyh-mifov-cifrovoy-ekonomiki>
18. *Гриценко В.С.* Потребности в информационных ресурсах в условиях полупериферийного капитализма / В.С. Гриценко, Р.С. Дзарасов // Вопросы политической экономии. – 2018. – №4(16). – С.57
19. Хакеры готовят масштабную атаку на банкоматы по всему миру [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://psm7.com/bankomaty/fbr-predupredilo-banki-ot-krupneyshej-kiberatake.html>
20. Какие банки атаковали хакеры за последние дни [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.rambler.ru/other/41288533-kakie-banki-atakovali-hakery-za-poslednie-dni/?fromamp> // Российская газета. – 2018. – 18 нояб.
21. Около 85% банкоматов оказались уязвимы к атакам, направленным непосредственно на хищение средств [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bankiros.ru/news/85-bankomatov-uazvimy-k-hakerskim-atakam-2120>;
22. Хакерские атаки на банкоматы движутся к автоматизации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://officelife.media/news/kaspersky-told-what-awaits-us-in-2018/part4>

23. *Нуреев Р.М.* Экономическая компаративистика (сравнительный анализ экономических систем). – М.: КНОРУС, 2017.

24. *Нуреев Р.М.* Цифровая экономика: на пороге четвертой промышленной революции? // Теоретическая экономика. – 2018. – №6(48). – С.70.

25. Интернет-доступ (мировой рынок) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%98%D0%BD%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%BD%D0%B5%D1%82>. Дата обращения 02.01.2019.

26. Режим доступа: <https://www.web-canape.ru/business/internet-2017-2018-v-mire-i-v-rossii-statistika-i-trendy/>. Дата обращения 22.11.2018.

27. Слова и числа. Все они станут обыденными объектами кибератак // РБК. – 2015. – №2. – С.20.

28. Вещественные доказательства // РБК. – 2015. – №9. – С.26.

29. *Жолобова М.* Что случилось в мире за последний месяц // РБК. – 2015. – №5. – С.18.

30. *Шевко Н.Р.* Развитие субстанциональной концепции информации в экономике, основанной на знаниях: дис. ... докт. экон. наук. – Казань, 2014. – 333 с.

31. «Теневой рынок». Глобальное исследование компьютерного пиратства, BSA, 2011. – 9-е изд. – 2012 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://Globalstudy.bsa.org/2011/> свободный. Проверено на 15.02.2014.

32. *Сян Фэн.* Конец интеллектуальной собственности: проблемные аспекты за рамками «китайской модели» // Альтернативы. – 2015. – №1(86). – С.97-108.

33. Мировая экономика: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по экономическим специальностям / под ред. И.П. Николаевой. – 4-е изд, перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. – С.124-132.

34. Современный характер циклического воспроизводства: мировое и российское измерение / под ред. К.А.Хубиева. – М.: Экон. фак. МГУ, 2012. – С.160 с.

35. *Скиннер Крис.* Человек цифровой. Четвертая революция в истории человечества, которая затронет каждого/ Крис Скиннер; пер. с англ. О. Сивченко. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. – 304 с.

36. *Глазьев С.Ю.* Великая цифровая экономика(вызовы и перспективы для экономики XXI века) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nlr.ru/news/20171130/glazjev.pdf>. Дата обращения 03.01. 2019.

37. *Юдина Т.Н.* Цифровизация как тенденция современного развития экономики Российской Федерации: pro u contra // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. – 2017. – №3. – С.139-143.

38. *Чалдаева Л.* Цифровая экономика: вчера, сегодня и завтра // Экономист. – 2018. – №4. – С.80-85.

39. *Гордеев В.А.* Цифровая экономика в зеркале теоретической экономики / В.А. Гордеев [и др.] // Теоретическая экономика. – 2018. – №6(48). – С.67.

40. О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы / указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. №203 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.krasnokamensk-school1.edusite.ru/infosec/files/5ada3d44-170a-4c49-9c4a-5a4cеса32f9f.pdf>. Дата обращения 02.01.2019.

41. Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации: утв. указом Президента Рос. Федерации от 1.12. 2016 г. № 642 [Электронный ресурс]. –

Режим доступа: <http://online.mai.ru/%D0%A1%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%B3%D0%B8%D1%8F%20%D0%9D%D0%A2%D0%A0%20%D0%A0%D0%A4.pdf>. Дата обращения 03.01.2019.

42. *Эпитейн Д.Б.* О влиянии цифровой экономики на экономический рост // Вопросы политической экономии. – 2018. – №4 (16). – С.78-90.

43. *Букреев В.В.* Является ли цифровизация панацеей для российской экономики // Вопросы политической экономии. – 2018. – №4 (16). – С.49.

44. *Кульков В.М.* Цифровая экономика: надежды и иллюзии // Философия хозяйства. – 2017. – №6.

45. *Делягин М.* Об идее «российской Норвегии» // [https:// tsargrad.tv](https://tsargrad.tv). 23.01.2018.

46. Окинавская хартия глобального информационного общества 2000 года (подписана 22 июля 2000 года лидерами стран «Большой восьмерки») [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://federalbook.ru/files/SVAYZ/saderzhanie/Tom%206/I/hartia.pdf>. Дата обращения 02.01.2019.

47. Декларация принципов «Построение информационного общества – глобальная задача в новом тысячелетии» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gov.karelia.ru/Leader/Inform/Egov/tunis.html>. Дата обращения 02.01.2019.

48. План действий Тунисского обязательства 2005 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://federalbook.ru/files/SVAYZ/saderzhanie/Tom%206/I/hartia.pdf>. Дата обращения 02.01.2019.

49. *Бьюкенен Дж.* Нобелевские лауреаты по экономике // Избр. труды. – М., 1997.

50. *Стиглиц Дж.* Информация и изменение парадигмы экономической теории // Эковест. – 2003. – Вып. – 3. – № 3. – С. 336 – 422 .

51. *Мизес Л.* Человеческая деятельность : трактат по экономической теории. – М., 2000.

52. Неравенство в доходах вышло из-под контроля [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://expert.ru/2015/10/14/polovina-mirovogo-bogatstva-v-rukah-odnogo-protsenta-naseleniya-planetyi/>

53. Россия – лидер по неравенству распределения богатства [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pikabu.ru/story/rossiya_lider_po_neravenstvu_raspredeleniya_bogatstva_1438581

54. Список стран по ВВП на душу населения 2018, в \$ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://investorschool.ru/rejting-stran-po-vvp-na-dushu-naseleniya-2018>

55. *Пикетти Т.* Капитал в XXI веке. – М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2016. – 592 с.

56. *Лемещенко П.С.* О необходимых и достаточных условиях неоиндустриального развития, или есть ли альтернатива современной экстенсивной экономике России // Теоретическая экономика. – 2018. – № 6(48). – С.74-76.

УДК 330.101

К. Khubiev,

Doctor of Economics, Professor of the Department of Political Economy of the Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University

К. Хубиев,

д-р экон. наук, профессор кафедры политической экономии экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

А. Текеева,

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Political Economy of the Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University

А. Текеева,

канд. экон. наук, доцент кафедры политической экономии экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

СУБСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ И КОМПЛЕМЕНТАРНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ШКОЛ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ В ИССЛЕДОВАНИИ НОВЫХ ТЕНДЕНЦИЙ СОВРЕМЕННОСТИ

Аннотация: в статье рассматривается ситуация, сложившаяся в экономической теории и характеризующаяся как стагнация с элементами кризиса. Анализируется присуждение Нобелевской премии 2017г. по экономике за поведенческую экономику, разработанную вне мейнстрима, как свидетельство стагнации основного течения. Обращается внимание на основные пункты внутренней критики мейнстрима со стороны профессионального сообщества основного течения. Критически рассматриваются надежды на то, что поведенческая экономика может вывести экономическую теорию из стагнации, органически войдя в её состав. Анализируется неиспользованный потенциал методологии кейнсианства и политической экономии. Обоснован вывод о том, что новый этап развития экономической теории возможен на основе кумулятивно-комплементарного соединения потенциала основных направлений экономической теории, особенно на методологическом уровне, с учетом традиционного, со времен зарождения классической политической экономии, междисциплинарного сотрудничества.

Ключевые слова: кризис и стагнация экономической теории, поведенческая экономика, кейнсианство, политическая экономия, междисциплинарное сотрудничество.

Организация специальной секции, посвященной состоянию экономической науки и ее перспективам на СПЭЖ – 2018, является актуальной и отражает назревающую проблему явного отставания науки от нужд практики. Экономическая политика по обе стороны океана перестала ориентироваться на отдельные направления мейнстрима в силу его существенных недостатков, которые будут отмечены ниже, и использует гибридные методы, включающие методы планового управления.¹⁰ Да и в самом экспертном

сообществе экономистов существует смешение оценок и ориентиров о чем, в частности, свидетельствует решение о присуждении очередной Нобелевской премии. Системные сбои нормативных и позитивных функций мейнстрима требуют обратить внимание на другие направления экономической науки, высокомерно игнорируемые основным течением. Прежде всего, имеется в виду политическая экономия, потенциал воз-

управления новым уровнем индустриального развития подробнее изложено в книге Гэлбрейт: возвращение / под ред С.Д. Бодрунова. М., 2017.

¹⁰Об органическом соответствии планового

возможностей в исследовании фундаментально – трендовых тенденций, в том числе и глобального экономического развития используется явно недостаточно. Недоиспользованный потенциал фундаментальных исследований содержится и в кейнсианстве, которое существенно выхолащено его современными трактовками и попытками «синтезировать» с неоклассическим направлением и таким образом встроить его в основной поток экономической мысли. Кризисные явления в мейнстриме потянули за собой и кейнсианство, при том, что остается неиспользованным его методологический и теоретический потенциал, которому в данной работе будет уделено специальное внимание. Несмотря на признаки кризиса, неоклассическое направление не может сброшено со счетов, но претендовать на монополизм оно уже не может. Методологический потенциал общетеоретических исследований трех упомянутых направлений экономической науки с использованием потенциала междисциплинарных исследований является, на наш взгляд, основой для преодоления элементов кризиса и нового этапа развития экономической науки.

Нобелевская премия по экономике в 2017 году была присуждена Ричарду Талеру «за вклад в изучение поведенческой экономики». Ежегодному решению Нобелевского комитета предшествует большая работа по выдвижению работ, их экспертизе, и окончательно отобранные работы приобретают в научном сообществе особый статус. Решение Нобелевского комитета 2017 года дает основание для неодинаковых оценок. Премия присуждена автору работ, не относящихся к мейнстриму. А что это означает? Либо свидетельство кризиса основного течения, либо свидетельство того, что появилось новое направление в экономической науке, которое поможет ей

вернуть утрачиваемые предназначение и функции.

К особым заслугам Р. Талера относится то, что он способствовал включению поведенческой проблематики в исследовательскую парадигму современной экономической теории и тем самым способствовал расширению предмета экономической науки.¹¹ Но расширение предмета экономической науки не отвечает на вопрос о преодолении ее стагнации и даже явных признаков кризиса. Насколько обоснованы оценки и ожидания, возлагаемые на поведенческую экономику, удостоенную высшей оценки экспертного сообщества в 2017 году? Для ответа на этот вопрос следует назвать конкретные претензии, предъявляемые к мейнстриму в современных условиях, и на этой основе определить потенциал комплементарности и субституциональности поведенческой экономики. К выявленным и обсуждаемым недостаткам мейнстрима относятся, в частности, следующие моменты:

- умозрительность моделей: непроверяемость, непрогностичность;

- не предсказали кризис 2008, появление криптовалют, крах крупнейших компаний (LTCM);

- не успевают осмыслить такие глобальные феномены как: появление наднациональных регулирующих органов, греческий кризис, международный терроризм, Интернет и соцсети;

- не могут подтвердить универсальную эффективность даже таких правильных механизмов как аукционы;

- в тех областях, где теория традиционно используется как инструмент обоснования экономической политики (макрэкономика, налоговая политика,

¹¹А.В. Белянин. Ричард Талер и поведенческая экономика: от лабораторных экспериментов к практике подталкивания // Вопросы экономики. 2018. № 1. С.8.

банковское и финансовое регулирование), она оставляет много пространства для дебатов, а нередко и порождает их.

Возможно, это не полный перечень претензий, но приведенного списка достаточно для того, чтобы усомниться в полном «служебном соответствии» мейнстрима в современных условиях. Отсюда делается вывод: и другие пограничные исследования, в том числе и поведенческая экономика, имеют право пристроиться под солнцем экономической теории. Основная претензия: преодолеть высокомерие экономической науки, «чтобы эта дисциплина стала полноправной областью исследований в одном ряду с макроэкономикой, эконометрикой, экономикой труда»¹².

Предполагается, что поведенческая экономика способствует преодолению некоторых недостатков мейнстрима – «знание об отклонении от социальных стандартов может служить не только предметом академических изысканий и описанию экспонатов в “кунсткамере” человеческой глупости, но и инструментом экономической политики»¹³.

Для оценки потенциала поведенческой экономики (ПЭ) в возможностях компенсации выявленных недостатков основного течения и его развития обратимся к основным моментам ее содержания.

ПЭ сосредоточилась на отклонениях от рационального поведения и этим затронула один из постулатов неоклассики о рациональном поведении экономических агентов. Но научный и практический смысл этих изысканий усматривается в том, что расширением предмета экономической теории создается более полная картина, позволяющая уточнять

и корректировать экономическую политику. В реальности люди ведут себя не вполне рационально, и знание **отклонения от рациональных стандартов** может послужить инструментом экономической политики, которая **повышает общественное благосостояние**. А повышение общественного благосостояния служит основным практическим аргументом в претензиях на место в экономической теории. Не оспаривая в данном случае практический вывод, следует заметить покушения на «святыя святых» – рациональность индивидов, которое состоялось значительно раньше, в частности при зарождении неoinституционализма. Этот методологический момент в ПЭ можно даже считать его основанием. К важным теоретическим моментам можно отнести замену функции полезности функцией ценности. И эта идея не отличается новизной. Неоклассика давно тяготится невозможностью измерить полезность в экономических величинах, и некоторые ее представители (В.Смит) предложили переводить полезность в издержки.

Конкретные теоретические сюжеты и модели связаны с идеями: несклонность к потерям, точка отсчета, ментальный учет, эффект наделенности.

С первых попыток проникновения в конкретно-предметную область поведенческой экономики становится очевидным, что как по методологии, так и по теоретической сути это неоклассический подход с опорой на далеко уже не новые идеи ограниченной рациональности. Использование понятий выбора, мотивов, предпочтений, “мысленной бухгалтерии” показывает тесную связь ПЭ с оппозиционной теорией. Нормативные идеи “подталкивания”, основанные на том, что человек – не очень рациональная машина, напоминают навязчивую рекламу, агитацию, индивиду-

¹²Там же. С. 7-8.

¹³Никифоров А., Антипина О.Н. Поведенческая экономика: на пути к новому синтезу // Вопросы экономики. 2016. № 12. С.101.

альные и коллективные внушения.

ПЭ концентрируется на индивиде. И как бы глубоко не были изучены основы и механизмы принимаемых им решений, полученные результаты не позволяют определить трендовые изменения в экономике. Тем более, если предметом выступает отклоняющийся от рационального поведения индивид. Национальные и глобальные закономерности экономического развития определяются не на индивидуальном, а на феноменологическом уровне. Даже агрегирование мотивов принятия решений нерациональными индивидами не поможет продвинуться до определения закономерных изменений. Следует еще учесть, что для нерациональных индивидов нет единых критериев оценки мотивов принятия решений. Многообразие основ нерациональности открывает широкий простор для конкретных исследований. Такие исследования очень важны для маркетинга и других дисциплин, связанных с продвижением товаров. Возможно, поэтому ПЭ возникла из исследований в бизнес-школе. В работах по ПЭ выделяются направления: несклонность к потерям, точка отсчета, ментальный учет, эффект наделенности и др. Конкретные модели, рассматриваемые в рамках этих направлений, интересны, порой забавны (стимулирование написания диссертаций аспирантами, выбор при наделенном и приобретенном театральном билете (благе), выбор при наличии винной коллекции и т.п.). Ниже мы покажем, что при комплементарном взаимодействии исследования ПЭ полезны для разных направлений экономической теории.

Можно согласиться с тем, что поведенческая экономика расширяет область экономических исследований, расширением неоклассического подхода в конкретные области деятельности людей. Можно даже согласиться с тем, что этот подход развивает междисциплинарные

исследования. Можно принять и значение данного подхода для экономической политики.

Но претензии на развитие экономической теории не имеют достаточных оснований, если не отказаться от особенностей ее предмета. Последнюю интересуют в первую очередь закономерные (трендовые) тенденции экономического развития. Поведение индивидов и его изучение с позиций методологического индивидуализма не «дотянется» ни до решения проблем основного тренда и не ответит ни на один из вопросов, поставленных в вину мейнстриму. Мы согласны с мнением, что пока есть только отдельные концепции и модели, которые еще не складываются в систему, что с помощью идей поведенческой экономики уточняется содержание вспомогательных гипотез традиционной теории. И с итоговым выводом: «Пора интегрировать в общую экономическую теорию все ценное, что находилось на ее периферии»¹⁴. Как бы ни были значительны периферийные исследования, экономическая наука должна заботиться о развитии своего «жесткого ядра» - исследование закономерных изменений на разных уровнях, включая прогностические оценки, которые должны вытекать из выявленных закономерностей.

Для этого следует обратиться к неиспользованному потенциалу других направлений общей теории. В этой работе мы обратимся к кейнсианству и политической экономии. Неиспользованность кейнсианства связана с тем, что не раскрыта методология автора, поставившего целью опровергнуть основы неоклассической теории. Нельзя опровергнуть теорию, оставаясь в рамках ее

¹⁴Никифоров А., Антипина О.Н. Поведенческая экономика: на пути к новому синтезу // Вопросы экономики. 2016. №12. С.101.

же методологии. До сих пор нет работ, раскрывающих методологию Д.М. Кейнса. И сам он тоже не оставил специального труда по методологии.

Кратко продвижение Кейнсом в области методологии можно свести к применению: системного и воспроизводственного метода; метода анализа и синтеза¹⁵. Следует подчеркнуть, что анализ и синтез произведен на двух уровнях. Анализ как мысленное расчленение целого на части и изучение отдельных сторон сложного предмета и синтез, как теоретическое воссоединение в целостность аналитически изученного сложного объекта. Применяя метод анализа и синтеза, который был назван «природой экономического мышления», Кейнс совершил синтез другого порядка на уровне микро- и макроэкономики. Он обратил внимание на то, что одна из важнейших проблем – цены – решается неоклассикой (Кейнс называл ее классикой) на двух несводимых по содержанию уровнях. На уровне микроэкономики (Кейнс называет уровнем первой книги) цена определяется на основе предельных издержек, а на уровне макроэкономики (вторая книга) цена определяется количеством денег (количественная теория денег). Не обнаружив никакой связи между этими двумя подходами к цене, Кейнс решает эту сложную и важную проблему методом анализа и синтеза. При этом синтезируется макроэкономический и микроэкономический уровни экономической теории. Следовательно, первый опыт синтеза принадлежит самому Кейнсу, а не его последова-

телям¹⁶. Новый взгляд на теорию и особенно методологию Кейнса имеет и практическое значение.

Политика количественного смягчения, актуальная для развитых экономик, решает задачу причинно-следственного соотношения дополнительного предложения денег и изменения уровня цен. Именно эту задачу решил Кейнс методом системного многофакторного анализа и синтеза. Можно изменить состав и содержание факторов, но, пользуясь методом, можно разработать оригинальную теорию и практические предложения по экономической политике.

Не претендуя на раскрытие всего потенциала политической экономии, отметим лишь некоторые моменты. Институциональные и интеллектуальные попытки изъятия ее эвристического потенциала из научно-исследовательского процесса не идут на пользу самой науке. Укажем лишь на некоторые пункты, где это могло бы послужить продвижению научного отражения современной реальности, преодолению комплекса отставания экономической науки от практики:

- опираясь на методологию диалектики производительных сил и производственных отношений, можно раскрыть характер и оценить основные социально-экономические последствия современной научно-технологической революции, сердцевиной которой является цифровизация;

- исследование содержания кризисов может быть продвинуто применением теории периодичности и содержания кризисов с использованием политэкономической идеи материальной основы цикличности;

- выше указывалось на претензии к мейнстриму, который не прогнозировал появление криптовалюты. В основе по-

¹⁵См. подробнее: Хубиев К.А. Методология Дж. М. Кейнса: преодоление границ классики // Инновационное развитие экономики России: новая концепция экономического знания / под ред. Л.А.Тутова. М., 2016.

¹⁶В этой связи синтез П. Самуэльсона можно считать вторым опытом.

явления криптовалюты лежит тенденция движения денег в своем развитии к всеобщности своей формы. Деньги, будучи всеобщей формой богатства, проходят путь от единичных и особенных форм своего воплощения к всеобщности формы как качества без дальнейших определенностей, где деньги, оторвавшись от своей материальной основы (товарные деньги), нашли форму отрыва даже от исключительно обязательственной основы (кредитные деньги). Сейчас они в форме криптовалюты опираются на лишь анонимно-доверительную основу. Политэкономический подход позволяет определить криптовалюту как одну из форм движения денег к адекватной своей сути – всеобщности и спрогнозировать появление еще новых подобных форм под разными названиями;

-на основе методологического индивидуализма нельзя исследовать макроэкономические и глобальные проблемы развития. Концентрация и централизация банковского и промышленного капитала, обобществление производства, торгово-экономический передел мира, долговой характер мирового и национального воспроизводства и ряд других проблем могут получить определенный уровень решения на базе политической экономии. Для этого ее надо признать в равных правах с другими направлениями и восстановить в научно-образовательном процессе на уровне положения мейнстрима.

В этом кумулятивном потоке объединения эвристического потенциала основных течений экономической теории найдется достойное место для всех в соответствии с потенциалом решения назревших актуальных задач.

В этой связи обратимся к поведенческой экономике, предполагая, что она получит искомое место в мейнстриме. Смысл одной из главных доктрин

перехода в России к рыночной экономике состоял в том, что передача активов от «неэффективного» государственного собственника к «эффективным» частным собственникам вызовет к жизни энергию частного интереса, конкурентную борьбу, в результате чего произойдет технологический прогресс со всеми благостными социально-экономическими последствиями. Произошло все наоборот: технологическая деградация, спад производства благ, депопуляция, сокращение продолжительности жизни и ухудшение её качества. Случившийся феномен требовал объяснения. С одной стороны, частный интерес проявил себя в исторически иных условиях. С другой стороны, позитивным оказалось и подключение частного интереса к плановой экономике Китая. Значит, как таковая частная собственность не является причиной провала надежд на развитие в результате реформы собственности (приватизации). Причина провала в характере возникновения частной собственности. Частная заработанная собственность дает позитивный результат, а частная незаработанная собственность нарушает естественный процесс зарождения и развития частной собственности и дает иной результат¹⁷. Модели поведенческой экономики, посвященные «эффекту наделенности», послужат дополнительным инструментом для объяснения феномена провальных результатов «наделенной», а не «заработанной» частной собственности в России. Исторически феноменальное в России явление получит два объяснения, которые явятся комплементарными по отношению друг к другу.

И, наконец, о междисциплинарно-

¹⁷Подробнее см. Хубиев К.А. Становление Акционерной Формы Производства // Экономист. 1998. № 11. С. 55-61.

сти, обращение к которой стало модным для всех направлений, в том числе и для поведенческой экономики. Для политической экономии обращение к достижениям других наук является традиционным. Еще физиократы применили к экономике «медицинский» подход, рассматривая свой предмет как единый функционирующий организм. Обращение Маркса к естественным наукам лежит в основе его методологии, о чем говорит даже сама терминология: «экономическая клеточка», «система», «орга-

низм» и др. Неоклассическое течение возникло в результате восприятия методологии естественных наук конца XIX – начала XX века, когда достижения и авторитет естественных наук были очень высокими (сциентизм). Традиции междисциплинарности следует продолжить. И в едином кумулятивном потоке основных направлений экономической теории, особенно на методологическом уровне, с учетом междисциплинарности, возможно ее развитие в современных условиях.

Литература

1. *Белянин А.В.* Ричард Талер и поведенческая экономика: от лабораторных экспериментов к практике подталкивания // Вопросы экономики. – 2018. – № 1. – С. 8.
2. *Гэлбрейт: возвращение* / под ред. С.Д. Бодрунова. – М., 2017.
3. *Никифоров А.А.* Поведенческая экономика: на пути к новому синтезу / А.А. Никифоров, О.Н. Антипина // Вопросы экономики. – 2016. – № 12. – С.101.
4. *Хубиев К.А.* Методология Дж. М. Кейнса: преодоление границ классики // Инновационное развитие экономики России: новая концепция экономического знания / под ред. Л.А. Тутова. – М., 2016.
5. *Хубиев К.А.* Становление акционерной формы производства // Экономист. – 1998. – № 11. – С. 55-61.

P. Lemeshchenko,
Doctor of Economic Sciences, professor,
Head of the Department of Theoretical
and Institutional Economics of the Belarusian
State University (Minsk, Belarus)

П. Лемешченко, УДК 330.1 (075.8)
д-р экон. наук, профессор,
заведующий кафедрой теоретической
и институциональной экономики
Белорусского ГУ (Минск, Беларусь)

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ИНВЕСТИЦИОННОГО ПРОЦЕССА: ВВЕДЕНИЕ В АНАЛИЗ

***Аннотация:** в статье дается отличный от традиционного, имеющего узкоэкономический подход понятия «инвестиционный процесс». Анализируется на ряде литературных источников, из каких элементов, форм и этапов складывается инвестиционный процесс в реальности и что объединяющими, закладывающими еще и критерий эффективности выступают неформальные институты. Они же своими ментальными нормами и закладывают тот эффект «колеи», которую трудно преодолеть даже большими ресурсными вливаниями. Формальные институты реализуют и закрепляют инвестиционный процесс, в результате чего получается определенный эффект.*

***Ключевые слова:** институты, инвестиционный процесс, цикл, прибыль, эффект.*

Инвестиции в переводе с лат. «investition, investire» означает одевать, облачать. Т.е. исходный смысл этого понятия отражал непосредственную хозяйственную деятельность человека. Сегодня это понятие приобрело совершенно противоположный смысл – это некоторое вложение с целью извлечения денежного дохода. Но конечный итог инвестиционного процесса все же завершается полезным или бесполезным (для некоторых групп вредным) результатом.

Инвестиционный процесс – это не просто разовое вложение ресурсов даже с положительными результатами, как в рамках традиционного анализа представляют себе формулу этого явления. Инвестиционный процесс, по сути, отражает даже не простое, а расширенное воспроизводство материально-денежных ресурсов, получаемого продукта (не обязательно прибыли, но и достижение какого-то полезно/бесполезного индивидуально/общественного эффекта, соответствующего экономико-культурным приоритетам населения страны) и соответствующих социально-экономических

отношений. Поэтому, во-первых, в рамках институционально-эволюционного подхода мы попробуем не традиционно технико-экономически, а целостно и обобщенно в рамках *холизма* с ориентацией на качественные динамические изменения определить инвестиционный процесс. Представляется, если это делать, то можно свести к минимуму экономические кризисы и другие отрицательные эффекты «экономизма», который сегодня приобрел разрушающее воздействие. И не только на экологию, но и на социально-культурное пространство, т.е. душу человека. Ведь чаще всего то, что произведено не находит сбыта не потому, что оно не нужно, а потому что у многих нет денег, чтобы это необходимое и полезное купить. Во-вторых, объектом инвестиций в человеческой деятельности выступают не только обозначенные ранее ресурсы, но и личный и общественный опыт, эмоции и пр. Время обучения, например, в вузе – это тоже личные инвестиции и после определенного периода человек фиксирует для себя, чего же стоили эти инвестиции и что

получено: доходы, статус, уважение, квалификация и пр. или ... бедность, биржа труда и грустные мысли. Поэтому, такие мысли и ощущения испытывают сегодня ученые, учителя, врачи и люди других близких к ним профессий. Когда осуществляется какая-то экономическая политика, обусловленная амбициями, личными интересами и некоторым уровнем квалификации властной элиты страны, то история покажет результаты всех инвестиций в широком смысле слова со знаком плюс или минус. В-третьих, инвестиционный процесс, процесс производства и всего воспроизводства, всегда сопровождает совокупность производственных отношений и других отношений общения. Последние тоже могут накапливаться и качественно расширяться (или сужаться), обеспечивая человеку или коллективу, обществу комфорт, перспективу будущего, дискомфорт, страх и пр. Сегодня эту сферу исследует политэкономия счастья, которая имеет самые разные показатели. Например, в г. Брест (РБ) жители микрорайона уже не один раз выходили на протестный митинг против строительства аккумуляторного завода, предполагая рабочие места, и, таким образом, зарплату и пр., но в перспективе с вредным для проживающего рядом человека производством. Не все так просто в той же Беларуси, и не только с китайским инвестором, покрывшим многие территории России... В-четвертых, все-таки любой процесс должен отражать динамику, а не некоторую свойственную для экономического анализа цикличность, выражаемую в окупаемости. Дом, в котором мы постоянно живем, дети, как экономические, а не институционально-хозяйственные, человеческие проекты бессмысленны – ведь они убыточны, они, как говорят, не монетизируются. Но, тем не менее, в мире уже 7

млрд человек, правда, и в России и в Беларуси численность населения сокращается, что является серьезным признаком для совершенствования институциональных моделей этих стран.

Содержание инвестиционного процесса наполняется реальным смыслом и целями, ресурсами и силами, теориями и организационными формами исходя из определенного исторического момента, его узлового пункта. Например, рейхсканцлер германской империи Отто фон Бисмарк, понимая необходимость накопления капитала, запретил частные амортизационные отчисления использовать на другие, не инвестиционные цели. А в 1938 г. президент США Ф. Рузвельт для увеличения сбережений соответствующим указом заставил в демократической стране (!?) граждан своей страны по фиксированным ценам продать государству все золото, отменив и расчеты в золоте. Также законодательно чуть раньше рефинансировали крупную задолженность фермеров для развития сельского хозяйства. Т.е. платило все общество во имя частного интереса фермеров.

Для современной экономики, на наш взгляд, узловым пунктом является состояние переходности, состояние трансформации, и не только для так называемых постсоциалистических стран. По существу, по времени в этих странах реформы должны были бы завершиться, что, впрочем, и состоялось, если оценивать по формальным институтам. А если результаты реформ не совпадают с ожиданиями, то, скорее всего, или ожидали много: установим по чьему-то образцу рыночные институты, и они автоматически обеспечат хороший уровень благосостояния, или же реформы были не те – не совпали с уровнем развития производительных сил, с интересами большинства населения стран, с

мотивами и накопленным потенциалом по технологиям, по мотивам, по опыту производства и управления и пр. Скажем так, институциональные инвестиции во многих странах привели к деиндустриализации и разрушению социального капитала. А он является основой «скрепов» общества и экономики, влияя на трансакционные издержки социально-экономических отношений. И сегодня почти во всех постсоциалистических странах это всеобщее недоверие является серьезной проблемой. Для привлечения инвестиций и национальных, и зарубежных в том числе.

Но состояние переходности – это признак всей мировой экономики, поскольку завершается цивилизационный цикл, включающий многие другие циклы. И стоит проблема для стран-лидеров выбора своих моделей хозяйствования. Пока эти страны экономику своих стран «разгоняют» и дополняют через экспорт своих институтов в реформирующиеся более слабые страны, извлекая тем самым институциональную ренту, за счет разного рода инвестиций, неэквивалентного обмена и пр. Но главное *противоречие текущего переходного периода* – это разрыв ценностей трех старших поколений с поколением «Z», имеющим возраст 17-25 лет. Они обладают принципиально иными свойствами и мотивами, которые лежат в основе экономической, культурной, семейной и другой деятельности. Многие модели «накопление-инвестиции» ранее строились на том, что старшее поколение сберегает, а последующее инвестирует с учетом и мотивов тех, кто сберегает. Этот цикл сегодня разорвался уже на институциональной основе. Поколение «Z» уже никак (по крайней мере, пока) не имеет внутренних мотивов для сбережений, равно как и не готовит себя для традиционных отраслей производства. Они пытаются освоить для себя трансакци-

онный сектор (банки, финансы, право, интернет-торговля, криптовалюту и пр.). Но кто-то же в мире должен производить традиционные для человека продукты?

После фундаментальной работы А. Мэдиссона «Контурсы мировой экономики», с одной стороны, на основе предложенных аргументов почти утвердилось мнение о том, что объем инвестиций почти не влияет на экономическую динамику ВВП. Но все-таки закономерен вопрос, а почему одни страны, это примерно 25 стран, имеют устойчивую поступательную траекторию развития, а другие – это почти 175 стран, с трудом справляются с проблемой бедности и не могут сойти с этой «исторической колеи». С другой – настойчиво проверяется гипотеза об инклюзивных институтах, которые генерируются в успешных странах, создавая тем самым и необходимые мотивы для активной экономической деятельности, и соответствующую среду, минимизирующую трансакционные издержки.

Разделение труда и специализация глубоко проникли и в экономическую науку, пронизав монетарным утилитаризмом всю человеческую деятельность и отношения. В результате экономику пытаются лечить, накладывая финансовые пластыри на язвы экономического тела, забывая, что у неё может быть просто душевное заболевание. Все-таки политэкономия не зря приобрела статус классической науки, поскольку в общем виде сформулировала не только представление о хозяйственной системе, но и тем самым установила основные существенные черты и отношения этой системы. Понятие «инвестиции» в более ранних словарях толковалось как создание благ и условий для последовательной человеческой деятельности, обеспечивающей не просто благосостояние, а развитие человека. Интересно то, что,

давая характеристику необходимому и прибавочному продукту, представители классической политэкономии из полученного урожая необходимую часть для будущих посевов относили к необходимому продукту, даже при самом скромном урожае. Ф. Кенэ в своей таблице показал закономерности движения годового продукта между основными классами, чтобы осуществлялось какое-то развитие. Маркс через теорию воспроизводства показал движение совокупного продукта не только между основными классами, но и соответствующими фондами в натуральной и денежной формах. В контексте текущего 200-летия со дня рождения К. Маркса подчеркнем, пожалуй, непревзойденную гениальность этой модели целостной хозяйственной системы, в которой указаны важные универсальные закономерности инвестиционного процесса как единства производства, реализации, потребления и накопления стоимости и потребительной стоимости. В теории воспроизводства был еще и другой важный феномен, без которого не бывает социально-экономического движения и развития, – это феномен производственных отношений. Сегодня частично иногда и довольно глубоким освещением этих отношений занимается институционально-эволюционная теория, к сожалению, даже без ссылок на какие-то классические работы.

Опустим противоречивый вклад в эту важную сферу хозяйственной деятельности австрийской школы, сэра Дж. Хикса и др. Но обратим внимание на то, что уже Дж. Кейнс разделил инвестиционный процесс на S – сбережения и I – инвестиции и, соответственно, на разных лиц, обладающих разными мотивами поведения, ожиданий и ответственности. Так называемые инвесторы, как правило, распоряжаются чужими капи-

талами и, следовательно, их стратегия в первую очередь будет определяться выгодами личного характера. Ну а если риск не оправдался, то лишь понятия «рынок» и «неудачная конъюнктура» примут на себя ответственность. Персональную ответственность за риск будет нести только тот, кто вложил в инвестиционный процесс определенный ресурс. Но об этом открыто будут говорить позже в период кризиса 2008-2009 гг. и после только П. Кругман и Дж. Стиглиц, ориентируя на необходимость изменения политэкономической конфигурации современной экономической цивилизации.

Т. Хавельмо в анализе инвестиций приходит к выводу, что результаты реального инвестиционного процесса зависят не столько от силы логики экономистов, сколько от наличия строительного комплекса с его спецификой и соответственно подготовленными людьми. Россия, например, уже не имеет того строительного комплекса, который бы обеспечил *реальное* освоение имеющихся денежных ресурсов. Поэтому привлекает строителей и технику из Беларуси, Китая, работников из Молдовы, Украины, других бывших союзных республик. Кстати, и в Беларуси ощутили нехватку строителей по причине их оттока в Россию, Польшу, Германию и поэтому, в свою очередь, привлекает строителей из Турции, Китая. Но Беларуси легче решить эту проблему, потому что она, пожалуй, единственная из бывших соцстран сохранила соответствующие учебные заведения для инвестиционного процесса, инвестировав в это часть бюджетных средств.

Тема инвестиций с ценными бумагами нас привлекает меньше всего, поскольку она представлена массой изощренной математическими формулами литературы. Но, как сказал откровенно

Р. Шиллер, рынку ценных бумаг трудно найти рациональное оправдание, и мы поддерживаем эту мысль. Ж. Тироль в книге «Теория корпоративных финансов» же доказал, что хотя выпуск акций, как правило, аргументируется необходимостью привлечения дополнительных инвестиций для фирм, все же корпорации используют для их развития кредитные ресурсы. Почему? Да потому что руководители корпораций привлеченные на фондовых рынках доходы используют в качестве инсайдерской ренты. Но это лишь маленькая часть вывода из этой книги о финансовой деятельности корпораций. В ней также звучит дополнительная критика по спекулятивным финансовым операциям корпораций, о чем уже написано немало книг, статей авторитетными экономистами, политиками, менеджерами о перерождении современного капитализма. Заключительная часть книги Ж. Тироля называется не совсем привычно для финансистов: «Макроэкономическое значение и политическая экономия корпоративных финансов». Оказывается, что на уровне крупных компаний многие происходящие процессы имеют весьма значимое влияние на политико-экономические результаты хозяйствования страны, усиливая, например, циклические колебания или влияя на экономическую активность и, перераспределяя богатство, способствуют расслоению общества. А это новый виток неопределенности в сбережениях, а потом и в инвестициях. Небольшие различия в начальном богатстве, как пишет Ж. Тироль, со временем могут привести к громадному различию состояний семей нынешнего живущего поколения и к еще более заметному различию у будущих поколений [1].

Поэтому после осмысления основных вопросов переходного периода появляется вопрос о том, какая же модель хозяйствования закладывается соответ-

ствующими базовыми институтами и каков стратегический план проектирования этих институтов? Тезис о том, что «строим рынок» и даже не «госкапитализм», а «капитализм» – так сказал один из влиятельных российских политиков, может быть в лучшем случае некоторой метафорой, но не рабочей программой. Все же когда советские политики и руководители в свое время «учились коммунизму», то для этого не было серьезных и тем более детально разработанных программ в этих жутких условиях разрухи и международной блокады. Рыночная экономика за два столетия накопила не только практический опыт, но и научная литература имеет определенный багаж знаний. Поэтому материала для того, чтобы «учиться капитализму настоящим образом» вполне достаточно. Однако для этого надо знать не только некие универсальные принципы, функциональные связи, что предлагает «экономикс», но и возможные институциональные формы, в которых только реализуются эти принципы, а также экономическую историю страны, которая закладывает «эффект колеи». Это крайне серьезные рамки возможного, поскольку здесь не только предполагается учет традиционных ресурсов, но и накопленный генетический код поведения и мотивов предпринимателей, наемного труда и населения в целом, политиков.

Контракты детализируют многие отношения, снижая риски и неопределенность также в инвестиционном процессе. Причем контракты обслуживают этот процесс на всем пути: от сбережений до получения определенного результата. Но сила контрактов на всем этом пути асимметрична: все-таки сильнейший, скажем так, начинает и выигрывает даже при том, что в контракте обе стороны считаются равными. Контракт заключается сторонами, обладающими определенными морально-

нравственными нормами, располагающими некоторым уровнем доверия. Формальное право в виде контрактов дополняет так называемые неявные контракты, которые являются следствием представления людей о возможном обмене из личного опыта и оценки практики. Заключая контракт на строительство жилья и внося на это далеко не свободные деньги, все же эти скромные инвесторы, разрозненные организационно, довольно часто не получают ни жилья, ни денег обратно. Но строительные фирмы наверняка просчитывают в своем бизнес-плане эту безнаказанность, доверчивость со стороны дольщиков жилья и получают свои прибыли. Практика обмана в наших странах этих дольщиков довольно богата, равно как и то, что не соблюдаются обязательства по выплате заработной платы – это основная норма рыночной экономики. Попытка решить эти проблемы юридическими нормами не дадут нужного эффекта, поскольку невозможно переложить всю гамму отношений на формализованный язык и найти к тому же еще и контролеров. Трансакционные издержки в силу этого резко возрастают, а бюрократизм переходит в коррупцию, что и есть на самом деле. Единственный выход – это формирование социального капитала, который бы установил границы допустимых отклонений в поведении индивидов: нарушать принятые обязательства – безнравственно. Можно вспомнить русских купцов, которые подписывали векселя на крупные суммы в трактире за обеденным столом с графином водки. Слово купца было весомее любого контракта, что позволило строить железные дороги, промышленные предприятия, осваивать новые территории.

В ходе эволюции современной экономической цивилизации оформилось несколько институциональных «лову-

шек». На одну из них как фундаментальную еще пару десятков лет обратил внимание и Дж. Сорос: или рыночный фундаментализм разрушит сложившиеся европейские ценности и, соответственно, культуру, или следует переформатировать экономическую модель. Инвестиционный процесс закладывает начала мышления, организации, хозяйственных форм, последовательность этапов и в конце концов критерий оценки эффективности каких-то инициатив, вложений (жизненных тоже), распределения в зависимости от «содеянного». Как следует из анализа Т. Пикетти [2], результат по доходу оказался более чем впечатляющим: 0.5 % населения мира присваивает около 45 % богатства мира, а на почти оставшиеся 70 % населения приходится около 4.5 %. Это показывает социально-экономическую эффективность общего инвестиционного процесса сложившейся модели хозяйствования.

Но и у этой части населения в силу известных причин сохранилась известная англиканской культуре привычка – сберегать, что они и делают на «черный день», который никак не заканчивается. Но аккумулируют эти ресурсы банки, которые распоряжаются этими деньгами как своими, выдавая кредиты под более высокие проценты. Кстати, ни в одном депозитном договоре вы не найдете того положения, по которому собственник этих денег поручает банку с рисками инвестировать в какие-то проекты. Банкротство банка лишает вкладчика своей собственности – денег, но почти никогда не лишает собственности банк или его учредителей. Ограниченность бедного населения бедных стран позволило банкам создать программу «микрофинансирование» с еще более изощренной и кабальной политикой как выдачи этих микрозаймов, так и «выбивания» долгов не на контрактных услови-

ях.

Следующая «ловушка» заключается в том, что именно бедные страны создают денежные ресурсы для кредитования стран богатых. Сегодня инвестиционные ресурсы из финансовых центров идут в основном в богатые страны, поскольку там надежная обеспеченность и, естественно, совокупный спрос выше, что обеспечивает прибыли [3];[4]. Автор понимает значение прибыли и отнюдь не против этого явления. Но, как отмечал Й. Шумпетер, есть «нормальная» прибыль, которая укладывается в понятие равновесной системы, и сверхприбыль, в которой всегда есть элементы монопольной силы и ренты, что нарушает «экономическую справедливость» рыночной экономики и ее равновесие. «Принципиальное изменение современной эпохи заключается в том, – пишет Дж. Стиглиц, – что она создала силы и способность управлять уже рыночной силой» [5].

Еще одна «ловушка» в том, что точечные инвестиции международными сильными «игроками» создали такую систему, в которой издержки национализируются и распределяются между многими другими странами, а доходы капитализируются и приватизируются. Реакция стран и отдельных групп населения стран – самая разная: от создания новых региональных союзов до агрессивного поведения, терроризма и пр.

Распределение инвестиций также непропорционально между основными видами производства и условиями для труда рабочих. Как отмечалось в отчете Oxfam к WEF-2018 в Давосе, за последние десятилетия миллиардеры разбогатели за счет ухудшения условий труда рабочих и экономии на заработной плате при растущей инфляции.

Но время простых решений миновало, где объем инвестиций напрямую обеспечит рост ВВП, который как-то

распределяется между основными социальными группами и классами. Причем показатель ВВП – это уже далеко не показатель социально-экономической динамики и тем более благосостояния. Есть индексы качества институтов страны, индексы счастья, продолжительности жизни населения, удовлетворенность своей работой, агрегаты накопления и действия социального капитала. Интеллектуальная собственность все-таки медленно, но уверенно приходит на смену другим отношениям собственности, традиционным. Это означает, что при завершении текущего институционального цикла, где экономические, правовые, социальные, политические и другие отношения были сфокусированы на определенном типе промышленности, формируется новая политико-экономическая модель хозяйствования. И в ней, безусловно, инвестиционный процесс тоже корректируется, поскольку многое меняется. Например, кто может вразумительно объяснить возникновение блокчейнов, криптовалюты и всей сопутствующей атрибутики? Для нас это переход от моноэквивалентности к полиэквивалентности. Произошло перенакопление капитала, а предполагаемые инвестиции не гарантируют высоких прибылей, к которым уже привык капитал, не заботясь о своей исторической производительной миссии. Государство не всякому крупному капиталу союзник. И поэтому формируются предпосылки для возникновения частных денег, о которых в свое время говорил Ф. Хайек, и их первые формы.

«Государственные инвестиции в инфраструктуру, в человеческий капитал, в институты, обеспечивающие передачу и распространение информации, в строительство жилья и объекты недвижимости играют решающую роль в развитии, – пишет М. Спенс, – поскольку такие инвестиции увеличивают отдачу в

частном секторе... Бесспорно, фискальные и монетарные меры крайне важны, когда имеешь дело, с одной стороны, с угрозой дефляции, а с другой – с риском суверенного долга. Но это не все. Помимо этого необходимы фундаментальные структурные преобразования» [6]. Эти структурные преобразования сегодня наблюдаются, но по-разному и в разных странах. Это зависит от понимания происходящих процессов, их тенденций и закономерностей. Архитектура нового глобального мира еще до конца не про-

явила своей доминирующей тенденцией. Поэтому современный хаос очень выгоден финансовому капиталу, «работающему» в этих условиях на неопределенности, извлекая финансовую ренту. И тем не менее есть разные виды производства, отрасли и разные вложения стран. Приведем один пример, который может быть полезен для того, чтобы определить некоторые перспективы отдельных стран, поскольку этот текущий выбор может определить и динамику развития в будущем (табл. 1).

Таблица 1

Страны-лидеры по инвестициям в технологии в 2015 году
(доля от мировых инвестиций, %) [7]

	США	Китай	Германия	Япония	Россия	Ю. Корея	Великобритания	Другие
Новейшие материалы	59	15	12	7	1	2	2	3
Сельское хозяйство	68	10	5	2	1	1	1	13
Автомоб. промышлен.	22	6	29	32	0	8	0	3
Аэрокосмическая промышленность	62	3	6	1	13	1	2	12
Связь	57	13	2	13	0	4	4	6
Энергетика	49	10	20	7	1	1	1	11
Окружающая среда	37	1	26	8	1	2	6	18
Здравоохранение	43	2	18	7	0	2	9	19
Военный комплекс	78	6	1	0	11	1	1	3
Фармацевтика	56	4	16	5	1	1	7	11

Как видим, приоритет ряда стран оказывается разным. И он, безусловно, не связан с тем традиционным экономическим подходом, согласно которому лишь величина прибыли определяет приоритеты и размеры вложений. Конечно, в частном порядке инициатива выбора зависит от конкретного бизнеса и размеров его капитала, помноженного на понимание развивающихся тенденций.

Таким образом, современная эконо-

мика – это сложная система отношений и отраслей, в которой переплетаются как традиционные уклады, включая, например, отрасли промышленности, сельского хозяйства, а также и новые отрасли, сферы, работающие в разных режимах времени и пространства. Однако отрасли «новой экономики» занимают лидирующее место и значение, которые и закладывают основание для новых подходов теоретического анализа [8]. Отдельные уклады могут иметь более специ-

альные методологии и методики исследования инвестиционного процесса. Но имеющий обобщающее значение, объединяющий разные уклады и этапы, мотивы и формы при выделении генери-

рующей сферы, на наш взгляд, институциональный подход дает более верный ориентир для экономической политики и бизнеса, который хочет или захочет заниматься перспективными отраслями.

Литература

1. *Тироль Ж.* Теория корпоративных финансов. – М., 2017. – С. 935.
2. *Пикетти Т.* Капитал в XXI веке. – М., 2015.
3. *Жариков М.В.* Актуальные вопросы реформы мировой финансовой архитектуры // Вопросы новой экономики. – 2014, № 2. – С. 44-53.
4. *Катасонов В.* Империализм как высшая стадия капитализма: метаморфозы столетия (1916-2016 гг.). – М., 2016. – С. 105.
5. *Дж. Стиглиц.* Цена неравенства. – М., 2015. – С. 223.
6. *Спенс М.* Следующая конвергенция. Будущее экономического роста в мире, живущем в разных скоростях. – М., 2013. – С. 334.
7. *Нуреев Р.М.* Оборонно-промышленный комплекс в условиях экономических санкций / Р.М. Нуреев, Е.Г. Бусыгин // Труды Вольного экономического общества России. – 2017. – Т. 207. – № 5. – С. 264-265.
8. *Лемещенко П.С.* Неоэкономика: практика и начала теории. – В: Современная политическая экономия / под общ. ред. П.С. Лемещенко. – Минск, 2005. – С. 384-402.

КЛЮЧЕВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА И ЭКОНОМИКИ

I. Vaslavskaya,
Doctor of Economic Sciences, professor,
branch of Kazan (Volga region) Federal
University in Naberezhnye Chelny

И. Ваславская, УДК 338.24
д-р экон. наук, профессор кафедры ЭПиО
Набережночелнинского института (филиала)
Казанского (Приволжского) федерального
университета

О РОЛИ И ФУНКЦИЯХ ГОСУДАРСТВА В НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ

Аннотация: в статье рассматриваются роль и основные функции государства в национальной экономической системе. Показано, что обмен экономической деятельностью и ее результатами отражает вертикальные и горизонтальные взаимосвязи и взаимозависимости между хозяйствующими субъектами и государством. Особое внимание уделяется оценке эффективности государства как центрального института национальной экономической системы и его оптимальных масштабов вмешательства в экономические отношения.

Ключевые слова: государство, экономическая система, организация, самоорганизация, собственность, транзакционные издержки, эффективность.

К вопросу о роли и функциях государства в национальной экономической системе (НЭС) в разное время обращались не только теоретики и исследователи экономических систем. Еще классики немецкой философии Кант, Шеллинг и Гегель рассматривали соотношение категории «система» с другими категориями диалектики для систематизации философских категорий, выявления их координации и субординации. По Шеллингу, «организованность – это всего лишь изменчивость, заключенная в границы и представленная в неподвижном виде»¹⁸. В рамках проблематики этой работы целесообразно рассматривать соотношение категории «система» во взаимосвязи с такими понятиями, как «организация», «структура» и «целое», которые «употребляются иногда как совпадающие по

смыслу»¹⁹. Так, по мнению М. И. Сетрова, «...понятия целого, системы, структуры, организации отражают субстанциональность явления и обладают при этом одинаковой степенью общности (целое всегда является и организацией, а организация есть система, обладающая структурой), но различной степенью конкретности»²⁰. Таким образом, и философы, и теоретики экономики в той или иной степени организацию отождествляют со структурой.

Интерес автора статьи к этим вопросам связан, прежде всего, с научными исследованиями в области эволюции трансформации отношений собственности и связанными с этими изменениями роли и функций государства на разных

¹⁸ В. И. Шеллинг. Система трансцендентального идеализма. Л., 1936. – С. 209.

¹⁹ А. Д. Урсул. Природа информации. Философский очерк. М, 1968. – с. 94.

²⁰ М. И. Сетров. Принцип системности и его основные понятия // Проблемы методологии системного исследования. – С. 53-54.

этапах социально-экономического развития общества. В процессе решения поставленных задач и рассмотрения многочисленных проблем в этой сфере всякий раз вставал вопрос о том, какую роль играет государство в регулировании отношений собственности, определении основных направлений общественного развития, удовлетворении потребностей граждан. Диалектика научных исследований и очевидность государственного влияния на национальную экономику предопределили тему этой статьи.

В качестве исходного положения будем рассматривать национальную экономическую систему как совокупность экономических процессов в ней, способов ее организации и доминирующих форм собственности, а макроэкономическую систему – как результат взаимодействия множества ее относительно самостоятельных хозяйствующих субъектов. Макроэкономическая система с ее общими параметрами и характеристиками, макроэкономическими целями, формирующимися на основе потребностей, отражает уровень экономического развития на разных этапах исторического процесса. С целью определения роли и функций государства как основной поставленной задачи рассмотрим непосредственно саму структуру НЭС и основные механизмы ее функционирования.

Национальная экономическая система как крупное многомерное образование характеризуется целостностью и «сплоченностью» всех ее составных частей (элементов). Целостность и тождественность самой себе при различных внешних и внутренних изменениях в национальной экономической системе обеспечивает совокупность устойчивых структурных связей объекта. Однако динамизм общественного процесса постоянно приводит к нарушению этих

связей. При этом каждый раз возникает необходимость формирования новых структурных связей, обеспечивающих сбалансированность макроэкономического развития. Таким образом, организацию НЭС следует рассматривать как непрерывно саморазвивающуюся целостность.

Все изменения, происходящие в процессе эволюции экономической системы, имеют упорядоченный характер. Такой порядок определяется понятиями «организация» и «самоорганизация» системы, различия между которыми вполне очевидны и согласуются со смыслом обозначающих их терминов. Так, например, любое вмешательство государства в регулирование экономической системы, направленное на устранение возникающих недостатков, является типичным примером организации как внешнего воздействия на функционирование хозяйственной системы.

В то же время в результате структурных изменений посредством взаимопревращения внутренних различий явления, т.е. вариантных структур, в национальной хозяйственной системе осуществляется саморегулирование, или самоорганизация. К механизмам самоорганизации национальной экономики относятся рыночный механизм (товарного обмена) и самоорганизационные процессы, протекающие в сферах производства, распределения и потребления. Например, самоорганизация рынка происходит под действием механизмов ценообразования, в результате чего изменяется соотношение между спросом и предложением. Таким образом, самоорганизация отличается от процесса организации прежде всего тем, что сущность этого процесса обусловлена природой самой системы, а не действием внешних факторов. Другими словами, самоорганизация, как сущностная характеристика структурных связей, связана с экономи-

ческими агентами, которые, обладая правами собственности, вступают в контрактные отношения по поводу обмена хозяйственной деятельностью и ее результатами.

Самоорганизация и организация национальной экономической системы выступают как два взаимодополняющих процесса, диалектическая пара, взаимопревращение которых поддерживает структурные связи хозяйственной целостности, и связаны они с одним экономическим агентом – государством. Именно то обстоятельство, что в основе структурных связей макроэкономических систем лежат организационные процессы, которые связаны с центральным элементом органической целостности – государством, является основополагающим в определении роли и функций государства в национальной хозяйственной системе.

Рассмотрение вопроса о том, что же определяет целостность и стабильность макроэкономической системы и в чем при этом заключается роль государства, невозможно без учета важнейшей существенной черты организации и самоорганизации, реализуемых в результате горизонтальных и вертикальных взаимосвязей экономических агентов. Она состоит в том, что организация и самоорганизация, взаимообуславливая друг друга, предполагают те или иные формы движения, т.е. процессуальность экономической системы, ее динамику. В таком случае взаимопревращение организации и самоорганизации, с одной стороны, и структура – с другой, выступают однопорядковыми явлениями, которые характеризуют устойчивую упорядоченность связей компонентов целостного объекта. Другими словами, именно они предопределяют стабильность и устойчивость макроэкономической целостности. Но сама структура предстает в ста-

тической и динамической формах, поэтому и организация, и самоорганизация включают в себя их единство.

Внутри любой экономической системы заложен механизм ее самодвижения, элементом которого является взаимодействие всех отношений в обществе. Механизм самодвижения экономической системы основан на провоцировании изменений на одном из уровней организационных отношений и на реакции на эти изменения последующих уровней отношений. Это выливается в необходимость либо устранения противоречий, либо создания адекватных условий для обеспечения развития. Консолидирующую и объединяющую роль в экономической системе играет организация, пронизывающая собой все элементы этой системы. В этом плане выражением единства вертикальных связей между взаимозависимыми экономическими агентами выступает организация, связанная с механизмом самодвижения центрального элемента системы – государства.

Важнейшей чертой организации является «равновесие», покой, качественная неизменность, достигаемая через непрерывное самодвижение. Причем организованность всегда проявляется как взаимодействие в застывшем виде, в отличие от непрерывного движения, направленного внутрь объекта до бесконечности. Наиболее совершенная организация имеет предельный момент самодвижения, выражающийся в высокой динамичности взаимодействия элементов, что и обуславливает организованность и целостность хозяйственного образования.

Результирующей процессов дифференциации и интеграции экономической деятельности является организация хозяйственных целостностей. При этом динамическим ее аспектом выступает

дифференциация, проявляющаяся в изменении элементов структуры и predetermined обособлением на основе прав собственности. Статической же характеристикой организации является интеграция, предполагающая объединение дифференцированных элементов и связей между ними, согласование их проявлений. Исходя из этого, мы должны признать, что государство как центральный элемент экономической системы, воплощающий ее организующее структурное начало, должно было возникнуть и развиваться, выполняя только те функции, которые были необходимы для сохранения ее целостности.

Теория организации экономических систем и теория прав собственности не могут быть полными без теории государства. Это связано с тем, что отношения собственности предстают в виде взаимосвязей между экономическими агентами, которые санкционированы обществом (а точнее государством и созданными им формальными институтами) в отношении порядка извлечения индивидами полезности из экономических благ через систему частичных правомочий. Если бы собственник не обладал ими, то он не смог бы вступать в отношения с владельцами других благ по поводу обмена экономической деятельностью и ее результатами. Ведь именно государство представляет собой агентство по спецификации и защите прав собственности и с отправлением именно этих функций связана одна из важнейших экономических категорий транзакционных издержек.

Необходимо отметить, что существуют различные теории государства, объясняющие его происхождение и сущность, природу государственной власти, ее цели и задачи, средства и методы деятельности государства, пути и перспективы дальнейшего развития государства. Однако многие теоретики прав

собственности отмечали, что удовлетворительной теории государства до сих пор не существует²¹. На наш взгляд это связано, прежде всего, с неоднозначной ролью государства и его функций в национальной экономической системе.

Если экономическую систему рассматривать с организационной точки зрения, то задачей государства как субъекта экономических отношений выступает упорядочивание горизонтальных и вертикальных связей между экономическими агентами. Однако по отношению к организации экономических систем на основе таких институтов, как рынок и частная собственность, государство представляет собой парадоксальное явление. Для нормального функционирования и защиты этих институтов, оказывается, нужен механизм, базирующийся на противоположных принципах централизации и коллективной собственности. Это противоречие всегда являлось интеллектуальным пазлом: «В рамках их рыночных воззрений (представителей теории прав собственности и транзакционных издержек) правительство выступает как социальный институт по обеспечению свободы контрактации и предоставлению товаров и услуг, которые не могут распределяться через рынки. Вместе с тем существует давно укоренившееся подозрение, что нерыночное распределение привилегий по принципу «один человек – один голос» ведет к конфликту между способами организации политической и экономической сфер общества»²².

Наиболее интересная трактовка проблемы государства в рамках теории прав собственности была предложена Д.

²¹ The economics of property rights. Ed. by Furudoth E. G., Pejovich S., Cambridge, 1974. P. 169.

²² Nutzinger H. G. The economics of property rights: a new paradigm in economic science? / In: Philosophy of economics. Ed. by Stegmuller W., Berlin, 1982. P. 174.

Нортом. По его определению, государство – это «...организация со сравнительными преимуществами в осуществлении насилия, распространяющаяся на известный географический район, границы которого определяются ее властью над налогоплательщиками. Сущность прав собственности – в праве на исключение, и одновременно организация, обладающая сравнительным преимуществом в насилии, которая оказывается в состоянии специфицировать и защищать права собственности»²³.

В истории идей можно выделить два основных подхода к государству – теорию общественного договора и теорию эксплуатации. В первом случае появление государства мыслится как некий первоначальный контракт, предполагающий признание прав индивидуума на определенные ресурсы со стороны других участников договора в обмен на его отказ от притязаний на остальные ресурсы и согласие уважать чужие права на них. Государство возникает как третьей стороной, которая гарантирует соблюдение условий первоначального общественного договора. По сути, контрактный подход объясняет, почему государство может потенциально обеспечить структуру прав собственности для более эффективной аллокации ресурсов, повысив тем самым уровень благосостояния в обществе.

Эксплуататорские теории (к ним относятся и теория К. Маркса) видят в государстве орудие господствующих групп или классов. Функция государства определяется как «перекачка» дохода от остальных членов общества в пользу властвующей группы или класса: «Эксплуататорское государство устанавливало бы такую структуру прав собственности, которая максимизировала бы доход

находящейся у власти группы независимо от того, как это влияло бы на благосостояние общества в целом»²⁴.

Итак, в контрактной теории речь идет о выгодах, которые получают все участники первоначального договора, а в эксплуататорской теории – о ренте, извлекаемой правящей группой. Но и для охраны договора, и для поддержания господства необходимо насилие. Поэтому, как настаивают теоретики прав собственности, контрактный и эксплуататорский подходы не являются несовместимыми и объединяет их «распределение «потенциала насилия». Контрактная теория предполагает равное распределение потенциала насилия среди участников договора. Теория грабительского происхождения государства предполагает неравное его распределение»²⁵. И в контрактной, и в эксплуататорской теориях государство наделяется властью устанавливать и перераспределять права собственности. Только в первом случае это происходит в соответствии с интересами членов общества, во втором – в соответствии с интересами правящей группы.

Теории государства и права неразделимы, и в этом плане доминирующая цель государства – выработать такую структуру прав собственности, чтобы с ее помощью можно было достичь максимизации своего дохода. В рамках этой задачи оно стремится производить такой набор общественных и полуобщественных благ и услуг, который минимизировал бы его затраты на спецификацию и защиту прав собственности: «Экономия на масштабах, связанная с разработкой системы законодательства, правосудия и обороны, является основным глубинным

²³ North D. C. Structure and change in economic history.-N. Y., 1981. P. 21.

²⁴ North D. C. Structure and change in economic history.-N. Y., 1981. P. 22.

²⁵ Ibidem.

источником цивилизации»²⁶. В результате гигантской экономии на масштабах при централизованном производстве общественных благ и услуг неизмеримо возрастают размеры разделения труда и объем обмена, отчего выигрывают все члены общества.

Задачи государства оказываются, следовательно, противоречивыми: «Вторая задача предполагает полностью эффективный набор прав собственности с целью максимизации совокупного продукта общества; первая ведет к попыткам специфицировать такой набор фундаментальных правил, который позволил бы правителю максимизировать свой доход (или, если мы желаем ослабить предпосылку о единоличном правителе, – максимизировать монопольную ренту группы или класса, чьим агентом выступает правитель)»²⁷.

В результате конкретные формы государственной власти и организации национальной хозяйственной системы будут определяться теми ограничениями (прежде всего – издержками трансакции), в которых она будет вынуждена действовать. При этом сталкиваются несколько критериев распределения прав собственности – эффективности, относительной договорной силы и максимизации дохода казны.

«Фактически наиболее очевидные уроки истории состоят в том, что политические системы имеют врожденную склонность устанавливать неэффективные права собственности, что приводит к стагнации и упадку. Такому исходу есть две главные причины. *Во-первых*, извлекаемый правителями доход может быть больше при неэффективной структуре прав собственности, которая, однако, допускает более действенный кон-

троль и поэтому более внушительное взимание налогов, чем при эффективной структуре прав собственности, которая имеет высокие издержки по контролю и регулированию. *Во-вторых*, правители редко могут позволить себе устанавливать эффективные права собственности, потому что они вызвали бы этим недовольство среди значительной части подданных и, таким образом, сделали бы свое положение менее надежным. То есть даже тогда, когда правители желали бы установить правила, исходя из критериев эффективности, соображения выживания будут диктовать им иной курс действий, потому что эффективные правила вызвали бы раздражение могущественных политических групп со специальными интересами»²⁸. Как полагает Д. Норт, этим объясняется конфликт между задачами экономического роста и большинством существовавших в экономической истории правовых режимов собственности: «На самом деле структура прав собственности, которая максимизирует ренту для правителя (или правящего класса), находится в конфликте со структурой, которая обеспечивала бы экономический рост»²⁹.

Необходимо отметить, что и развитие, и отсутствие экономического роста оказывает дестабилизирующее воздействие на государство и господствующую систему отношений собственности. В первом случае технический прогресс и расширение рынков меняют сложившуюся систему относительных цен, что усиливает давление групп, которые могли бы извлечь выгоду из этих изменений, на государство с целью пересмотра существующего правового режима. Эти

²⁶ North D. C. Structure and change in economic history.-N. Y., 1981. P. 24.

²⁷ Ibidem.

²⁸ North D. C. Institutions, transaction costs, and economic growth / «Economic Inquiry», 1987, v. 25, N 3. P. 422.

²⁹ Barzel Y. Measurement costs and the organization of markets / «Journal of Law and Economics», 1982, v. 25, N 1.

группы направляют больше ресурсов на политические цели с тем, чтобы реализовать экономию транзакционных издержек в соответствии с открывшимися возможностями. Во втором случае усиливается угроза извне со стороны конкурирующих государств. Следовательно, конкурентное давление в сторону установления более эффективной системы прав собственности способно пробивать себе дорогу и в той, и в другой ситуации.

По мнению Р. Познера, любые решения государства как субъекта управления должны соответствовать критерию экономической эффективности (он может определяться как «принцип максимизации богатства», «принцип минимизации транзакционных издержек» и т. д.). Р. Познер сформулировал ясную и простую максиму: «Юридические правила должны подражать рынку» или, говоря иначе, – способствовать установлению такого распределения прав собственности, которого достигал бы рынок при отсутствии транзакционных издержек, и к которому экономические агенты приходили бы сами, не препятствуя им в этом положительные издержки транзакции. Таким образом, именно соображения эффективности должны быть ориентиром при решении вопросов на двух уровнях. Во-первых, о том, кого наделять правом, и, во-вторых, о том, какую форму юридической защиты избирать. По сути, речь идет об управлении государством транзакционными издержками.

В мире без транзакционных издержек сделки продолжались бы до тех пор, пока никто уже не смог бы улучшить своего положения, не ухудшив при этом положения кого-то другого, т. е. пока не достигалась бы оптимальность по Парето. Если бы право было предоставлено агенту, для которого оно имеет малую ценность, он без каких-либо дополни-

тельных затрат продал бы его, так что оптимальное распределение ресурсов было бы мгновенно восстановлено.

При положительных транзакционных издержках ситуация меняется. Их уровень может быть настолько велик, что потенциальные участники сделки вынуждены будут отказываться от ее совершения. Но даже если акт купли-продажи права состоится, он все равно будет сопровождаться чистой растратой средств – добавится одна лишняя транзакция, которой можно было бы избежать. В идеальном мире Коуза право без всяких трений проходит путь от первоначального обладателя к конечному, для кого оно имеет максимальную ценность. В реальном мире траектория передачи прав перестает быть нейтральным фактором.

Чтобы минимизировать проистекающие отсюда потери, государство должно изначально наделить правом ту сторону, которая ценит его выше. «Транзакционные издержки максимизируются, – утверждает Р. Познер, – когда закон: 1) наделяет правами сторону, которая выкупила бы его у другой стороны, если бы та была им наделена и если бы издержки транзакции были равны нулю; 2) или, наоборот, возлагает ответственность на сторону, которая, имея она право, продала бы его при нулевых издержках транзакции»³⁰. Но руководствоваться этим правилом можно, только если государство (а в его лице суд) располагает совершенной информацией о том, кто – истец или ответчик – был бы готов заплатить большую сумму за возможность обладания правом.

Однако и в условиях неопределенности, считают теоретики экономики

³⁰ Цит.по: Schweizer U. Externalities and the Coase theorem: hypothesis of result? / «Journal of Institutional and Theoretical Economics», 1988, v. 144, N 2. P. 93.

права, государство должно действовать по той же «эффективной» схеме, которая заключается в следующем. Когда не известно точно соотношение выгод и ущерба, ответственность должна быть возложена на сторону, способную лучше их оценить, а если не известно и это, ответственность должна быть возложена на сторону, которая с более низкими издержками может исправлять ошибки в первоначальном распределении правомочий и т. д. Выбор способов юридической защиты прав собственности государством также должен направляться критерием экономической эффективности.

Три основных формы защиты полномочий, которыми располагают члены общества, выделили Г. Калабреззи и Э. Меламед³¹. По их мнению, правомочие защищено правилом собственности только в том случае, если правомочие можно получить от его обладателя в результате добровольной сделки по взаимно согласованной цене. Такая форма защиты дает наименьший простор для государственного вмешательства, поскольку позволяет обеим сторонам сообщать о ценности правомочия для каждой из них и предоставляет продавцу право вето, если он не удовлетворен предложенной ценой. «Правило собственности предполагает коллективное решение о том, кому должно быть дано первоначальное правомочие, но не о том, какова его ценность»³².

Когда кто-то может присвоить себе правомочие по объективно установленной цене (например, уплатив компенсацию за возможность загрязнять выбросами окружающую среду), то оно защищено правилом ответственности. После

того, как цена определена, обладатель правомочия (продавец) лишается права вето и не может потребовать от покупателя повысить цену в случае несогласия с ней. В этом случае объем государственного вмешательства возрастает, так как оно определяет не только первоначальное распределение прав собственности, но и устанавливает помимо воли участников сделки цены, по которым правомочия могут передаваться или ликвидироваться.

Наконец, правомочие является неотчуждаемым в той мере, в какой его передача не допускается даже при обоюдном желании участников сделки (например, никому не предоставляется право продавать себя в рабство). Государство, помимо определения первоначального распределения прав собственности и назначения компенсации при их продаже, ограничивает их передачу саму по себе.

Итак, реализация обмена деятельностью возможна лишь при условии обособления элементов хозяйственных систем посредством формирования собственности, функцией которой является обеспечение обмена деятельностью и ее результатами на макроуровне экономической системы. Если экономические агенты находятся в состоянии неопределенности, поскольку не знают точно, какую ценность представляет право для каждой из сторон, и если трансакционные издержки настолько велики, что могут полностью парализовать экономическую деятельность в какой-либо сфере, применяются правила ответственности. Другими словами, государство берет на себя установление объективной цены, по которой разрешается присваивать полномочия, и тем самым «запускает» механизмы самоорганизации национальной экономики и корректирует возникающие в этом механизме сбои. В любом случае принцип

³¹ Calabresi G., Melamed D. C. Property rules, liability rules, and inalienability: one view of the cathedral / «Harvard Law Review», 1972, v. 85. N2.

³² Ibidem, P. 1094.

экономической эффективности является определяющим как при выборе государством носителей права, так и при выборе форм юридической защиты. Хотя исследования показали, что этот критерий далеко не нейтрален (он благоприятствует сохранению статус-кво, производителей ставит в более выгодное положение по сравнению с потребителями, состоятельными членами общества – по сравнению с неимущими и т. д.), тем не менее, без него экономика права едва ли вообще

могла бы занять определяющее место в определении закономерностей развития вертикальных и горизонтальных связей в экономической системе с выявлением роли государства в этих процессах. И именно поэтому любая оценка эффективности деятельности государства, основанная на определении его роли и функций в национальной экономической системе, продолжает оставаться актуальной областью социально-экономических исследований.

УДК 364.612

I. Blagikh,

Doctor of Economics,
Professor of the Department of History
of Economics and Economic Thought
St. Petersburg State University

И. Благих,

д-р экон. наук, профессор кафедры
истории экономики и экономической
мысли Санкт-Петербургского
государственного университета

O. Averyanova,

Ph.D., Associate Professor, Department
of Financial Law, St. Petersburg State
University of Economics

O. Аверьянова,

канд. экон. наук, доцент кафедры финансо-
вого права Санкт-Петербургского государ-
ственного экономического университета

ГУМАНИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ – ВЕЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы влияния социальной политики на систему управления народным хозяйством. Обращается внимание на то, что модель экономического развития социального государства, к которому относится Россия, должна быть в большей мере сориентирована на всемерное развитие общественного сектора, который не только служит демпфером в условиях экономических кризисов, но и в значительной степени гуманизирует рыночную экономику. Правильная социальная политика ликвидирует так называемые «провалы рынка», формирует сознательное отношение к труду и повышает управляемость народным хозяйством. Доказывается, что социальная деятельность государства (государственное финансирование НИОКР и образования, создание рабочих мест, сохранение и развитие культуры, охрана окружающей среды и т.д.), также как и социальная ответственность бизнеса, создают социодинамический мультипликатор народнохозяйственного роста.

Ключевые слова: социальное государство, общественный сектор, социальная сфера, социальный капитал, социальные услуги, социодинамический мультипликатор.

Социальная сфера является одной из наименее разработанных проблем теоретической экономики. Сложности в научной унификации и выработке общих подходов к социальной сфере как народнохозяйственному сектору начинаются с ее определения в качестве производственной либо непроизводственной отрасли экономики [8, p.9]. Социальная сфера – многоуровневое понятие. Она включает в себя отношения, которые определяются в таких терминах как «образ жизни», «качество жизни», т.е. отношения «воспроизводящиеся», которые зависят не столько от волевых решений, сколько от достигнутой степени цивилизованности общества, от уровня

развития производительных сил и производственных отношений. Коллективистская или индивидуалистическая структура экономики воспроизводит и социальные отношения, соответствующую коммуникативную среду, при которой возникают отношения сотрудничества и взаимопомощи или же наоборот – индивидуализма и конкуренции [1, с. 50].

Социальные утопии, известные с древности, эволюционировали от мечты к реальности по мере включения в свои построения экономической составляющей. Преобразование общества на основе теории «естественного права» и изображение человеческого будущего как аграрно-пастушеского рая («парадиза»)

социалисты-утописты заменили идеей экономического прогресса на основе крупного общественного производства, применяющего новейшие достижения науки и техники. Преодолевая привычные представления о принципах социальной справедливости как равного распределения при всеобщем аскетизме, утописты XIX века изображали будущее человечества в виде общества всеобщего благоденствия, где удовлетворяются все человеческие потребности благодаря высокой производительности труда, обеспечивающей опережающее производство материальных и духовных благ по отношению к запросам и потребностям [3, с. 142].

Безграничный рост индустрии и машинной техники, заменяющих человека на производстве («рост производительных сил») обеспечит, по их представлениям, не только материальное изобилие, но и расцвет личности, приведет к уничтожению разницы между умственным и физическим трудом, между городом и деревней. Государство как политический орган «отомрет», т.е. из органа управления людьми превратится в орган народно-хозяйственного управления – в Совет по планированию, координации и кооперации производства.

В первой половине XIX столетия термины «социализм» и «коммунизм» все еще обозначали всякое социальное реформаторство во имя общего блага, имея, таким образом, довольно расплывчатое содержание о путях и методах преобразования общества. Между тем проповеди реформаторов о солидарности промышленников – капиталистов и наемных работников – пролетариев, находили мало отклика в предпринимательской среде. Одиночки-филантропы, занимающиеся благотворительностью, не могли осчастливить всех нуждающихся. Меры по улучшению условий

труда и быта, страхованию работников при потере работоспособности, пенсионному обеспечению и здравоохранению работников внедрялись работодателями лишь под давлением государства, учреждавшего различные институты фабрично-заводской инспекции и в законодательном порядке устанавливающего социальные нормы и правила, регламентирующие отношения между «трудом и капиталом».

После целого ряда буржуазных революций середины XIX в., произошедших в Западной Европе, наступило окончательное разочарование в возможностях быстрого улучшения благосостояния обездоленных масс на путях социального реформаторства. Теоретики социализма окончательно размежевались по классовому признаку: на сторонников социального переворота («вооруженной революции») с экспроприацией капиталистической собственности как средства устранения классовых противоречий, и сторонников «парламентаризма» – той же социальной революции, но совершаемой мирным путем, без ликвидации частной собственности на средства производства [4, с.97]. При первом варианте производство и распределение подчинялись социальным задачам, формулируемым социалистическим государством, при втором – социальные функции капиталистического государства ограничивались «рынком». Это ограничение в наиболее явном виде прослеживается на примере бесплодных попыток ликвидировать безработицу в условиях «социальных государств с рыночной экономикой».

Социальная сфера является одновременно объектом и субъектом социальной политики. Как объект, она представляет собой граждан, производящих и потребляющих в различной степени социальные блага и услуги. Как субъект

социальная сфера представлена различными социальными институтами, предназначенными для «выравнивания» уровней производства и потребления социальных благ и услуг в пределах национальной экономики и даже за ее пределами, если речь идет о соотечественниках, оказавшихся в «ближнем зарубежье», как, например, произошло после распада СССР [6, с.314].

Особенность субъект-объектных отношений социальной сферы заключается в том, что граждане, являющиеся носителем суверенитета и источником власти, имеют возможность перераспределять имеющиеся ресурсы в пользу социальной сферы, но эти возможности в каждый данный момент ограничены сферой экономики и ростом производительности труда самих граждан в сфере материального производства.

Наконец, социальная сфера представлена уровнем, определение которого проникло в отечественный лексикон с Запада. Это так называемый «уровень сервиса». При этом речь идет не только о качестве благ и услуг, но и об их количестве, т.е. о масштабе и спектре услуг, предоставляемых различными учреждениями социальной сферы [5, с.207]. Масштабность и спектр социальных услуг определяются не только социально-экономическим строем общества. Они представляют собой «социальные завоевания» народа той или иной страны. Они имеют национальную специфику и историческое происхождение.

Специфика первоначального капиталистического накопления заключалась в том числе и в том, что страны, вырвавшиеся вперед в индустриальном развитии, получили возможность развивать социальную сферу за счет сокращения работающих в промышленности и сельском хозяйстве. Эти завоевания рассматриваются как неотъемлемая часть суверенитета народа. Даже государства,

добровольно вошедшие в Европейский Союз, не передали в общую юрисдикцию свои полномочия по расходам на социальные программы, поскольку их нивелирование чревато социальным взрывом. Степень благосостояния граждан определяется не только экономической мощью государства, но и возможностями предоставления им социальных благ или услуг [9, Р.180]. Эти возможности во многом зависят от способов финансирования социальной сферы и формирования социальных фондов. Бесплатное или же коммерческое предоставление гражданам социальных услуг радикальным образом меняет не только положение данного вида деятельности в балансе национального счетоводства, но и системные представления о социально-экономическом и политическом строе общества.

В условиях государственного социализма в СССР социальные фонды формировались за счет союзного и республиканского бюджетов и фондов, формируемых из прибыли государственных предприятий. Финансирование нематериальной сферы за счет сферы материального производства было возможно в условиях общей, общенародной или государственной собственности. Подобные перераспределительные отношения не нарушали права коллективных собственников, определенные законами [3, с.142].

Совершенно по-иному функционирует механизм финансирования социальной сферы в условиях приватизированной и частной собственности. Государство и общество вынуждены при этих условиях обязывать или же убеждать собственника оказывать помощь нуждающимся, стимулировать его участие в социальных проектах.

С проведением приватизации и разгосударствлением собственности возможности российского государства в

производстве и распределении социальных благ, оказании социальных услуг резко ограничались. Для формирования иных стабильных источников финансирования социальной сферы потребуются не только время, но и теоретическое обоснование, и практический поиск эффективных моделей социально-экономической политики.

Согласно Конституции, Российская Федерация является социальным государством с рыночной экономикой. Это означает, что меры социальной защиты и поддержки населения осуществляются государством на основе рыночных механизмов. Необходимость учета в социальной политике рыночных условий обусловлена целым рядом обстоятельств. Среди них следует отметить наличие социальных рисков, к которым относят риски потери жизни, трудоспособности, дохода вследствие заболевания, производственной травмы, старости, безработицы, потери кормильца и т. д. При этом рыночная экономика не только не уменьшает социальные и экономические риски, но, напротив, усиливает их, так как в условиях ее динамизма, социально-экономической неопределенности, обусловленных «провалами рынка» и асимметричностью информации, вероятность возникновения различного рода непредвиденных обстоятельств (кризисов, банкротств, сокращений, увольнений и т. д.) значительно возрастает.

Сфера социальных услуг включает в себя также определенную систему превентивных мер, направленных на создание социальных гарантий населению в получении социальных благ и услуг (пенсионного обеспечения, социального страхования, образования, медицинской помощи, рекреации, обеспечении жильем, жилищно-коммунальных услуг и т. д.) [10, p.63].

Эффективная система социальных

гарантий требует от государства и бизнеса значительных расходов непроизводственного назначения, нарушающих в определенной степени рыночное равновесие. Вместе с тем нормальное функционирование рыночной экономики невозможно в условиях социальной нестабильности, низкого уровня жизни населения, значительной материальной и неприемлемой социальной дифференциации населения, отсутствия твердых социальных гарантий жизнеобеспечения.

В современной России сложилась негативная оценка существовавшей ранее, в условиях государственного социализма, модели распределения социальных благ и услуг. Однако если придерживаться критериев объективности, следует признать, что в переходный период многие положения о государственных социальных гарантиях вошли в современное российское законодательство благодаря тому, что существующее во властных структурах крайне либеральное реформаторское крыло боялось их отменить.

Это одна из заслуг нашего советского прошлого. Но вместе с тем понятно, что в рыночных условиях должна быть совершенно иная модель социальных гарантий со стороны государства. Рыночные реформы, проводимые в России, сопровождались кризисными явлениями в социальной сфере, что повлекло за собой резкую дифференциацию уровня жизни граждан и необходимость адаптации социальной защиты и поддержки населения к условиям капиталистической экономики. Объективно актуализировалась значимость таких вопросов, как разработка теоретических и методических основ социальной политики, выбор наиболее адекватного направления ее развития, учитывающего как собственный предшествующий опыт, так модели и механизмы предоставления социальных услуг, доказавшие свою эффектив-

ность в странах с рыночной экономикой, научно обоснованные рекомендации по выбору форм, методов и инструментов эффективного управления параметрами социального развития.

Факты свидетельствуют, что в реальной жизни все страны с развитой рыночной экономикой в той или иной мере, каждая своим путем, стали социально ориентированными государствами.

Социально ориентированная модель привлекательна для большинства населения, но возможности ее реализации, как уже выше отмечалось, ограничены ресурсным потенциалом страны. Именно поэтому в государствах, которые еще не прошли того долгого пути, который прошли государства с развитой экономикой, пропагандируется либеральная модель, как более реальная. В частности, это происходит в современной России.

Хотелось бы привести ряд возражений относительно данной модели, хотя авторы осознают, что их критика может и не найти единодушной поддержки. Сторонники либеральной модели, как известно, считают, что экономические стимулы реализуются в результате снижения налоговой нагрузки и сокращения социальных расходов. Однако в этом и состоит первое возражение, что в любом случае – и в либеральной, и в социально ориентированной модели – социальные расходы, в конечном счете, финансируются за счет работника. Различие заключается лишь в форме – будет ли это вычет части доходов в виде налога, либо – в виде вынужденно-добровольной платы за услуги образования, здравоохранения и т.д.

Точка зрения авторов состоит в следующем. Надо сравнивать либеральную и социально ориентированную модель социальной политики государства по другому критерию – по возможности обеспечить такую форму организации и финансирования социальной сферы, которая позволяет сделать доступным удо-

влетворение базовых социальных потребностей населения. Человека следует рассматривать не только как субъекта экономики, но и общества.

В перспективе, как мы полагаем, должна быть выработана модель социогуманитарного государства. В нем главным богатством станут способности граждан, а экономика будет подчинена интересам гармоничного развития человека. Критерием успешного развития экономики станет рост человеческого капитала. Исходя из этого, экономистам следует, на наш взгляд, больше внимания уделять не только проблемам микроэкономики: финансовой аналитики, рискам, бюджетированию, хеджированию и другим актуальным, но частным проблемам, но и макроэкономической составляющей, основу которой составляет общественный сектор экономики.

Кроме того, представляется, что в современных условиях как никогда обостряется противоречие между государственными и рыночными регуляторами производства и распределения общественных благ. Эти противоречия в разных странах разрешаются по-разному, но решение их за счет человека, без учета менталитета страны, контрпродуктивно. В период перехода от командно-административной экономики к рыночной в России не была найдена форма разрешения противоречия между интересами человека, общества и государства, обострилась проблема социальной справедливости. В российском обществе, и это следует признать открыто, произошел социальный раскол.

Социальное расслоение, негласно существовавшее во времена командно-административной экономики, дополнилось откровенной дифференциацией, основанной на частной собственности и рыночных отношениях. В современной России богатые составляют 1-2%, сред-

ний класс – 15-20%, промежуточный слой между средним классом и бедными – 60-65%, бедные – 15-20%, социальное дно – 5-7% [7, с. 91]. От недавнего экономического кризиса пострадали в большей мере те, кто относился к среднему классу и промежуточному слою между средним классом и бедными. Наша точка зрения состоит в том, что поляризация общества по уровню доходов в результате повторения экономических кризисов будет только возрастать.

Поляризация опасна для общества не только сама по себе. Люди, чьи доходы сокращаются, отчетливо осознают противоречие между своими интересами и интересами государства. Так, по данным российских социологических обследований, 43,5% опрошенных отмечали, что государство отражает интересы богатых, 28,5% – интересы начальства, 16,0% – интересы крупного бизнеса; только 9,0% отметили, что оно отражает интересы всех граждан и 4,0% – интересы простых людей. Эти данные свидетельствуют, что экономические кризисы усиливают недоверие людей к государству и властным структурам, проводящим ту или иную социальную политику.

Следующий тезис состоит в утверждении, что в современных условиях именно человек как носитель человеческого капитала, институтов, культурных традиций и т. д. становится основным фактором производства. Мы специально усиливаем акцент на этом, потому что длительное время преобладающим в России являлся технократический подход, при котором технологии и инвестиции в них были первичными, а человек – вторичным.

В настоящее время акценты несколько сместились. В концепции социально-экономического развития РФ до 2020 г. сказано, что темпы роста инвестиций в нематериальные факторы производства в России будут обгонять тем-

пы роста инвестиций в материальные факторы производства [6]. Однако, как мы помним, нечто подобное декларировалось и ранее, но не реализовывалось на практике.

Социальная деятельность государства (государственное финансирование научно-исследовательской деятельности, создание рабочих мест, сохранение и развитие культуры, охрана окружающей среды и т.д.), также как и социальная ответственность бизнеса, создают социодинамический мультипликатор экономического роста – импульс к самовозрастанию совокупного потребительского результата. Социодинамический мультипликатор определяется взаимодействием трех составляющих: социальным эффектом, склонностью индивидов к созиданию и институтами гражданского общества.

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть: дальнейшее социально-экономическое развитие России зависит от повышения уровня и качества жизни человека, от социальной справедливости, доступности для всех социальных и территориальных групп населения двух базовых вещей – минимального потребительского набора и механизмов реализации основных гражданских прав и свобод.

Кажется, что в последние годы более четко наметился поворот к человеку в экономической политике России. Хотелось бы, чтобы данная тенденция стала преобладающей. Решение всего круга социальных вопросов возможно лишь на основе систематического мониторинга ситуации, теоретического исследования и практического внедрения принципов взаимодействия и партнерства работодателей и государственных структур, реализующих конституционно закрепленные положения о формировании в России социального государства с рыночной экономикой.

Литература

1. *Алиев Ш.И.* Модели и тенденции государственно-частного партнерства в социальной сфере / Ш.И. Алиев, Ю.И. Благих, Е.В. Булах. // Проблемы современной экономики. – 2012. – №3. – С. 226.
2. *Благих И.А.* Механизм кризиса в российской экономике и антикризисные действия правительства / И.А. Благих // Проблемы современной экономики. – 2015. – № 3 (55). – С. 31-35.
3. *Благих И.А.* История экономических учений / И.А. Благих, А.Н. Дубянский. – М.: Юрайт, 2014. – С.142
4. Введение в институциональный анализ / под ред. В. Л. Тамбовцева. – М.: ТЕ-ИС, 2009. – С.97.
5. Гражданское общество: Мировой опыт и проблемы России. – М.: Эднориал, 2008. – С.207.
6. *Клейнер Г. Б.* Эволюция экономических институтов в России / Г. Б. Клейнер. – М.: Наука, 2012. – С.314.
7. *Манохина Н. В.* Институциональные структуры реальной экономики: теория развития и практика хозяйствования / Н. В. Манохина. – Саратов: СГСЭУ, 2012. – С.91.
8. *Dengov V.* Experimental verification of correspondence between adverse selection models and reality.// Ekonomicko-Manažérské Spektrum. 2015, N. 1, pp. 2-9.
9. *Kelly K.* New Rules for the New Economy. Ten Radical Strategies for a Connected World/K. Kelly. – N.-Y., 2008. -180 p.
10. *Porat M., Rubin M.* The Information Economy: User's Guide to the Complete Database (on Magnetic Tape). – Washington: Office of Telecommunications, 2007. – 63 p.

УДК 338.12

К. Khubiev,

Doctor of Economics, Professor of the Faculty of Economics of the Moscow State University Lomonosov

К. Хубиев,

д-р экон. наук, профессор экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Kh. Aidinov,

Ph.D., Professor of the Institute of Economics, Management and Law MGUTIM. K.G. Razumovsky (PKU)

Х. Айдинов,

канд. экон. наук, профессор института экономики, менеджмента и права МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ)

А. Tekeeva,

Ph.D., Associate Professor, Faculty of Economics, Moscow State University Lomonosov

А. Текеева,

канд. экон. наук, доцент экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

ЭКОНОМИКА РОССИИ ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ И ВЫЗОВАМИ ВНЕШНЕЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ

Аннотация: в статье рассматриваются факторы и тенденции мирового экономического развития, определяющие новый уровень обострения борьбы за ресурсы и рынки. Они включают: новый торгово-экономический передел мира, контрцикличность и долговой характер движения современной мировой экономики. Рассматривается новое конкурентное пространство борьбы с технологической безработицей, вызванной современными технологическими революциями. Отмечается тенденция формирования однополярного торгово-экономического пространства на основе мегапроектов и связанные с этим угрозы. Впервые исследуются проявления «феномена Трампа» в экономической политике. Делаются выводы относительно влияния турбулентности на мировом уровне на российскую экономику.

Ключевые слова: глобализация, экономическая модель, национальная экономика, конкуренция, институты, национальные интересы, торгово-экономический передел мира, контрцикличность движения мировой экономики, долговая экономика, ЕАЭС, АСЕАН.

Введение. XX век оказался перегруженным глобальными проблемами человечества, включая две мировые войны с применением оружия массового поражения, десятки локальных войн, экономические кризисы, включая Великую депрессию, природными и техногенными катастрофами. В XXI век человечество вступило без ответа на главный вопрос о цели и стратегическом тренде своего движения. Реальный капитализм, как господствующая форма социально-экономического мироустройства, не обеспечил гарантии реализации фундаментальных общечеловеческих ценностей и не приблизил к ним. Мир не стал

более стабильным, безопасным и более справедливым. Не решены глобальные проблемы, уже признанные мировым сообществом: экологические проблемы, рост неравенства... Появились новые проблемы и вызовы: глобальная концентрация и централизация капитала, рост технологической безработицы, новые формы конкурентной борьбы и кризисов. В области экономики бушуют новые типы кризисов: финансовые, долговые, ипотечные; усилилась волатильность фондовых рынков, резко выросло влияние мировых цен на энергоносители, на «самочувствие» мировой экономики. Вопрос о необходимости измене-

ния основ общественного устройства ставится даже на мировых форумах, организованных элитой капиталистических стран [1].

Экономическая наука не предлагает опережающих исследований и выводов. В научный оборот введен термин «глобализация» для характеристики современной мировой экономики. Но вопрос о том, что реально происходит в недрах глобализации, во многом остается открытым.

Всеми направлениями экономической науки конвенционально признано, что глубокие и масштабные технологические изменения требуют адекватных изменений в формах организации экономики и институциональных изменений на уровне модели организации общества. Наукой разработаны подходы и представлены результаты глубоких исследований новых технологических укладов и промышленных революций. Но практически не исследованы процессы концентрации и централизации промышленного и финансового капитала на национальном и глобальном уровнях. Нет соответствующих исследований необходимых социально-экономических (институциональных) изменений, диктуемых новой научно-технологической революцией.

В данной работе предпринята попытка определения некоторых тенденций движения мировой экономики, еще не исследованных наукой, но лежащих в основе ее внешних проявлений.

Обобществление экономики как фактор роста технологической безработицы и обострения конкурентной борьбы. С развёртыванием новых технологий, особенно связанных с третьей и четвертой промышленной революцией, возникли новые уровни обобществления производства, которые проявляются в концентрации и централизации капитала. Эти глубинные процессы на

поверхности социально-экономической жизни проявляются в новых масштабах капитала и новых формах его организации. По свидетельству Клауса Шваба, основателя и президента всемирного экономического форума в Женеве, если в 90-е годы совокупная капитализация трех крупнейших компаний Детройта составляла 36 млрд долл. с выручкой 250 млрд и числом персонала до 1,2 млн человек, то в 2014 году совокупная рыночная капитализация трех крупнейших компаний Кремниевой долины составлял более 1 трлн долл. с суммой прибыли в 247 млрд, но с числом сотрудников почти в десять раз меньше [1]. Этот факт свидетельствует о большом потенциале роста технологической безработицы в национальных экономиках. Рост концентрации и централизации капитала на новой технологической базе составляет базу обострения конкурентной борьбы национальных экономик за рабочие места и занятость. Этим объясняется один из «феноменов Трампа», который стремится увеличить количество рабочих мест в национальной экономике США разными методами: стягивание зарубежного предпринимательства резидентов на национальную почву, преодоление экологических ограничений, масштабные зарубежные заказы, фискальные льготы и т.д. Таким образом, в современном движении мировой экономики наблюдается **противоречивый процесс** усиления глобализации и одновременно возрастания национальных экономических интересов. К прежним мотивам (максимизация прибыли транснациональных корпораций, доминирование на мировых ранках) добавляется борьба с технологической безработицей, стремительно нарастающей под давлением технологических революций.

Результаты четвертой технологической революции будут стремительно распространяться в мировой экономике.

А это означает, что лишь в исторически ограниченном времени проблемы технологической безработицы могут быть решены в отдельных странах за счет еще не охваченного технологической революцией пространства. С превращением ее в глобальную проблему необходимо будет создавать наднациональные институты ее регулирования. При этом следует иметь в виду и ограничения, связанные с доминированием рыночно-капиталистической модели. Четвертая промышленная революция еще больше свяжет национальные экономики на глобальном уровне, а с другой стороны, как показывает опыт, еще больше обостряют противоречия интересов.

Обострение глобального и национального в мировой экономике. При всей схожести в общих чертах рыночной типологии с существующими в мире экономиками других стран, каждая национальная экономика представляет собой уникальный организм. У них своя, эволюционная парадигма, поскольку в той или иной степени различны ресурсный потенциал, структура факторов производства и формы хозяйственной организации. Первоосновой же подобного разнообразия выступают различия в главной производительной силе – человеке, его мышлении и поведении, традициях и нравах, предпочтениях и ценностях, выборе целей и методов их достижения. Всё это оказывает непосредственное воздействие на качество и этику производственных отношений, модифицируя экономику в национальных формах.

Национальное хозяйство, представляющее целостный организм, способно концентрированно выразить и защищать свои интересы, а также эффективно реализовать цели экономических резидентов. Последние в подобном ракурсе выступают, безусловно, как субъекты рын-

ка, но, прежде всего, рынка внутреннего, обладающего собственными в масштабе страны параметрами макроэкономического равновесия и функциональными назначениями. Глобальная экономика, таким образом, предстаёт как сфера противоречивого взаимодействия национальных экономических моделей отдельных стран. В этом диалектическом взаимодействии складываются глобальные экономические интересы, (экологические, продовольственные, энергетические и др.), но они вторичны по отношению к национальным интересам. Связано это с тем, что в сфере глобальной экономики национальные экономические интересы сталкиваются с сильнейшей конкуренцией, которая наиболее чётко выявляет сильные и слабые стороны национальных экономик и, вместе с тем, дифференцирует их по макроэкономическим параметрам развития. Выигрыш в подобной конкурентной среде связан с тем, какую долю мирового ВВП присваивает каждая страна в ходе глобальных взаимоотношений. С этой точки зрения можно говорить о странах-донорах и странах-реципиентах в мировой экономике. Но независимо от этого, процесс глобализации закономерно способствует экономическому развитию всех стран. Процесс этот опирается на фундаментальные законы мирового общественного разделения труда, основанного на абсолютных и сравнительных преимуществах, и его кооперации в межгосударственном экономическом сотрудничестве. Проистекает это из того, что в алгоритме глобализации микросубъекты национальных экономик (предприятия, фирмы, корпорации), включаясь в мирохозяйственный процесс, достигают тем больших успехов, чем в большей степени развит и в оптимальных параметрах открыт для глобальных связей макрообъект их рези-

дентного закрепления. В этих условиях очень важно, не просто констатировать, а обеспечивать реальный механизм взаимодействия факторов: а) целостного, но не фрагментарного развития экономики; б) оптимальной, но не абсолютной или хаотичной, открытости во внешнеэкономических связях; в) конкурентных, но не конъюнктурных, преимуществ на мировых рынках. В совокупности они в значительной степени увеличивают возможности реализации национальных экономических интересов посредством внешнеэкономических связей, наращивания усилий к возрастанию международной конкурентоспособности страны, а следовательно, и обеспечению национальной безопасности. Здесь многое зависит от государственной стратегии экономического развития с учётом того, что в глобальной экономике взаимодействует множество иных, нежели в микро- или макроэкономике, факторов производства. Например, приходится взаимодействовать с такими субъектами мирового хозяйства как международные экономические организации, транснациональные капиталы, региональные интеграционные объединения. У них тоже свои, непосредственно рыночные или ангажированные интересы. Ответ на вопрос о том, в какой степени эти интересы совпадают как с глобальными, так и национальными экономическими интересами отдельных стран, далеко неоднозначен. Это является одной из причин обострения тенденции неравномерного экономического развития между странами и регионами, а следовательно, усиления противоречий в самом процессе глобализации. Т. Пугель по данному поводу отмечает, что у глобальной экономики нет глобального правительства, поэтому, хотя и существуют международные организации (в особенности ВТО, МВФ, ООН), но каждая страна имеет право игнорировать или прене-

брегать этими глобальными институтами [2]. С данным мнением можно согласиться только отчасти, добавив, что противоречивость деятельности глобальных институтов заключается также в недостаточной оценке ими национальных (неформальных) факторов экономического развития в отдельных странах и регионах мира. Это же способствует укреплению позиций ТНК в мировой экономике, индифферентных к национальным интересам, за исключением стран своего резидентного происхождения. Подобная модель глобальных отношений возрождает призраки прошлого. Но если в прошлые века она сопровождалась колониальными завоеваниями и политическим подчинением ресурсов другого национального пространства, то в современных условиях эта цель достигается внедрением в ту или иную ресурсную среду экономическими методами. Поэтому и возникает необходимость в том, чтобы «внимательно следить за контуром своих глобальных интересов» [3] в целях оптимизации внешнеэкономических интересов страны. То есть можно говорить о наличии у каждой страны собственных глобальных интересов, сопряженных с национальными экономическими интересами. В таком случае должны быть определены и механизмы реализации этих интересов. В самом общем смысле этот механизм предполагает стратегию развития экономической модели страны как адаптированной среды деятельности, в которой каждый субъект приобщается к предпосылкам и результатам реализации собственных интересов как неотъемлемых частей национальных.

В тех странах, где национальные экономические интересы органически вплетены в ткань хозяйственных процессов суверенного государства, обладающего институциональной системой обеспечения национальной безопасности

и прав граждан, продвижение в мирохозяйственное пространство будет отражать и более полное проявление этих интересов. Экономические интересы, лежащие в основе побудительных мотивов активной экономической деятельности, образуют сложную систему, начиная с индивидуальных и заканчивая национальным, а в отдельных случаях и наднациональным уровнем.

Реализация индивидуальных интересов находится в причинной связи и зависимости с функциональным благополучием микроэкономических структур более высокого уровня (партнерства, корпорации). Чем успешнее деятельность компании, тем выше благополучие её участников. Реализация интегрированных интересов самих компаний и их эффективное функционирование, в свою очередь, зависит от макроэкономической среды и экономической политики (уровень инфляции, валютный курс, процентная ставка, налоговая и таможенная политика). От макроэкономического уровня зависит и реализация индивидуальных интересов некорпорированных предпринимателей и домашних хозяйств. В гармонизации выделенных трехуровневых сфер интересов выкристаллизовывается национальный экономический интерес. Этот же интерес, уже смоделированный на макроэкономическом уровне, вступает в мирохозяйственную сферу, приобретая благодаря этому возможность преследовать интересы всех субъектов национальной экономики. И в этом пространстве начинает уже проявляться потенциал экономических возможностей, благодаря которым обеспечивается доступ к механизмам присвоения мирового продукта. Прежде всего, это механизм международной экономической конкуренции. Его действие многогранно, не всегда зримо, может вуалироваться политическими или идеологическими ло-

зунгами. Но непреложным остаётся факт серьёзных различий в пространственных и качественных параметрах экономик, которые выглядят в современном мире контрастными. Следует отметить и обратную направленную цепь зависимых связей и событий. Экономические катаклизмы мирового уровня: мировые финансовые кризисы, волатильность мировых рынков, колебания курсов резервных валют, экономически значимые политические события – прямо влияют на макроэкономический климат в национальных экономиках и, как уже отмечалось, на благополучие отдельных индивидов.

В этом отражено главное противоречие глобальной экономической системы, а точнее, противоречия между интересами разных уровней. Согласование этих интересов сложно, но возможности для этого существуют, и они связаны не только с повсеместным утверждением формально-рыночных принципов экономического развития, но и их модельной модификацией, происходящей под воздействием неформальных (социально-культурных) институтов.

С этой точки зрения каждую национальную экономику можно определить как институциональную модель, в той или иной степени открытую для внешних связей, но придерживающуюся установок эволюции, сложившихся веками под влиянием экономических, политических, культурных факторов. Один из известных экономистов Эрнандо де Сото отмечает, что решающим фактором прогресса является признание специфики стран, а не перенос на них шаблонов, использованных другими. По его мнению, надо «научиться впитывать те знания и те практики, которые существуют в других странах, с тем, чтобы использовать как их, так и современные технологии, на благо своих народов» [4]. Это же

должно учитываться со стороны всех глобальных акторов, центров индустриально-технологического развития, международных экономических организаций. В конечном счёте, более равномерное развитие стран и регионов мира находится в спектре их долгосрочных интересов. Но пока не сложились достаточные предпосылки для институционально-организованного разрешения противоречий между глобальными и национальными экономическими интересами, всё более активными должны становиться самостоятельные усилия государств по обеспечению быстрого и успешного экономического развития. Есть примеры альтернативных подходов к выбору моделей развития, обеспечивающих достижение конкурентоспособных позиций в мировой экономике.

Глобализация, как пишет г-жа М. Тэтчер, «открыла национальные экономические системы для международной конкуренции» [5]. Но эта конкуренция, даже при допущении эквивалентности экономических отношений, не будет взаимовыгодной, поскольку неравносильны взаимодействующие национальные экономики. Азбучной истиной является то, что в свободной конкуренции все преимущества на стороне технологически и экономически более развитых экономик. Экономики многих стран мира не готовы к свободной конкуренции по значительному кругу производимой продукции и поэтому нуждаются в протекционистских мерах для выявления и создания собственных преимуществ во внешней торговле. В этой связи уместно отметить, что именно протекционистские страны увеличивали быстрее всех долю не сырьевого экспорта в ВВП, а страны, практиковавшие свободную торговлю, не в состоянии достичь увеличения экспорта и высоких темпов роста. Примером могут служить новые индустриальные страны (НИС), занимаю-

щие сегодня значительные позиции в мировой экономике. Но и развитые страны демонстрируют «ренессанс протекционизма». Примерами могут служить политики Трампа, направленная на развитие реального сектора экономики США, Брексит.

НИС демонстрируют прорывный выход из, казалось бы, трудноразрешимой для многих стран противоречивости мирохозяйственной среды. Национальная модификация экономики с одновременным привнесением инноваций извне и протекционистскими мерами обеспечили высокую доходность производства, достигавшую в отдельные периоды 160% на Филиппинах, 121% в Таиланде, 83% в Бразилии. Одновременно, при содействии государства, быстро рос и начинал осваивать мировые рынки национальный капитал этих стран. В этих странах теснейшая вовлечённость в глобальную систему взаимозависимостей сопровождалась сохранением и приумножением потенциала многообразия в организации хозяйственной жизни, доступного только в условиях национальной экономики.

Существуют институты мегатрендового плана, которые имеют общее предназначение для всей человеческой цивилизации. Например, финансовые институты, начиная с денежного обращения и доходя до банковских функций, наблюдаются в той или иной форме повсеместно. То же самое можно отнести к отношениям в сфере формирования фундаментальных потребностей, воспроизводственных процессов, отношениям собственности, товарного обмена и т.д. Все их можно отнести к проявлениям мирового «мейнстрима» – главного направления развития человеческой цивилизации, включая и её экономическую эволюцию. Вместе с тем, безусловно, следует выделять и «нациостримы», которые избирают способы приспособле-

ния человека и общества к конкретной пространственной среде и нахождение особых форм в процессе экономического развития отдельных социумов.

В национальной институциональной системе факторы мейнстрима и нациострима выступают в диалектическом единстве. Это приводит к модификации производственных отношений и, наконец, модельным видоизменениям в экономике отдельных стран. Модель выступает в данном случае как защитное поле для национальных глобальных интересов. В этом плане очень важно формирование взгляда на мировую экономику из «окна собственного дома», приоритетов и перспектив развития в глобальном, но противоречивом по интересам мире. Это, в свою очередь, предполагает реальную оценку собственных возможностей и выработку методов наиболее выгодного использования на международной арене конкурентных преимуществ, связанных с генерируемыми в стране и приобретаемыми извне технологическими достижениями, выступающими производительной основой для модернизации национальной экономической модели.

Тенденция нового глобального экономического передела мира. На рубеже веков на общем фоне развития производительных сил, включая технологический прогресс, развитие инфраструктуры и современных средств коммуникаций, складываются новые тенденции напряженности и борьбы за ресурсы и рынки, еще недостаточно изученные. Мы исходим из гипотезы о том, что в основе причинно-следственных связей основных тенденций в мировой экономике на тектоническом уровне лежит новый торгово-экономический передел. В XXI веке ведущие мировые центры экономического развития (США, ЕС и Китай) приступили к новому тор-

гово-экономическому переделу мира. Процесс этот, как и его возможные последствия, экономической наукой еще не изучен, хотя он затронет не только главных участников, но и все национальные экономики, так или иначе вовлеченные в орбиту функционирования мирового хозяйства. Он сопровождается, прежде всего, развертыванием нового типа конкуренции между странами и их объединениями. Внешне это проявляется в образовании новых экономических союзов государств. Это не сопоставление их экономической мощи и не конкурентная борьба транснациональных компаний и глобальных сетей, хотя и они в этом участвуют. Это конкурентная борьба экономических союзов стран, совокупный потенциал, которых позволяет влиять на мировую экономическую конъюнктуру. По существу, происходит новый глобальный торгово-экономический передел мира. Доминируют здесь США, которые создали многочисленные межгосударственные объединения и активно в них участвуют. Последними глобальными инициативами в этой области являются: проекты Транстихоокеанского партнерства (ТТП) и Атлантического экономического партнерства США с ЕС.

Монополизация технологических преимуществ индустриально развитых стран происходит в формах их интегрированного партнёрства под эгидой США, о чём свидетельствуют целевые установки Транстихоокеанского партнерства (ТТП). Соглашение о создании Транстихоокеанского партнёрства было подписано 4 февраля 2016 года в Окленде (Новая Зеландия). По прогнозам, доля стран ТТП (вместе с Японией) в мировом ВВП может достигнуть 38–40 % и четверти оборота мировой торговли, при этом лидируя по объему доли в ВВП, но уступая в обороте мировой торговли

торговому блоку АСЕАН+6 при условии участия Китая в АСЕАН.

ТТП, на первый взгляд, выдвигает цели свободной торговли в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Но это глянцевая сторона проекта. Главным же мотивом данной организации является создание альтернативы АСЕАН и ограничение растущего влияния Китая и России в регионе. Большой проблемой является не только сама направленность, но и средства борьбы, которые планируется задействовать с привлечением международных организаций.

1. В соглашении предусматривается регулирование большого круга вопросов, связанных с правовой охраной интеллектуальных прав (доменные имена в Интернете, регистрация и защита товарных знаков, охрана авторских и смежных прав, ограничения в производстве дешёвых аналогов запатентованных лекарств и т.п.), связанными с сельским хозяйством, телекоммуникациями, финансовыми услугами, таможенным сотрудничеством и тарифами, взаимными инвестициями. В этих мерах просматривается направленность на монополизацию инноваций, объектов НТП с тем, чтобы ограничить доступ конкурентам к средствам технологического развития. Опасность заключена в монополизации выгод от мирового технологического прогресса, создании замкнутых регуляторных пространств, барьеров для перетекания технологий, жесткого контроля технологических цепочек, контроле над технологической рентой. Поскольку экономический потенциал Китая во многом основан на эффективном использовании вторичных технологий и товарных аналогов развитых стран, введение в действие планов ТТП явится тяжелым ударом по китайской экономике и может привести к серьезным противоречиям международного уровня.

2. Еще существеннее выглядят

средства борьбы посредством «трудовых и экологических стандартов», поднятием их до определенного, «международного» уровня. Предполагается давление США и их союзников на конкурентов через навязанный «экспорт» стандартов развитых стран, созданных в том числе и за долги развивающимся странам, о чем будет сказано ниже. Если будет выработан механизм выдавливания из конкурентной борьбы стран и их компаний, «не соответствующих» навязанным стандартам, то негативные последствия окажутся даже трудно прогнозируемыми.

3. Предполагаемое регулирование споров между транснациональными корпорациями и правительствами суверенных стран через создание наднациональных институтов регулирования приведет к верховенству ТНК участников проекта, и главным образом США, над национальными правительствами.

Препятствие успешно продвигаемому проекту возникло неожиданно с появлением «феномена Д. Трампа», который реализовал один из предвыборных тезисов и подписал указ о выходе США из данного соглашения. Аналитически оценить данное решение довольно трудно, имея в виду отсутствие научного обоснования данного решения. Как отмечалось выше, Трамп выступает за стягивание рабочих мест на территорию США и против вывода промышленного капитала за рубеж. Но ТТП является торговым проектом и не предполагает вывоза промышленного капитала. Продвижением американских товаров ТТП скорее оказало бы поддержку американскому промышленному капиталу.

Но у данного проекта есть еще один важный аспект – политический. Американская элита на уровне социальной генетики ориентирована на мировое доминирование. Элита не смирится с подобными решениями Трампа, что подтвер-

ждается жестким противостоянием, дошедшим до запуска идеи импичмента на самых высоких уровнях власти. На продвижение проекта потрачено много средств и ожидаются большие выгоды. Можно спрогнозировать затяжную борьбу в США за и против ТТП с разными вариантами исхода. Об этом свидетельствует и протестное движение против политики нового президента США. Однако очевидно, что списывать этот проект для США было бы преждевременно.

Те же политические и экономические цели преследуются и другим глобальным торгово-экономическим проектом. В июле 2013 года США и Европейский Союз начали готовить соглашение о создании Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства (ТТИП), теоретические обоснование которого более чем скромно, зато обещания практической выгоды впечатляют. В соответствии с ними свободная экономическая зона ТТИП должна принести пользу странам по обе стороны Атлантики. Экономика США должна ежегодно получать дополнительные 90 млрд евро, а бюджет Евросоюза будет пополняться дополнительными 100 млрд евро. По расчетам Европейской комиссии, если зона заработает, то в Европе появятся 400 тысяч новых рабочих мест, а каждая европейская семья получит прибавку к доходам в размере 545 евро. Остальной мир тоже не должен пострадать. Благодаря трансатлантическому союзу объем глобальной экономики должен ежегодно увеличиваться на 100 млрд евро, обещают европейские чиновники. Это тоже глянцева сторона проекта. Возникает простой вопрос: откуда и за счет чего выльются эти дополнительные блага на весь мир, если этот проект торговый, а не производственно-технологический? Ответ напрашивается, исходя из того,

что в этом союзе не планируется участие евразийских стран, вытеснение которых из мировой торговли и сулит намеченные выгоды³³. Это еще один проект с потенциалом глобальных экономических противостояний. Если удастся создать этот второй трансатлантический союз, запуск этих двух проектов охватит подавляющую часть всей мировой экономики, порядка половины мировой торговли и 80% мирового ВВП. Помимо уже отмеченных моментов, это приведет к превращению ВТО в номинальную организацию, поскольку главные её условия по льготному движению товаров, услуг и ресурсов между странами, совпадают с правилами регулирования внешнеторговых связей в ТТП и ТТИП. Охватывая практически все индустриально развитые страны мира, последние создают новый механизм неравной конкуренции, когда интегрированные структуры ТТП и ТТИП, по существу, призваны блокировать остальной мир, который уже не может выходить из их влияния, не попадая в изоляцию. При новом торгово-экономическом порядке возникнут реалии, которые поставят под угрозу функционирование ВТО и предвосхищают глобальные неокOLONIALНЫЕ тенденции современного типа.

Ряд авторов уже открыто ставят под сомнение роль и функции международных организаций. Т. Пугель по данному поводу отмечает, что у глобальной экономики нет глобального правительства, поэтому, хотя это и правда, что

³³ Когда в конце 1990 года ЕС принял решение ужесточить требования к импортируемым продуктам, экспорт в Европу зерновых, сухофруктов и орехов из Африки сократился на целых \$670 млн. Для компаний с развивающихся рынков негативный эффект требований перевешивает позитивный эффект от открытости границ. По мнению экспертов, если будет создан трансатлантический союз, то наиболее уязвимыми станут товары из развивающихся стран.

есть международные организации, которые пытаются управлять сторонами глобальной экономики (в особенности ВТО, МВФ, ООН, ВБ), но каждая страна имеет право игнорировать или пренебрегать этими глобальными институтами, если хочет [6]. С данным мнением можно согласиться, добавив лишь то, что противоречивость последствий деятельности глобальных институтов заключается в недостаточной оценке ими национальных факторов экономического развития в отдельных странах и регионах мира. Подобная «оценка» в других формулировках существовала и раньше. Но если в прошлые века она сопровождалась колониальными завоеваниями и политическим подчинением ресурсов другого национального пространства, то в современных условиях эта цель достигается внедрением во внешнюю ресурсную среду экономическими методами. Основным проводником таких методов выступают ТНК, которые встраивают национальные экономические интересы представляющих их государств в глобальную систему экономического взаимодействия.

Два трансокеанических проекта, инициированных США, являются вершиной идеологии доминирования в мировой торговле. Они были запущены прежним руководством США и полностью соответствовали политике достижения безусловного доминирования в мире. По сути, это была попытка сменить политический колониализм экономическим колониализмом, прикрываясь ценностями свободной торговли и рынка. Но у обоих проектов появились существенные угрозы. С избранием Трампа президентом США вышли из этого проекта. Решение радикальное, если не шокирующее, хотя оно укладывается в его стратегию сосредоточиться на внутренних проблемах экономического развития и реализовать стратегию мирового

доминирования с опорой на развитый реальный сектор экономики.

У другого проекта, связанного с ЕС, проблем значительно больше. Еще до подписания проекта в Европе возникли внутренние проблемы: Брексит, центробежные тенденции, проблемы миграции и терроризма.

В сложившейся ситуации выдвигается роль Китая, у которого есть перспективы доминирования в регионе, в особенности если его партнерами будут страны ЕАЭС. Большая роль в этих процессах принадлежит Японии, которая, адекватно реагируя на меняющуюся ситуацию в положении главного партнера по проекту – США, делает активные шаги на развитие экономического сотрудничества с Россией.

Реализация этих проектов направлена на изменение торгово-экономической картины мира, которая отразится на экономических интересах целого ряда постсоветских стран, а также межгосударственных объединений, в том числе и ЕАЭС. На глобальном экономическом уровне можно даже прогнозировать угрозу постепенного превращения ВТО в номинальную организацию и вообще вытеснения ее с международной экономической арены, подобно тому, как в свое время постепенно распалась Бреттон-Вудская система из-за появления и параллельного функционирования новых сил и механизмов международных экономических отношений и институтов.

Экономический передел мира связан не только с напряжением вокруг рынков и с неравномерным распределением базовых ресурсов. В последние десятилетия развитые страны, особенно США, развивались за счет мирового экономического пространства, освобожденного развалом СССР. Этот «резерв» развития для ведущих стран исчерпан, в том числе и по причине превращения

Китая в один из центров развития мировой экономики. В этой связи складывается новая тенденция в мировой экономической динамике. Ее изучение поможет прогнозировать влияние мировых тенденций на экономику стран-членов ЕАЭС, других объединений и национальных экономик и позволит принимать адекватные решения.

В XXI веке продолжает свое действие закон ускорения исторического времени. Избрание новым президентом США Трампа не следует воспринимать как курьезную историческую случайность. Скорее, это проявление новых противоречивых импульсов национального и мирового экономического и политического развития. Едва вступив в должность, он отменил участие США в Транстихоокеанском партнерстве (ТТП). Это решение соответствует идеологии величия Америки посредством центростремительной экономической политики, вместо центробежной политики демократов. Президент США решил сосредоточиться на внутренних проблемах развития реального сектора и утверждать лидерство в мировой экономике за счет повышения конкурентоспособности национальных компаний. Но Трампу придется преодолевать серьезное сопротивление той части американской элиты, которая глубоко заражена идеями величия США и их доминирования в мировом масштабе мерами центробежной экспансии. Это разные идеологии величия и мирового доминирования США. Борьба между ними будет носить не мимолетный характер. Кроме того, срок президентства в историческом и глобально экономическом масштабе не может вместить в себя необратимые процессы. Поэтому его решения еще не означают, что прекращает свое действие закономерность концентрации и централизации капитала, в том числе и на гло-

бальном уровне. Экономической науке надо отслеживать противоречивую борьбу разнонаправленных сил за величие Америки и прогнозировать действие ее результатов на мировой экономической порядок и национальную экономику. В этой связи нам представляется важным отметить вызовы и угрозы для России, с которыми она может столкнуться в перспективе. Если Д. Трамп будет избран на второй срок, на основе модернизированной промышленности он может навязать России уровень гонки вооружений, которую экономика России не выдержит. Может повториться второе издание «Рейгономики» с катастрофическими последствиями для СССР. Какие основания для таких тревожных предположений? Во-первых, уже очевиден нарастающий «крестовый» поход против России с нарастающими санкциями и даже рецидивами военных угроз. Во-вторых, уже до истечения своего первого срока президентства Трамп заявил о выходе из договоров по нераспространению определённых классов ракет. В-третьих, Россия «окольцована» по периметру границ базами и войсками НАТО. В-четвертых, российское руководство провоцирует своих оппонентов, громко демонстрируя новейшие достижения в области военной техники.

Научное прогнозирование угроз необходимо. Но еще важнее выработка и реализация адекватной политики. Это особая и сложная работа, которой предстоит заняться. Но здесь следует отметить, что сейчас перед Россией стоит та же задача, что и перед СССР в первой половине прошлого века. Тогда жизненно важна была индустриализация, сейчас – научно-технологическая революция. Тогда эта задача была решена большим напряжением сил на базе государственной собственности на основные ресурсы. Была, по сути, создана новая

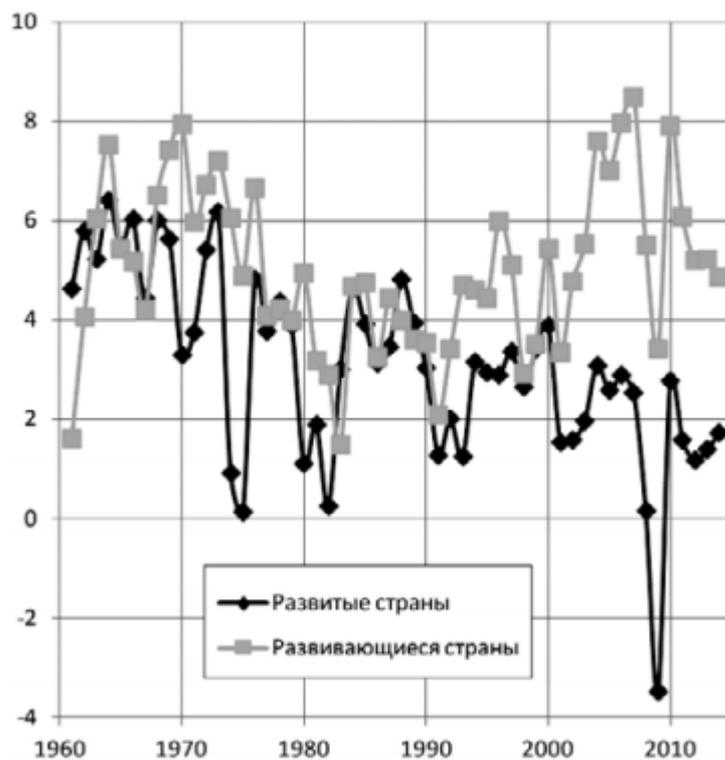
экономики. Теперь ситуация иная – ресурсы в результате приватизации 90-х годов перешли к частному бизнесу. Надежды на то, что частный интерес и конкуренция выведут экономику России на передовые позиции технологического развития, не оправдались. Теперь государство берет на себя задачи прорывав в области НТР, о чем свидетельствует содержание майских (2018) года указов Президента России, но у него уже нет достаточных для решения такой задачи ресурсов. Это фундаментальное противоречие требует своего решения.

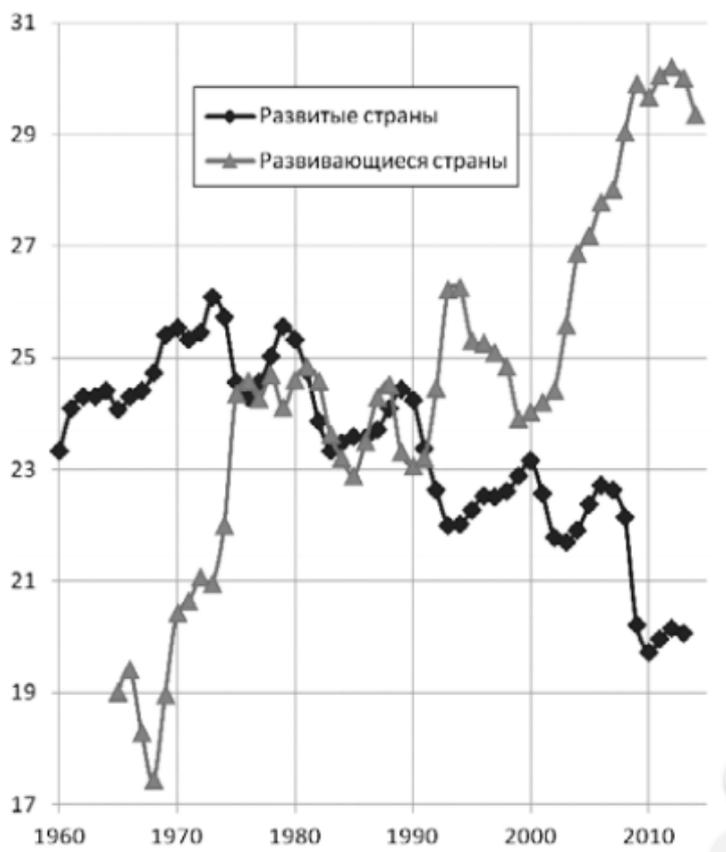
Контрциклический характер современного экономического развития.

На конфигурацию экономического развития на глобальном уровне влияют разные факторы, в том числе и контрциклическое движение современной мировой экономики. Эту относительно новую тенденцию иллюстрируют два динамических графика.

Первый график показывает темпы роста ВВП в развитых и развивающихся странах.

Второй график показывает темпы роста инвестиций в двух группах стран.

Развивающиеся и зависимые прежде страны уже встали на путь самостоятельного и независимого развития. У них свои цели интересы. Они участники борьбы за рынки и ресурсы. Поэтому у развитых стран вместо внешнего колониального пространства появилось внешнее конкурентное пространство. Это существенно новая ситуация, которая проявляется в элементах контрциклического развития.

Если раньше мировой экономической кризис охватывал развитые страны, а развивающиеся страны «паровозиком» следовали за первыми, то теперь мировая экономическая динамика все чаще демонстрирует признаки «контрцикли-

ческих качелей», что свидетельствует о том, что мировые ресурсы уже распределены и перераспределены и у капитала уже нет возможностей развиваться за счет колониального пространства.

Если внимательно присмотреться к горячим точкам в мире, то можно увидеть, что все локальные войны сопровождаются перераспределением ресурсов. Контрциклический характер мировой экономической динамики должен учитываться при разработке и реализации целей и конкретных программ ЕАЭС. В частности, если развитые страны в своих интересах монополизуют свои технологические преимущества, препятствуя их распространению, стра-

ны ЭАЭС и другие участники мировой экономики должны использовать свои ресурсные преимущества, постепенно превращая их в конкурентные преимущества.

Конкурентная борьба за рукотворные блага, включая новые технологии, должна подчиняться принципам транспарентности, исключая монополизацию и дискриминацию. Что же касается международных рынков невозобновляемых и естественно ограниченных ресурсов, то из методов конкурентной борьбы на этих рынках должны быть исключены факторы силового вмешательства. И здесь тоже арбитражная функция должна принадлежать международным институтам с необходимыми правами и функциями. В противном случае, как показывает исторический опыт, неконтролируемая борьба за ресурсы с позиции силы грозит перерасти в политические и военные конфликты.

Тенденция долговой зависимости в мировой экономике. Другой формой экономического пресса на развивающиеся страны выступает долговая задолженность между странами. Современная мировая экономика вообще может быть охарактеризована как долговая, о чем могут свидетельствовать следующие данные о госдолге развитых стран, по отношению к годовому ВВП: Япония – 242,3%, Греция – 174%, Италия – 133,1%, Португалия – 125,3%, Ирландия – 121,0%, США – 107,3%, Сингапур – 106,2%, Испания – 99,1%, Великобритания – 95,6%. В зарубежной литературе ширится публикационная активность, связанная с угрозами, сведушими за шлейфом нарастания долговой экономики [7]; [8]. В среднем развитые страны имеют долг (только государственный) «зашкаливающий» за годовой ВВП. Причем если до середины прошлого века долговой кризис выражался в том, что развитые страны были кредито-

рами развивающихся стран, то теперь – наоборот. Китай, например, является держателем четверти внешнего долга США. Развитые страны за чужой счет приобрели лидерство, как по развитию технологий, так и по уровню социального обеспечения. Подняв социальные стандарты и создав привлекательные условия для труда и проживания, развитые страны концентрируют человеческий капитал высшего качества и поддерживают лидерство за счет привлеченных интеллектуальных ресурсов развивающихся стран, т.е. стран-кредиторов. Эксплуатация развивающихся стран приобрела в современных условиях более тонкий и изощренный характер. Развитые страны за счет кредиторов концертируют интеллектуальные ресурсы развивающихся стран, которые содействуют отработке долгов стран своего происхождения.

Складывается следующее глобальное противоречие: с одной стороны, США как один из центров мировой экономики борется с ростом влияния Китая на мировую экономику. С другой стороны, Китай является кредитором США. Это пока что «дремлющее» противоречие. Но если развернутся торговые войны с запуском секционных механизмов против Китая, которые, как мы показали выше, прямо следуют из стратегических целей ТТП, названное противоречие может перейти в более «горячую» фазу развития и разрешения. Россия и страны ЕАЭС прямо вовлечены в орбиту экономических отношений с Китаем, и их напрямую касаются последствия прогнозируемых процессов и противоречий развития мировой экономики в рамках доминирующего треугольника США-ЕС-Китай.

Из изложенного можно сделать вывод: в XXI веке наступил новый этап борьбы за торгово-экономический раздел мира, за его ресурсы и рынки сбыта.

Истории известен трагический опыт, когда мировые экономические войны перерастают в мировые военные конфликты. В этой ситуации перед отдельными странами и международными организациями встают две задачи: борьба за свои национальные экономические интересы и упреждающий характер борьбы за предотвращение политических конфликтов, которые возникают на основе торгово-экономических. В этой связи следует отметить актуальность и необходимость индивидуальных и совместных усилий стран-участниц ЕАЭС других стран и организаций в следующих направлениях:

во-первых, использование опыта защиты своих интересов через сотрудничество с международными организациями и концентрация усилий на стратегических целях симметричных ответов угрозам, происходящим от новых инициатив по экономическому переделу мира и абсолютного доминирования в нем;

во-вторых, вместе с партнерами и союзниками приступить к перспективной разработке проектов глобальных объединений посредством расширения контуров интеграции и создания Большого Евразийского Партнерства с участием стран СНГ, а также Китая, Индии, Пакистана, Турции, Ирана, других государств и интеграционных союзов (АСЕАН). Начать можно с консультаций экспертных групп по унификации сотрудничества в области инвестиций, таможенного администрирования, защиты интеллектуальной собственности, нетарифных мер. В дальнейшем снижать и отменять тарифные ограничения, развивать сеть двусторонних и многосторонних соглашений с разной глубиной и скоростью, уровнем взаимодействия и открытости рынка. Это должна быть гибкая кооперационная структура инте-

грации, которая поощряет конкуренцию в области науки, технических решений, где участники в полной мере могут реализовать свои компетенции и потенциал. При этом в качестве интеграционного ядра может выступить ЕАЭС.

Тенденции противостояния однополярному доминированию в мировой экономике. В складывающейся ситуации ЕАЭС, взаимодействуя с другими странами и организациями, особенно в Азиатско-Тихоокеанском регионе, может конкурентно противостоять однополярному мировому торгово-экономическому господству. Как новое образование оно должно использовать опыт поэтапного развития экономического сотрудничества других объединений, в частности, организации АСЕАН. Опыт АСЕАН важен еще и потому, что совместно с торговыми партнерами (АСЕАН+6) по объему мировой торговли эта организация не уступает проекту ТТП.

Два важных обстоятельства обуславливают особое внимание к АСЕАН в современных условиях. Во-первых, объединение или партнерство ЕАЭС и АСЕАН явились бы альтернативной ТТП в регионе. Во-вторых, опыт практически всех этапов развития АСЕАН и применения инструментов проводимой политики полезен для относительно молодой организации, какой является ЕАЭС.

Процесс превращения АСЕАН в один из мировых политических и экономических центров многополюсного мира стимулировал эту региональную группировку стран активно решать ряд чрезвычайно важных задач. К ним относятся: формирование зоны свободной торговли и зоны инвестиций; введение единой валюты и создание развернутой экономической инфраструктуры, формирование специальной структуры управления. Уже сегодня зона свободной торговли

АСЕАН – АФТА представляет собой наиболее консолидированную экономическую группировку стран Азии. Главным инструментом создания зоны свободной торговли выступает соглашение об общем эффективном преференциальном тарифе (СЕПТ). СЕПТ также предусматривает шаги по согласованию стандартов и сертификатов качества на продукцию, выработку правил честной конкуренции, упрощение внутренних инвестиционных и таможенных законодательств, стимулирование процесса создания совместных региональных предприятий и т.д. Для реализации этих целей создан Консультативный комитет АСЕАН по стандартам и качеству.

В целях повышения конкурентоспособности товаров, производимых в зоне АСЕАН, а также создания условий для привлечения инвестиций в этот регион были предприняты поиски новых форм промышленного сотрудничества. В соответствии с базовым соглашением по схеме промышленного сотрудничества АСЕАН – АИКО условием создания новой компании является участие в ней минимум двух предприятий из разных стран АСЕАН и наличие минимум 30% национального капитала. Целями АИКО являются: рост производства промышленной продукции; рост инвестиций в государства АСЕАН из третьих стран; расширение внутренней торговли; совершенствование технологической базы; повышение конкурентоспособности продукции на мировом рынке; возрастание роли частного сектора. Кроме того, предусматривается ряд и нетарифных преференций, в том числе и преимуществ в получении инвестиций.

Соглашение об общем эффективном преференциальном тарифе (СЕПТ) создаёт рычаги воздействия на структуру производства посредством механизмов переориентации предприятий с производства сырья и полуфабрикатов на

производство конечного продукта. АИКО же, в свою очередь, вводит дополнительные стимулы для этого. В частности, в отношении импорта готовой продукции, полуфабрикатов (промежуточных продуктов) и сырья предусматривается применение льготной тарифной ставки, вместе с тем конечные продукты имеют неограниченный доступ на рынки стран АСЕАН, а доступ на эти рынки промежуточных продуктов и сырья ограничивается. И этот опыт очень важен для преодоления сырьевой направленности экономик ряда постсоветских государств, диверсификации и структурной перестройки с ориентацией на наращивание добавленной стоимости.

Представляет интерес и опыт стимулирования инвестиций. Ещё в октябре 1998 года было подписано Рамочное соглашение о создании зоны инвестиций АСЕАН (АИА), которая охватывает территории всех государств-членов ассоциации и является одним из основных инструментов привлечения внутренних и внешних инвестиций путем предоставления инвесторам национального режима, налоговых льгот, отмены ограничений на долю иностранного капитала. В марте 1999 г. было принято решение о распространении национального режима и на инвестиции в сферу услуг, непосредственно связанных с обрабатывающей промышленностью. Важной особенностью является и то, что эти решения охватывали лишь прямые капиталовложения, оставляя за рамками портфельные инвестиции.

Нам представляется, что все сюжеты, связанные с развитием АСЕАН, имеют актуальность для ЕАЭС. Учет опыта позволит быстрее и эффективнее пройти этапы становления и развития относительно новой организации, совместных предприятий; структурных преобразований. Эффективное развитие ЕАЭС способно привлечь в ее ряды но-

вых членов и партнеров. Для этого надо продвигаться от торгово-таможенного сотрудничества к инновационно-производственному. Все участники ЕАЭС по отдельности решают проблемы технологического развития, в том числе и цифровизации. Представляется, что назрела потребность в объединении усилий в направлениях, представляющих интерес для всех участников

Заключение. В XXI веке мировая экономика вступила на новый уровень обострения борьбы национальных экономик и межгосударственных объединений за ресурсы и рынки с новыми вызовами и рисками. Нарастает геополитическая нестабильность и неустойчивость развития мировой экономики.

Органическим результатом современных технологических революций является рост технологической безработицы, которая вызвала к жизни новое международное конкурентное пространство. Проявлением этой тенденции является экономическая программа Трампа, направленная на повышение занятости в национальной экономике.

Глобальные проекты ТПП и ТАИП свидетельствуют о тенденции формирования однополярного экономического мира с доминированием США. Подрывающая международные институты и организации (ВТО, ООН), этот процесс несет в себе новый виток напряженности и угроз.

Тенденции контрциклического движения мировой экономики свиде-

тельствуют об исчерпании потенциала развития за счет свободного и колониального пространства, и данная ситуация свидетельствует об усилении факторов обострения конкурентной борьбы.

Современная долговая экономика со сменой ролей кредиторов и заемщиков с анаболическим уровнем долговой нагрузки на развитые страны деформирует воспроизводственные процессы, усиливает риски финансовых и долговых кризисов.

Новый мировой экономический порядок, формируемый под влиянием новых технологических революций, обостряет борьбу за ресурсы и рынки, сопровождаемую новыми угрозами, конфликтами.

Изложенное побуждает к центральному выводу о необходимости укрепления созданных и уже функционирующих мегарегуляторов (типа ВТО) и создания новых международных институтов и организаций, новый формат которых будет учитывать происходящие перемены в мировой экономике. Глобализация не растворила национальные экономические интересы, а наоборот, складывается из их противоречивого взаимодействия. Международный консенсус должен наделить их функциями и правами, необходимыми и достаточными для продвижения мировой экономики к гарантированному взаимодействию национальных экономик на универсальных принципах равноправия, справедливости и эффективности.

Литература

1. Шваб К. Четвертая промышленная революция. – М., 2017. – С. 19-20.
2. *Rugel, Thomas A.* International Economics. – N.Y., 2011. 7 p.
3. Кочетов Э.Г. Глобалистика как геоэкономика, как реальность, как мироздание. – М., 2001. – С.297.
4. Режим доступа: <http://www.polit.ru/research/2005/10/20/soto.html>
5. Тэтчер Маргарет. Искусство управления государством. Стратегия меняющегося

- мира. – М., 2003. – С.492.
6. *Pugel, Thomas A.* International Economics. 15th ed., N.Y. University, McGraw-Hill, 2011. – P.7.
 7. *Митч Файерстайн.* Планета Понци. Как политики и банкиры крадут наше будущее, как вы можете выжить, что будут дальше. – М.: Междунар. отношения, 2014.
 8. *Молдин Д.* Развязка. Конец долгового суперцикла и его последствия / Д. Молдин, Д. Теппер. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ И ОТРАСЛЕЙ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА

УДК 352.075

E. Nazmiev,

candidate of Economic Sciences, docent, branch
of Kazan (Volga region) Federal University in
Naberezhnye Chelny

Э. Назмиев,

канд. экон. наук, доцент Набережночелнинского
института Казанского (Приволжского)
федерального университета

A. Nagimov,

candidate of Economic Sciences branch
of Kazan (Volga region) Federal
University in Naberezhnye Chelny

А. Нагимов,

канд. экон. наук, Набережночелнинский
институт Казанского (Приволжского)
федерального университета

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПОСТРОЕНИЮ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В КАЧЕСТВЕ МЕСТНЫХ ИНСТИТУТОВ РАЗВИТИЯ ГОРОДА

Аннотация: в статье рассмотрена экономическая база города, которая образует основу для экономической деятельности институтов развития. Дана оценка роли информационных технологий в муниципальном управлении. Выявлены возможности использования ресурсов бюджета для финансирования деятельности местных институтов развития.

Ключевые слова: город, институт развития, муниципальная собственность, информационные технологии, муниципальное управление.

Города, будучи отделенными от государства в качестве субъекта правоотношений, в своем развитии только опираются на имеющуюся у государства институциональную систему управления, используя её основой для построения собственных институтов социально-экономического развития. Город имеет собственную, хоть и небольшую экономическую базу, которая может быть использована в качестве ресурса социально-экономического развития. В составе экономической базы города выступает муниципальная собственность (земля, недвижимость, бюджет), жилищно-коммунальное хозяйство, фонды предприятий и организаций, горожане. На содержание экономической базы город, с одной стороны, тратит собственные ресурсы, а с другой стороны – получает

от нее доход. К источникам дохода от экономической базы города относят доходы, поступающие в местные бюджеты:

- налог на доходы физических лиц;
- налог на землю;
- акцизы и другие платежи в местный бюджет.

В этой связи муниципальные институты развития должны концентрировать свою деятельность вокруг максимальной возможности этих фискальных инструментов. Учитывая, что налог на доходы физических лиц взимается с заработной платы горожанина, создание рабочих мест и повышение заработной платы лежит в основе приоритетов экономического развития города. Экономическая целесообразность роста заработной платы связана с ростом производительности труда и повышением квалификации ра-

ботников. В этой связи, важным институциональным аспектом социально-экономического развития малого города выступает система образования малого города, которая задает базовые условия для формирования уровня квалификации работника.

Система образования направлена на повышение интеллектуального уровня населения, который становится существенным фактором его конкурентоспособности. В условиях инновационной экономики для развития интеллектуального потенциала города необходимо не только повышать квалификацию кадров, но и обеспечивать развитие информационных технологий и информационных услуг, которые оказываются подразделениями администрациями [1].

В этой связи для повышения эффективности социально-экономического развития малого города видится целесообразным формирование в малых городах в качестве местных институтов развития (МИР) специализированных учебно-лабораторных центров подготовки, переподготовки и повышения квалификации. Наличие подобных центров позволит оперативно подготавливать необходимых специалистов для потребностей бизнеса и государственного и муниципального управления. Эти центры могут выступать в качестве главного субъекта управления политики в сфере подготовки и переподготовки кадров, тем самым выполняя свою функцию по повышению эффективности использования потенциала малого города.

Это могут быть центры, способные вести подготовку по рабочим специальностям или по подготовке специалистов в сфере услуг и, что особенно актуально, в сфере IT услуг. Кроме того, на базе центра целесообразно было бы организовать выполнение услуг по аттестации рабочих мест, различным лабораторным испытаниям и т.п. Однако важнейшей

функцией этих центров видится проведение работ по обеспечению информационными технологиями управления городом и муниципальным районам. В качестве подобной информационной технологии рассмотрим аппаратно-программный комплекс «Безопасный город», функционирующий в рамках программы «Безопасный город» [2]. Целью построения и развития аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» является повышение общего уровня общественной безопасности, правопорядка и безопасности среды обитания за счет существенного улучшения координации деятельности сил и служб, ответственных за решение этих задач, путем внедрения на базе муниципальных образований (в соответствии с едиными функциональными и технологическими стандартами) комплексной информационной системы, обеспечивающей прогнозирование, мониторинг, предупреждение и ликвидацию возможных угроз, а также контроль устранения последствий чрезвычайных ситуаций и правонарушений с интеграцией под ее управлением действий информационно-управляющих подсистем дежурных, диспетчерских, муниципальных служб для их оперативного взаимодействия в интересах муниципального образования.

Базовым элементом безопасного города является комплекс средств автоматизации «Единый центр оперативного реагирования» – это объединение программно-аппаратных средств для комплексной информатизации процессов единой дежурно-диспетчерской службы. Комплекс повышает уровень безопасности, комфорта проживания и эффективности управления городом. Сочетая ключевые принципы социальных проектов «Активный гражданин», «Добродел», «Открытый город», «Российская общественная инициатива», «Единый центр оперативного реагирования» максималь-

но активно работает с обращениями горожан и городскими службами [3].

По своему функциональному значению программный комплекс представляет собой современную и мощную систему различных IT-программ, внедрение которых может увеличить долю IT-услуг в экономике малого города. Сегодня же работники служб системного администратора при исполнительных комитетах крупных городов непосредственно занимаются эксплуатацией, совершенствованием и разработкой новых технологических решений в области городской жизнедеятельности и управления [4, с. 372-376].

Масштаб решаемых задач программным комплексом «Безопасный город» не позволит реализовать этот проект силами только одного отдела при муниципальных и региональных органах власти. Поэтому эффективным механизмом реализации программы стало бы использование лабораторно-образовательных центров, которые в перспективе могли бы начать реализацию концепции «Умный город» [5, с. 161].

Совокупность элементов органов управления, экономической базы и информационных технологий в институциональной среде города может иметь следующую структуру.

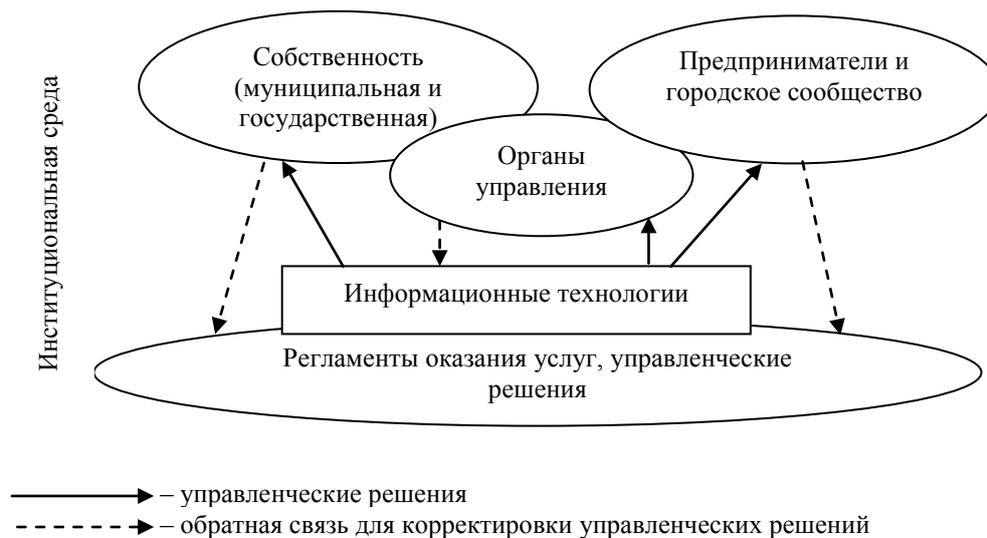

Рис. 1. Информационные технологии в институциональной среде и системе взаимодействия субъектов управления

Муниципальное имущество и фискальные функции муниципалитета создают экономическую базу для построения институтов, а вопросы местного значения с аппаратом для их решения – институциональную базу регулирования социально-экономического развития города.

Формирование местных институтов

развития может быть осуществлено за счет субсидий из федерального бюджета некоммерческим неправительственным организациям, участвующим в развитии институтов гражданского общества, реализующим социально значимые проекты и проекты в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина, указанным в распоряжении Президента Российской

Федерации от 19 февраля 2018 г. N 32-рп «Об обеспечении в 2018 году государственной поддержки некоммерческих неправительственных организаций, участвующих в развитии институтов гражданского общества, реализующих социально значимые проекты и проекты в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина» [6]. Эти субсидии предоставляются на проведение конкурсов и выделение по их результатам грантов другим некоммерческим неправительственным организациям на следующие цели:

– консультационная, методическая и образовательная поддержка проектов в социально значимых сферах деятельности некоммерческих неправительственных организаций; популяризация лучших практик реализации социально значимых проектов некоммерческих неправительственных организаций; содействие повышению мобильности трудовых ресурсов; развитие механизмов общественного контроля;

– реализация социально значимых проектов, направленных на развитие институтов гражданского общества в малых городах и сельской местности; поддержка краеведческой работы; сохранение народных культурных традиций (в том числе народных промыслов и ремесел); профориентация молодежи в малых городах и сельской местности; развитие диалога между властью и обществом; развитие и укрепление институтов местного самоуправления.

Развитие институтов гражданского общества скрывает за собой экономические основы для формирования целого спектра различных институтов, обеспечивающих функционирование гражданского общества. К таковым относятся юридические и физические лица, формализующие свою деятельность на основе приказа Министерства экономического развития Российской Федерации

от 14 апреля 2018 года г. N 67 «Об организации проведения конкурсного отбора субъектов Российской Федерации, бюджетам которых в 2012 году предоставляются субсидии для финансирования мероприятий, осуществляемых в рамках оказания государственной поддержки малого и среднего предпринимательства субъектами Российской Федерации» [7] и в аналогичных приказах за предыдущие годы, центры народно-художественных промыслов (центры НХП), центров инноваций социальной системы (ЦИСС), региональные центры инжиниринга (РЦИ) и др.

Таким образом, государство сформировало достаточно благоприятную обстановку для начальной стадии формирования целого ряда коммерческих и некоммерческих организаций, которые могут быть созданы при поддержке местных и государственных бюджетов, а их функционирование может так же частично или полностью обеспечиваться за счет бюджетных средств.

На уровне региона создание местных институтов развития может быть регламентировано региональным Министерством образования. Их формирование и функционирование может субсидироваться как для организации, образующей инфраструктуру поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства, в части оказания образовательных услуг. Развитие системы образования на муниципальном уровне, кроме того, что оно прямо отвечает интересам бизнеса, влечет за собой возможность улучшения качества жизни горожан. Рекомендуемые к созданию местные институты развития будут дополнять пока еще слабо развитую систему профессионального образования малого города. Кроме дополнительного профессионального образования, к системе образования на муниципальном уровне относят дошкольное, школьное

образование, которые могут так же стать базой для формирования новых местных институтов развития.

Одним из важнейших факторов, определяющих благополучное проживание горожанина в малом городе, выступает социальное обеспечение, в частности системы дошкольного образования. В этой связи для повышения привлекательности проживания в малом городе, обеспечения его социальной стабильности и защищенности, сфера дошкольного образования могла бы стать хорошим источником. Поэтому одним из актуальных направлений формирования местных институтов развития может стать сфера социального предпринимательства, ориентированного на систему дошкольного образования.

Это могло бы стать целым направлением социально-экономического развития малого города. При реализации этого направления решаются две актуальные задачи:

1. Повышается уровень социально-го обслуживания в части дошкольного образования.

2. Создаются новые рабочие места. На создание и функционирование подобных организаций из федерального бюджета можно получить от 1,5 до 30 млн рублей.

В условиях интенсивного развития технологий, обеспечивающих повышение эффективности использования ресурсов, для малого города, как и для большого, актуальны задачи технологического развития. Подобное развитие рассматривается как совокупность инвестиций на создание какой-либо инновации. Однако механизм создания инноваций и промышленное его производство более сложны, чем просто привлечение инвестиций на создание или приобретение технологии. Важнейшим условием тут выступает рынок интеллектуальной

собственности, который служит связующим звеном между инноватором и промышленным предприятием. В этой связи в качестве инструмента технологического развития малого города выступает формирование регионального и местного рынка интеллектуальной собственности. На уровне малого города, для достижения целей технологического развития, необходимо создание центра интеллектуальной собственности, который позволял бы имеющиеся у предпринимателей и жителей малого города инновации правильно оформлять и коммерциализировать. Создание подобных центров в малых городах позволило бы решить ряд задач, среди которых основной выступает вовлечение жителей города в инновационный процесс. Ведь в малых городах, селах и поселках районов проживает немало умельцев, которые подручными способами совершенствуют различные механизмы для потребностей сельского хозяйства, промышленного производства, быта.

Кроме того, это защищало бы интересы граждан России, так как многие зарубежные предприятия размещаются на территориях районов, а работники, предлагающие инновационные решения в сфере деятельности таких предприятий, прямо передают свои знания, без соответствующего юридического оформления. В результате зарубежные предприятия становятся более конкурентоспособными, а авторы инноваций в лучшем случае получают небольшое вознаграждение. Если бы инновация была бы правильно юридически оформлена, то инноватор мог бы получить больше дохода, а бюджет – больше отчислений в виде пошлин и налогов.

Широкое использование интернет-технологий, которыми пользуются горожане в части общественного контроля, также представляет собой побудитель-

ный мотив для участия муниципальных органов в решении важных, на взгляд пользователей соответствующих сайтов, проблем. Современные условия диктуют нам необходимость более широкого использования новых информационных технологий. Поэтому сегодня между населением и муниципалитетом должны быть установлены связи, которые могут быть осуществлены через представителей городского сообщества или с помощью интернет-ресурсов (IT-технологии):

1. Интернет-ресурсы.

1.1. Интернет-ресурс как средство передачи информации (средство коммуникации).

1.1.1. Обмен информации напрямую, через блоги в твиттере, контакте и т.п.

1.1.2. Форумы и сообщества.

1.1.3. Официальный сайт города.

1.1.3.1. Сайт города в традиционном понимании с интернет-приемной.

1.1.3.2. Сайт города в виде открытого муниципалитета (с активной он-лайн и обратной связью).

1.2. Интернет-ресурс как способ проведения опросов, голосований на уровне отдельных домов и районов. Например, ИС «КВОРУМ» – информационная система для ведения реестров собственников помещений МКД/членов ТСЖ, подготовки и проведения общих собраний собственников помещений в многоквартирном доме. Под ключ. Обеспечивает электронное голосование в полном соответствии со ст.47.1 ЖК РФ [8].

1.3. Интернет-ресурс как инструмент управления. Это специализированные сайты, в которых имеется возможность подавать заявки для устранения каких-либо проблем, например в сфере экологии, жилищно-коммунального хозяйства. На основании ИАС МКГУ, согласно постановлению Правительства РФ № 1284 от 12 декабря 2012 г., проводится оценка гражданами эффектив-

ности деятельности руководителей территориальных органов федеральных органов исполнительной власти (их структурных подразделений) и территориальных органов государственных внебюджетных фондов (их региональных отделений) с учетом качества предоставления государственных услуг, руководителей многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг с учетом качества организации предоставления государственных и муниципальных услуг, а также применения результатов указанной оценки как основания для принятия решений о досрочном прекращении исполнения соответствующими руководителями своих должностных обязанностей. Сайт «Народный контроль» с одноименным общественным движением [9,10].

2. Информационные технологии. Например, интеллектуальная гибридная модульная система управления зданием (умный дом) «ИНСАЙТ» (включает в себя несколько модулей: подсистема управления освещением, подсистема безопасности и сигнализации, подсистема управления водоснабжением и вентиляцией, система управления солнцезащитой, диспетчеризация); комплекс программно-технических средств оповещения «Грифон» (КПТСО «Грифон») предназначен для создания на его основе региональных, местных, локальных и объектовых систем оповещения населения, а также для своевременного доведения сигналов оповещения и экстренной информации до органов управления, должностных лиц, сил ГО и РСЧС и населения на региональном, местном, локальном и объектовом уровнях; оплата ежемесячных жилищно-коммунальных услуг, а также передача показаний счетчиков в привычных мессенджерах: Telegram, Viber, facebook, ВКонтакте. Существует ряд информационных реше-

ний в сфере городского управления, которые реализуются в рамках проекта «Умный город», а также через индивидуальные местные инициативы.

3. Профессиональная команда специалистов, со стороны горожан, способных обобщить общественное мнение, подготовить презентации по результатам имеющейся обратной связи от горожан и

городских сообществ.

Интернет-технологии, мобильные устройства все в большей степени аккумулируют на себе информационные потоки, в которые погружен горожанин. Интеграция этих технологий в систему муниципального управления – актуальная задача местных властей и политических партий.

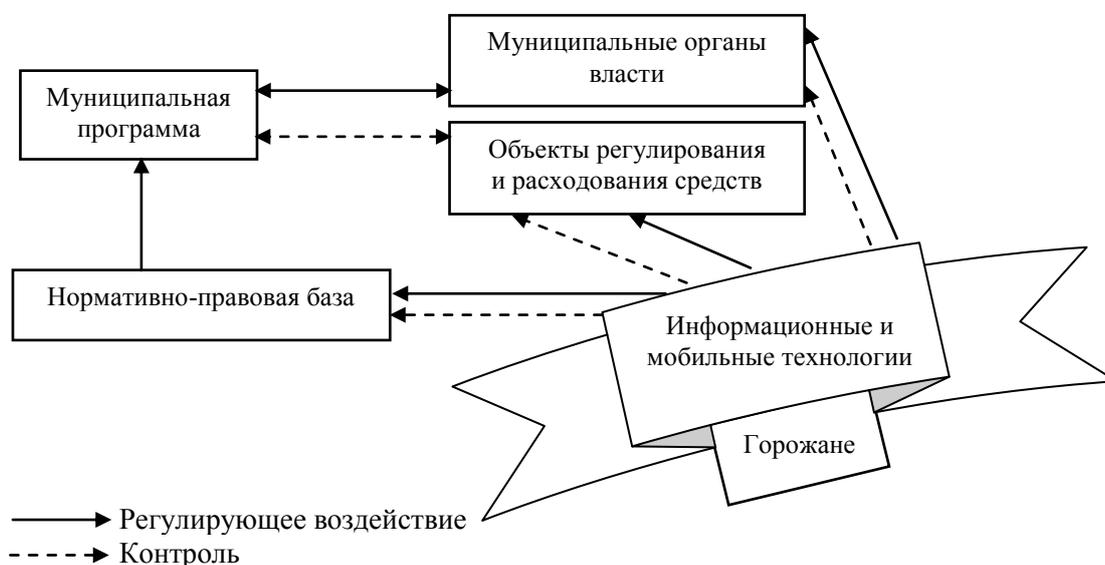

Рис. 2. Принципиальная (базовая) схема взаимодействия муниципальной власти и горожан при разработке муниципальных программ

Современная система муниципального управления главным образом построена на основе реализации муниципальных программ, которые представляют собой территориальное воплощение принятых федеральных и региональных программ. Поэтому важная роль в формировании муниципальных программ должна отводиться интересам и пожеланиям населения города. В структуре муниципальных программ должен присутствовать раздел, в котором бы обобщался и систематизировался весь спектр актуальных проблем, которые важны для горожан в первую оче-

редь. Главным источником для подобной информации должны быть материалы из архива исполнительного комитета города и районных администраций города, в которых скапливаются все жалобы и предложения, а также аналогичные материалы, которые фиксируются на сайте исполнительного комитета и специальных сайтах общественного управления.

Нормативная база регулирования государственного и муниципального управления в России разработала достаточно широкий пул прав и возможностей для совершенствования демократи-

ческих институтов управления на местном уровне. Информационные технологии, при органичном встраивании в эту систему, станут центральным звеном механизма принятия решений. Институты местного сообщества, чиновники, руководство регионов и страны должны стремиться в большей мере использо-

вать информационные технологии в налаживании простых коммуникаций с населением, получения обратной связи от него. За подобными взаимодействиями скрывается большая удовлетворенность человеком от своей среды проживания, в которой он становится активным участником процессов управления.

Литература

1. Вильчинская О.В. Корреляционно-регрессионный анализ в оценке взаимосвязей социально-экономического развития муниципальных образований / О.В. Вильчинская, Л.А. Тарханова // Проблемы региональной экономики. – 2010. – №3.
2. Программа «Безопасный город»: утв. распоряжением Правительства Рос. Федерации от 3 дек. 2014 г. № 2446-р.
3. Официальный сайт «Безопасный город» <http://www.apkbg.ru>
4. Галимов А.Ж. Информационные технологии государственного и муниципального управления как инструмент формирования открытого и безопасного общества / А.Ж. Галимов, Э.Ф. Назмиев // В мире научных открытий. – 2015. – № 11(71). – С. 372-376.
5. Фролов Д.П. Современные модели городского развития: от противопоставления – к комбинированию / Д.П. Фролов, И.А. Соловьева // Пространственная Экономика. – 2016. – № 3.
6. Об обеспечении в 2018 году государственной поддержки некоммерческих неправительственных организаций, участвующих в развитии институтов гражданского общества, реализующих социально значимые проекты и проекты в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина: распоряжение Президента Рос. Федерации от 19 февр. 2018 г. N 32-рп.
7. Об организации проведения конкурсного отбора субъектов Российской Федерации, бюджетам которых в 2012 году предоставляются субсидии для финансирования мероприятий, осуществляемых в рамках оказания государственной поддержки малого и среднего предпринимательства субъектами Российской Федерации: приказ Минэкономразвития РФ от 14 апр. 2018 г. N 67.
8. <https://russiasmartcity.ru/projects/309-informacionnaya-sistema-kvorum>
9. <https://vashkontrol.ru/about>
10. <https://control.org.ru/about.html>

УДК 338.49

T. Gurnovich,

Doctor of Economics, Professor of the Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin

T. Гурнович,

д-р экон. наук, профессор ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т Трубилина»

F. Batchaeva,

graduate student 4 years of study FSBEI HE «Stavropol State Agrarian University»

Ф. Батчаева,

аспирант 4 года обучения ФГБОУ ВО «Ставропольский государственный аграрный университет»

ФОРМИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ИНФОРМАЦИОННО-КОНСУЛЬТАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ АПК (НА ПРИМЕРЕ ОТРАСЛИ КОНЕВОДСТВА)

Аннотация: информационные технологии сегодня становятся определяющими для повышения конкурентоспособности экономики страны и отдельных отраслей, в том числе – аграрной сферы. Особенно актуально использование современных информационных технологий для развития и эффективного функционирования информационно-консультационной службы (ИКС) в системе АПК. В статье приведены особенности формирования и развития региональной системы информационно-консультационного обеспечения на примере одной из самых отстающих отраслей сельского хозяйства – коневодства.

Ключевые слова: информационно-консультационная служба (ИКС), цифровизация, консультант, животноводство, информационные технологии, «утечка» кадров.

Сектор агропромышленного комплекса играет немаловажную роль в развитии экономики любого государства, поддерживая ее на оптимальном уровне развития посредством активизации задачи по продовольственной безопасности, то есть через самостоятельное обеспечение необходимыми продуктами питания в достаточном объеме. В связи с этим проблематика эффективного управления агропромышленным комплексом и отдельными его сферами в нестабильной рыночной обстановке была и по-прежнему остается первостепенной.

Актуальность и практическая значимость информационно-консультационной деятельности в агропромышленном комплексе России обостряется в связи со спадом производства в отраслях животноводства и растениеводства, «утечкой» высококвалифицированных и профессиональных специалистов из се-

ла, медленным внедрением научных достижений, современной техники и передового опыта.

В век развития процессов цифровизации и информационного общества в управлении производственной деятельностью особую роль приобретает информационное обеспечение, состоящее в сборе, хранении, классификации, упорядочении и переработке информации, необходимой для принятия эффективных управленческих решений [4]. Для полноценного обеспечения сельхозтоваропроизводителей достоверной и качественной информацией, необходимой для их устойчивого функционирования в условиях российского и международного рынка, создаются специализированные информационно-консультационные службы [1].

Информационно-консультационная служба – это служба, которая не только

обеспечивает сельхозтоваропроизводителей нужной информацией, но также повышает их уровень знаний для успешного ведения хозяйственной деятельности, тем самым помогая глубже анализировать проблемы и воспитывать ответственность за принимаемые решения. Одни авторы сравнивают ИКС со справочным бюро, так как дает ответы на разнообразные вопросы, а другие – с трансформирующим органом, так как она переводит результаты науки с языка ученого на язык практика.

Отметим, что в деятельности информационно-консультационных служб заинтересованы не только сами сельскохозяйственные организации, но также и органы управления АПК. Данная заинтересованность обоснована процедурами проведения аграрной политики и в последующем – влиянием на научно-технический прогресс в отраслях сельского хозяйства.

Для полноценного развития из государственного бюджета осуществляется финансирование информационно-консультационной деятельности, что нацелено на формирование материально-технической и научной базы информационно-консультационных служб, на переподготовку и повышение квалификации консультантов, на организацию бесперебойной информационной системы.

Также государственная поддержка ИКС предполагает взаимодействие информационно-консультационной службы с различными научно-исследовательскими организациями, лабораториями, частными консультационными фирмами, учебными заведениями. Такое взаимодействие требует организовать систему разносторонних информационных связей организаций, оказывающих консультационные услуги. Отсутствие государственной поддержки усложняет работу ИКС, однако государственное

финансирование может производиться не только напрямую из бюджета, но также посредством реализации специальных целевых программ и проектов.

Важным условием успешного развития информационно-консультационной деятельности является применение и регулярное обновление информационных технологий, пополнение и актуализация баз данных.

Информационно-консультационные службы должны принимать активное участие в обеспечении устойчивого развития сельского хозяйства, для этого консультанты служб должны разносторонне проявлять себя, например, путем активного участия в разработке и реализации программ по развитию сельского хозяйства (например, экологического характера); оказании помощи в развитии альтернативной занятости сельского населения, привлечении молодежи для работы на селе.

Основными задачами в данном случае будут являться следующие:

- консультирование сельских товаропроизводителей о социальных и экологических проектах, осуществляемых в регионе социально-экономических преобразованиях;
- участие в разработке специализированных программ и мероприятий по развитию сельских территорий;
- помощь сельскому населению на первых стадиях становления малого и среднего бизнеса в сфере сельского хозяйства, помощь в организации производственных и потребительских кооперативов;
- привлечение кадров, в том числе и молодых (от 23 до 35 лет), консультирование об альтернативных видах занятости сельского населения, а также реализация программ повышения квалификации и переподготовки профессиональных кадров;
- проведение комплексного анализа

финансово-хозяйственной деятельности, маркетинговых обзоров, SWOT-анализа и другое.

Данные направления деятельности способствуют мотивации разработчиков инновационных технологий производства сельскохозяйственной продукции и влияют на повышение качества исследу-

емых разработок и сокращение срока внедрения их в производственный процесс [2].

Рассмотрим подробнее на рисунке 1 систему информационно-консультационного обеспечения АПК, состоящую из трех уровней: федеральный, региональный и районный (межрайонный).

Рис. 1. Трехуровневая система информационно-консультационного обеспечения АПК

Отметим, что один из ключевых параметров в системе развития информационно-консультационной службы – это скорость доведения до сельхозтоваропроизводителя сведений об инновационных методах производства и реализации сельскохозяйственной продукции, а затем и создание платформы для их внедрения. Обеспечение данного параметра реально будет производиться через призму следующих мероприятий:

- ускорение освоения высокоэффективных и быстрокупаемых инновационных проектов;
- создание системы оценки экономической эффективности внедрения инноваций в производство сельскохозяйственной продукции;
- оказание методической, информационной и консультационной поддержки сельхозтоваропроизводителям при освоении инновационных проектов;

- разработка прогнозирования и стратегического планирования инновационной деятельности в системе агропромышленного комплекса;

- формирование базы данных инновационных разработок в АПК [5].

Отдельно акцентируем внимание на информационно-консультационном обеспечении наиболее отстающей подотрасли в системе животноводства АПК – коневодства.

В России действует единая информационная система коневодства, которая

обеспечивает передачу и обработку информации, но многие специалисты отрасли считают, что система нуждается в обновлении, поэтому вполне обоснована идея по созданию такой информационной системы, которая бы оперативно передавала, обрабатывала, анализировала и надежно хранила все сведения.

На рисунке 2 приведен механизм оказания информационно-консультационной помощи региональной ИКС в отрасли коневодства с учетом оказания поддержки различных видов.

Рис. 2. Механизм оказания информационно-консультационной помощи региональной ИКС в отрасли коневодства

Информационно-консультационный вектор развития информационного обеспечения в разрезе каждой отрасли животноводства, в том числе коневодства, может положительно отразиться на экономических показателях агропромышленного комплекса в целом [3]. Так, по зарубежному опыту очевидна картина, что около 75% хозяйствующих субъектов открыты для освоения новшеств

благодаря работе специально созданных служб сельскохозяйственного консультирования. Поэтому развитие любой отрасли, включая коневодство, должно строиться на распространении научных разработок и передового опыта путем формирования банка данных об инновационных разработках, методической, информационной поддержки субъектов хозяйствования коневодства (конные

заводы, фермы, коневодческие хозяйства и другие) при освоении инновационных проектов, оказания помощи в оценке эффективности инновационных проек-

тов. На рисунке 3 проиллюстрированы основные направления деятельности информационно-консультационных служб в разрезе подотрасли коневодства.

Рис. 3. Основные направления деятельности ИКС в отрасли коневодства

Исходя из данных рисунка 3, очевидно, что направления деятельности ИКС в отрасли коневодства многогранны и напрямую зависят от стадии развития отрасли, ее готовности к научно-техническим новшествам и внедрениям.

Таким образом, совершенствование информационного обеспечения коневодства должно решаться именно система-

тически, путем реализации поставленных целей по формированию целостной системы ИКС, а также разработки мероприятий по улучшению информационной среды путем развития информационных коммуникаций и активного внедрения информационных технологий, инноваций и научных разработок.

Литература

1. Баутин В.М. Инновационная деятельность в сельскохозяйственном консультировании региона: учеб. пособие. – М.: Росинформагротех, 2008. – 130с.
2. Веселовский М.Я. Информационно-консультационная служба АПК России (вопросы теории и практики): учеб. пособие. – М.: Росинформагротех, 2002. – 160с.
3. Калашников Р.В. Организационно-экономическое обоснование развития продуктивного коневодства и верблюдоводства в условиях рынка: автореф. дис. ... канд.

экон. наук.: 08.00.05 / Рос. гос. аграр. заоч. ун-т. – М., 2004.

4. *Козлов В.В.* Проблемы и решения по возрождению сельскохозяйственного консультирования в России. – М.: Росинформагротех, 2002. – 204с.

5. *Козлов В.В.* Инновационная деятельность в сельскохозяйственном консультировании региона. – М.: Росинформагротех, 2007. – 132с.

6. Организация и функционирование информационно-консультационной службы для сельских товаропроизводителей: учеб. пособие / под ред. В.М. Кошелева. – М.: МСХА, 2006. – 270 с.

ANNOTATIONS

*A. Makarov***On the digital economy in the context of global trends and the sources of economic growth (reflection of the conceptual features of the evolution of the institutional framework and challenges)**

Abstract: The article is devoted to the analysis of the characteristics of the information economy, the transformation of the network market under the influence of digitalization. There are arguments about a fundamentally new configuration of the network market structure, conceptual foundations and myths of the digital economy, its risks and opportunities. An attempt has been made to use historical and evolutionary methods in the study of the history (background) of the institutions of the digital economy on the basis of considering questions about the dot-com crash as a fiasco of an adequate perception of the network market under the conditions of the laws of Metcalf and Moore, as well as the Dunbar number.

Key words: Information economy, digitalization, network effect, network sector configuration, negative consequences, risks, opportunities, Metcalf's law, Moore's law, dot-com "bubble", Dunbar number.

*K. Khubiev,
A. Tekeeva***Substitutional and complete perspectives of schools of economic theory in research of new trends of modernity**

Abstract: the article considers the situation that has developed in economic theory and is characterized as stagnation with elements of the crisis. The award of the Nobel Prize for Economics in Economics for a Behavioral Economy, developed outside the Mainstream, is analyzed as evidence of the stagnation of the mainstream. Attention is drawn to the main points of internal criticism of the mainstream by the professional community of the mainstream. Critically considered are the hopes that a behavioral economy can bring economic theory out of stagnation by integrating organically into its composition. The untapped potential of the methodology of Keynesianism and political economy is analyzed. The conclusion is substantiated that a new stage in the development of economic theory is possible on the basis of the cumulative-complementary connection of the potential of the main directions of economic theory, especially at the methodological level, taking into account the traditional, from the inception of classical political economy, interdisciplinary cooperation.

Keywords: crisis and stagnation of economic theory, behavioral economics, Keynesianism, political economy, interdisciplinary cooperation.

*P. Lemeshchenko***Institutional measurement of the investment process: introduction to analysis**

Annotation: The article provides a different from the traditional, having a narrow eco-

conomic approach, the concept of "investment process". It is analyzed on a number of literary sources, from which elements, forms and stages the investment process develops in reality and what unites, laying down the effectiveness criterion, are also informal institutions. They are their mental norms and lay the effect of "rut", which is difficult to overcome even with large resource infusions. Formal institutions implement and consolidate the investment process, which results in a certain effect.

Keywords: institutions, investment process, cycle, profit, effect.

I. Vaslavskaya

The state and organization of the national economy

Abstract: in the article, main functions of the state in the system of vertical and horizontal interrelations and interdependencies between economic entities and the state are analyzed. These functions are determined by exchange of activities and their results. Special focus is made on assessing the efficiency of the state as the central institution of the economic system and optimal scale of its intervention in market relations.

Keywords: state, market relations, economy, property, transaction costs, efficiency.

*I. Blagikh,
O. Averyanova*

Humanization of social policy in modern Russia - the best time

Abstract: the article examines the problems of the impact of social policy on the system of management of the national economy. Attention is drawn to the fact that the model of economic development of a social state, to which Russia belongs, should be more oriented towards the full development of the public sector, which not only serves as a damper during economic crises, but also largely humanizes the market economy. Proper social policy eliminates the so-called "market failures", forms a conscious attitude to work and increases the manageability of the national economy. It is proved that the social activities of the state (state financing of R & D and education, the creation of jobs, the preservation and development of culture, environmental protection, etc.) as well as the social responsibility of business create the socio-dynamic multiplier of national economic growth.

Keywords: social state, public sector, social sphere, social capital, social services, socio-dynamic multiplier.

*K. Khubiev,
Kh. Aidinov,
A. Tekeeva*

Russian economy under the influence and challenges of external turbulence

Annotation: the article discusses the factors and trends in world economic development that determine the new level of intensified struggle for resources and markets. They include: the new trade and economic redistribution of the world, the counter-cyclical nature and the debt nature of the movement of the modern world economy. We consider a new

competitive space to combat technological unemployment caused by modern technological revolutions. There is a tendency to form a unipolar trade and economic space based on megaprojects and associated threats. For the first time investigated the manifestations of the "phenomenon of Trump" in economic policy. Conclusions are made regarding the impact of turbulence at the global level on the Russian economy.

Keywords: globalization, economic model, national economy, competition, institutions, national interests, trade and economic division of the world, counter-cyclical movement of the world economy, debt economy, EAEU, ASEAN.

*E. Nazmiev,
A. Nagimov*

Theoretical approaches to building information technology as local urban development institutions

Annotation: the economic base of the city, which forms the basis for the economic activity of development institutions, is considered. The role of information technologies in municipal management is evaluated. The possibilities of using budget resources to finance the activities of local development institutions are identified.

Keywords: city, Institute of development, municipal property, information technologies, municipal management.

*T. Gurnovich,
F. Batchaeva*

Formation of the regional system of information and consulting support of aic (on the example of the horse breeding industry)

Abstract: information technologies in the conditions become decisive for improving the competitiveness of the economy of the country and individual sectors, including the agricultural sector. It is especially important to use modern information technologies for the development and effective functioning of the information and consulting service (ICS) in the agro-industrial complex system. The article presents the features of the formation and development of the regional system of information and consulting support on the example of one of the most lagging branches of agriculture - horse breeding.

Keywords: information and consulting service (ICS), digitalization, consultant, animal husbandry, information technology, «leakage» of personnel.

Региональный экономический журнал

Учредитель: Казанский (Приволжский) федеральный университет
Свидетельство ПИ №ФС77-33445, от 08.10.2008 ISSN 2075-9851
Периодичность издания 1 раз в квартал: **март, июнь, сентябрь, декабрь**
Индекс 70645. Цена подписки на 2-е полугодие 2019 года 750 руб.
Адрес редакции: 483812, Республика Татарстан, г. Набережные Челны, пр. Мира 68/19,
Набережночелнинский институт Казанского (Приволжского) федерального университета

Содержание разделов

1. Вопросы экономической теории
2. Актуальные проблемы региональной экономики и управления
3. Экономика и право
4. Региональная политика и макроэкономика
5. Инновационное развитие
6. Социально-экономические институты
7. Формирование экономической конъюнктуры региона и отраслевых рынков
8. Теория и практика отношений собственности и землепользования
9. Социально-экономическая история региона
10. Экономическое образование
11. Геостратегия и геоэкономика
12. Экономика регионов мира
13. Научная жизнь (критика и библиография, обсуждение монографий, рецензии)

Правила для авторов

Статьи, направляемые в редакцию, должны иметь **рецензию**. К рукописи прилагается краткая аннотация (4-6 предложений), ключевые слова (10-14 слов) на русском и английском языке, название также на двух языках. Сведения об авторе с указанием ученой степени, ученого звания, должности, организации и города на русском и английском языке. В пакет документов вкладывается заявление автора на имя главного редактора с просьбой принять статью к публикации в очередном номере журнала и согласие на размещение ее на открытом (или закрытом) доступе сайта E-Library и формирования рейтинга РИНЦ.

Структура текста

- фамилия И.О. автора(ов) с указанием ученой степени, ученого звания, должности, организации и города – 14 шрифтом, строчными буквами, в правом верхнем углу.
- название статьи – 14 шрифтом, заглавными буквами, по центру.
- аннотация, ключевые слова (на русском и английском)

Набор текста

Текст должен быть набран в программе Word (*.doc), шрифт Times New Roman, размер шрифта – 14, отступ – 1,5 см, все поля – 2,5 см, междустрочный интервал – полуторный.

Страницы не нумеруются. Переносы в словах не допускаются. Ссылки на список литературы обязательны. **Желательно наличие рисунков, таблиц, формул.**

Все схемы, таблицы, рисунки и графики не могут быть шире размеров текстового поля и должны быть подписаны. Подписи выполняются шрифтом 10 и вставляются в рисунок в режиме “вставка”.

Формулы должны быть набраны в режиме редактора формул Microsoft Equation, шрифт Times New Roman. Основной размер символов формул 12. Формулы располагаются по центру, нумеруются с правого края.

Рукопись статьи представляется в объеме от 9 до 18 страниц. Обязателен электронный вариант. Материалы в электронном виде могут быть направлены по адресу makarovfksu@yandex.ru, regioneconom@yandex.ru.

Публикации в журнале **бесплатны**. Авторский экземпляр высылается бесплатно заказным письмом. Дополнительный номер может быть приобретен путем перечисления 350 руб. на р/счет К(П)ФУ.

Справки по тел (8552)39-66-12

Перепечатка материалов журнала «Региональный экономический журнал» невозможна без письменного разрешения редакции. При цитировании ссылка на «Региональный экономический журнал» обязательна.

Материалы, отмеченные знаком “Реклама”, публикуются на правах рекламы. Редакция не несет ответственность за достоверность информации, опубликованной в рекламных материалах.

Научное издание

Региональный экономический журнал

Научный журнал по экономике
Выпуск 1-2(25-26)

Корректор ***З.Г. Сафаралеева***
Компьютерная вёрстка ***Ф.А. Амирзянов***
Дизайн обложки ***А.В. Чухно***

Подписано в печать 13.06. 2019 г.
Формат 60×84/8. Бумага офсетная. Печать ризографическая.
Уч.-изд. 6,7 л. Усл.-печ. 11,3 л. Тираж 300 экз.
Заказ № 1388.

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре
Набережночелнинского института
ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»
г. Набережные Челны

423810, г. Набережные Челны, Новый город, проспект Мира, 68/19
тел./факс (8552)39-65-99 e-mail:ic-nchi-kpfu@mail.ru